

*Господь не выдаст, свинья не съест.
Русская народная пословица*

*Ничто так не взрослит, как предательство.
Борис Стругацкий*

МАНИПУЛЯТОР ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

- Рамзееееес!!! – заорал мой мобильник. – Рамзееееес!!! Блять!! Здарооова, чувааак!! Это Вова. Он всегда орет как потерпевший. И матершинник страшный. С обеими привычками бороться бесполезно. Оставив армию, я почти победил эту дурную привычку.

- Блять, Вов! У меня ухо щас отвалится от твоих воплей! – зная причину звонка, расплылся в улыбке я и отодвинул телефон от уха. – Здарова, балда!

- Блять, Рамзес, прости! – понизил голос тот, захыхыкал от неловкости. – Рамзес, ну этааа... Чооо..., идем сегодня в «Небеса»!?

Вовка сознательно коверкает слова и тянет гласные, говорит «здарооова» и «чооо». Выходит смешно, он всегда забавно кривляется.

- Идем, конечно, что за вопрос, Владимир? – подыграл я серьезным тоном. – Как обычно в десять у гостиницы.

- Ну всеее! Атличнааа! Давааай! Пакааа! – еще сильнее затянул гласные он, и мы простились до вечера.

На календаре было 29 апреля 2005 года, пятница. Но это не важно. Мы с Вовкой были заядлыми тусовщиками и зависали в клубах пять дней в неделю. Так уж вышло, а так всегда выходит – в какой-то момент жизни Судьба сводит нужных друг другу людей. Мы с Вовкой оказались взаимно нужными по двум причинам: работа и холостяцкая жизнь. Я не был женат, а Вовка недавно развелся. Его бывшую жену, весьма интересную девушку, я видел лишь однажды – больше трех лет назад случайно встретил их вместе на загородном пляже. Я был на машине и подвез парочку до центра города. После, явно борясь с приступом ревности, Вовка признался, что его жена назвала меня симпатичным. Ситуация лишь позабавила, я не имел привычки заглядываться на несвободных женщин. Приземистый, около метра семидесяти, коренастый, покрытый волосами везде, даже по всей спине, с пузиком, с бульдожьей челюстью, с холодно-серыми цепкими и глубоко посаженными хищными глазками – Вовка, как все неуверенные с женщинами мужчины, действовал от обратного – постоянно храбрился и разыгрывал из себя мачо. Хотя, какой он мачо!? И разговаривал он очень громко. Мой отец сказал как-то, что это деревенская привычка. Любой эмоциональный рассказ Вовки через минуту превращался в матерный ор. Как следствие, окружающие начинали на нас коситься, мне становилось неудобно, я заливался краской и одергивал друга. Вовка утихал на пару минут, но природа брала свое, и все повторялось с нескончаемой регулярностью. Вообще, не сквернословящих людей – единицы. Таким надо ставить памятник. Моему отцу в первую очередь – он никогда не матерился. А ведь отбарабанил в армии больше четверти века! Так вот.

Повторно после армии я встретил Вовку года три назад. Мы служили в разных подразделениях одной части и лично знакомы не были. А тут заехали как-то с отцом на одну из оптовых баз. Зашел я в кабинет коммерческих директоров, а там лицо знакомое сидит. Вовка тоже меня сразу признал. Мы разговорились уже на улице, пожали руки, обрадовались встрече – бывшие сослуживцы как-никак. На удачу, Вовка оказался замом коммерческого директора по бытовой химии оптовой базы «Пеликан». Его начальник, Андрей Петрович – крупный высокий мужик с красным от употребления алкоголя лицом и водянистыми безразличными ко всему глазами, намекнул через Вовку о пяти процентах сверху, если хотим продавать свой товар в «Пеликане». Безальтернативное предложение – мы с отцом согласились сразу. Дальше всё решилось быстро, и уже на следующий день мы завезли на базу первую партию.

И тут Вовка развелся с женой. По-честному, они никогда не смотрелись парой. Вовка познакомился с будущей женой в армии на дискотеке, они поженились как все и развелись как все, но без детей. Вовка снял вблизи работы однокомнатную квартиру и предался прелестям холостяцкой жизни. Бабник он жуткий, причем сальный. Ну, знаете, это когда восприятие женщин выливается сплошь в пошловатые разговоры и шуточки. В Вовке сидела обида. Упрощенно смысл его жизни сводился к четырем вещам: деньги, женщины, охота и камуфляж. Именно в таком порядке. Все дни на работе Вовка метался с взъерошенными волосами и думал, как бы заработать много денег. Причем спиздить – тоже означало «заработать». В основном в этом направлении и прикладывал Вовка всю свою могучую энергию. Попутно, он держал в поле зрения всех нравящихся женщин и одаривал их флюидами желания. Охота – третья страсть Вовки, о ней он мог говорить часами. Каждый отпуск Вовка катался к родителям в Псков, лазил там с ружьем по полям и лесам, о чем после с упоением рассказывал всем подряд в течение нескольких месяцев. Патологическая страсть к камуфляжу следовала из любви к охоте. Все, что носило на себе рисунок камуфляжа, Вовка находил прекрасным. Если он видел подобную одежду, то урчал от восторга и покупал. Шкаф Вовки всегда был забит камуфлированным тряпьем, но в повседневной жизни такое он почти не носил. Одевался Вовка безвкусно, немного неряшливо и по-простецки; ходил широко, по-медвежьему переваливаясь с ноги на ногу и стаптывая обувь внутрь.

Я подъехал к месту встречи на старом дребезжащем рейсовом автобусе. Сквозь стекло увидел Вовку, тот косолапо расхаживал по тротуару и чесал в затылке.

- Здарова! – выпалил Вовка и со всего маху вложил свою пятерню в мою ладонь, крепко сжал. Руки у него из натруженных, пальцы короткие и негибкие. Поэтому Вовка всегда растопыривает их перед рукопожатием, рука становится похожа на краба.

- Привет, балда! Какие дела!? – грубовато, в нашей манере общения, ответил я.

- Да вот, блять, весь день на работе думал, как бабки заработать! – взъерошил волосы Вовка. – Всю голову, нахуй, сломал! Нихуя не придумал!

Я засмеялся, мы побрели через дорогу на «зеленый». Стоял прекрасный теплый вечер, уже стемнело, молодежь стайками активно стекалась к ночным клубам.

- О! Эдик стоит, - махнул я рукой в сторону стоящих через дорогу «бомбил».

- Ну, вообще нормально! Поедем на Эдике пьяные домой! – громко засмеялся Вовка, изобразил тут же себя пьяного, зашатался, икнул пару раз для убедительности.

Эдик – молодой парень лет двадцати двух, невысокий сухощавый брюнет, студент последнего курса института. Привлекательный лицом, он выглядел бы лучше, если б не курил, не сидел постоянно скрюченным за рулем и занимался спортом. У Эдика была белая вазовская «семерка». Машины – его страсть. Пытаясь усовершенствовать свою, он постоянно в ней ковырялся. Задние фонари «семерки» – два красных круга, светились сквозь прямоугольный пластик, словно ракетные дюзы. Все, что могло светиться в салоне, приглушенно источало тот же красный цвет. Акустика не отставала – если Эдик врубал «Раммштайн», звук разлетался метров на сто, и в машине начинался красный звуковой ад.

Вторая страсть Эдика – женщины. Этот мелкий щуплый тип был заядлым ходоком. Эдика выдавал взгляд – он сразу становился масляным при виде любой девушки или женщины. Со своей девушкой у Эдика было сложно. Они, то ссорились, то сходились. Я пару раз ее видел – тощая как палка, с кривой фигурой, девушка была безнадежно тупа и некрасива лицом. Что он в ней нашел? Загадка. Видимо поэтому, свои отношения с ней, Эдик настойчиво компенсировал сношениями с другими женщинами. Познакомились мы с ним с год назад. Как обычно, я вышел ночью из клуба в сильном подпитии и петляющим шагом направился в сторону гостиницы, где всегда стояли «бомбилы». В клубе я пропил все до копейки, о чем честно предупредил первого же извозчика. Я сказал, что расплачусь на месте, взяв деньги дома. Таким способом «бомбил» часто кидали на деньги, и из всех везти меня согласился лишь Эдик. С тех пор проблем с такси после клуба у меня не было. Я звонил Эдику, тот забирал меня из любого места и в любом состоянии. Иногда вез в долг, но я не злоупотреблял его кредитом. С появлением Вовки работы Эдику добавилось – вместо одного пьяного тусовщика, он стал развозить по домам двоих.

До клуба оставалось два квартала.

- Ну чо, как работа!? Продажи прут, блять, бабки валяются, небось!? – гаркнул возбужденно Вовка.

- Да, сейчас заебись – сезон, продажи хорошие, - кивнул я.

- Ооо, буржуи!!! – зарычал Вовка с нотками зависти, вцепился сильными пальцами в мой правый локоть, заглянул снизу мне в лицо алчно.

Вовкину зависть я ощущал кожей. Он переводил ее вроде как в шутку. Но актер из Вовки никудышный. Меня чувство друга не оскорбляло, это была зависть не бесталанного лентяя, а человека деятельного. Как если бы жеребец из загона увидел скачущих мимо диких лошадей. Он начал бы яростно наматывать круги по загону, всеми силами желая оказаться снаружи. Последние два года наш бизнес медленно, но верно рос на глазах Вовки. И мы с отцом были в категории «свободных», трудящихся на себя людей. А Вовка как большинство корпел на наемной работе. Это удручало его и вызывало частые приступы зависти к «буржуям».

- Да какие буржуи? Хорош тебе! – выдернул я локоть из цепкой «клешни» друга.

- Буржуи, буржуи, блять!!! Я знаю! – ощерился тот и засмеялся. – Хы-хы-хы!

- Ты б побыл таким буржуем, на своем горбу целыми днями с отцом таскаем эти дурацкие коробки... Последний год так вообще кошмар, мы реально домой приезжаем каждый день не раньше восьми вечера! А как весна началась, так вообще мрак, с утра и до вечера эти коробки загрузи-разгрузи! Заказов много, мы работаем на пределе... Хорошо, хоть от розницы избавились! А то еще и по выходным бы пахали... Хотя, последнее время и так по субботам частенько товар развозим... Херовая тенденция... Надо с ней кончать, а

то понравится еще! – засмеялся я. – Так что никакие мы не буржуи, а обычные работяги! Буржуи в кабинетах сидят, а мы с отцом пашем!

- Ооо!!! Ладно, ладно, я шучу, Рамзес! – сдал назад Вовка, присвистнул, призывно строя глазки проходящей навстречу девушке.

Мы подошли к светофору, машин не было, не останавливаясь, потопали дальше. Через пару минут слева вырос кинотеатр, а справа снова светофор. Мы встали в ожидании зеленого сигнала.

- У тебя-то на работе что новенького? – поинтересовался я.

- Да че там новенького, ты ж только вчера был в «Пеликане», ёпть! – принялся Вовка тереть ручищей лицо, будто спросонья. – Че там может быть!?! Все, то же самое. Загорелся «зеленый», мы зашагали через дорогу.

- А! Не! – остановился посреди дороги Вовка. – Папа себе джип купил новый!

«Папа» – владелец «Пеликана» – денежный мужик лет пятидесяти, подтянутый, с внешностью отставного военного.

- Пошли, чего стал-то!?! – пихнул я Вовку под локоть, тихо смеясь, хмыкнул.

Вовка погрузнел и поплелся дальше, снова стал тереть лицо. Он всегда грустнеет, когда кто-то реализует его маленькую мечту. Вовке нравятся джипы.

- Нормальный агрегат?

- Ды! – кивнул тот и расплылся в довольной улыбке. Вовкино «ды» вместо «да», означает точку наивысшего одобрения чего угодно. «Ды!» – Вовка высказал свое мнение, оно непоколебимо и абсолютно. Я не был против, ведь в мечтах Вовка уже видел себя за рулем такого «броневика», скачущим по долам и полям и стреляющим всякое зверье.

Мы перешли дорогу, повернули налево, до клуба оставалось метров тридцать.

- А сколько ж он за него отвалил? – спросил я.

- Два лимона!

- Ого! Нехило!

- Да пиздец! – взъерошил волосы Вовка. – Себе такой теперь хочу!

- Да кто б сомневался! – засмеялся я и смачно хлопнул друга по спине.

- Охо-хо! – воскликнул Вовка, завидев впереди скопление людей.

«Чистое небо» – популярный клуб, начиная с пятницы, вечернее столпотворение перед входом – обычное дело. Снаружи, упираясь спинами во входную дверь, в черных костюмах стояли два охранника. Перед ними колыхался и гудел подпитыми голосами рой человек в двадцать, задние напирали на передних, тех в свою очередь отпихивали назад охранники. Так могло продолжаться до полуночи. Мы приблизились, я глянул внутрь клуба через боковое витринное стекло. Знакомый охранник стоял на лестнице и крутил пальцами зажигалку. Через секунду наши взгляды встретились. Я пальцем показал на вход, охранник кивнул и шагнул к двери.

- Этих пропусти двоих! – произнес он наружу через щель, с трудом плечом открыв дверь на пару сантиметров. Охранники среагировали, чуть отжали толпу от двери, мы с Вовкой быстро просочились внутрь за их спинами. Из клуба наружу вырвались звуки веселья и музыки, толпа позади тут же издала недовольный гул. Поздно, дверь с силой захлопнулась за нашими спинами и вновь приняла на себя натиск толпы.

Клубы – отдельный разговор. К своим двадцати восьми годам, после парочки продолжительных, но неудачных отношений с девушками, я уже года два как числился в заядлых тусовщиках. Опыт неудачных отношений на время притупил желание новых, и я

пустился во все тяжкие. Надо признать, что «тяжкие» выходили вполне приятными. Если бы меня спросили, прожил бы я снова эти годы так же, ответ – однозначно «да». Обойдя почти все увеселительные заведения города, я застрял в «Чистом небе». Клуб странным образом притягивал мне подобных, бесцельно болтающихся пресыщенных ночной жизнью молодых людей. «Чистое небо», вроде как, ничем особенным не отличалось. Но круглый год в нем было вдвое больше посетителей, чем в остальных клубах города. Даже в «мертвый сезон» середины лета, когда город разъезжался по южным курортам, когда в прочих заведениях тоскливо коротала время тройка человек, «Чистое небо» заполнялось наполовину. С сентября же, едва население города возвращалось, заведение переходило на осадное положение. Посетители набивались в клуб как селедки в бочку. И все потому, что он находился в небольшом подвальном помещении. Улицы исторического центра города сплошь состояли из рядов двух-, трех-, четырехэтажных домов. Угол одного из таких домов и являлся входом в «Чистое небо». С фасадной стороны угла висела входная тяжелая деревянная дверь; боковая сторона, будто витрина магазина, смотрела в проулок рядом высоких окон; над витриной окон на подсвеченном темно-синем фоне в золотой россыпи звезд выделялась яркая надпись – «Чистое небо». Проулок уходил темнотой в прямоугольную асфальтовую площадку, окруженную со всех сторон невысокими домами. В дальнем углу площадки меж домами был разрыв, куда многие в подпитии ходили ссать. Из проулка постоянно едва уловимо тянуло мочой.

Сразу за дверью начиналась крутая прямая лестница вниз, ступенек в двадцать. Она заканчивалась тесным пяточком два на два метра. Справа на пяточок смотрела дверь гардеробной – тесной узкой кельи, в окошке которой всегда торчала, подпертая кулаком, унылая физиономия гардеробщицы. Тут же за тумбой восседала кассирша. Оплатив вход, посетители шли влево в арочный проход – в сам клуб. Он состоял из трех помещений: первое – основной зал со столиками слева, метров сорок площадью, он был ниже уровнем остального клуба на полметра; второй – квадратный зал справа метров в тридцать, также уставленный столиками; третье и самое дальнее – танцпол, прямо. Центральная дорожка меж первыми залами вела к большой барной стойке и далее параллельно ей тянулась в грот – в буквальном смысле пещеру, будто выдолбленную в сплошной массе красного кирпича. Грот был тесным квадратным помещением метров в пятнадцать площадью с колонной посередине. Линия барной стойки продолжалась вдоль правой стены грота двумя метровыми нишами – стойкой официанток и в конце – малой барной стойкой. Левая стена грота была сплошной, заканчивалась она в дальнем углу аркой, за которой и был танцпол – прямоугольное двухуровневое помещение площадью метров в шестьдесят. Ближняя половина состояла из двухметровой стойки у левой стены и десятка столиков по углам, оставлявших центральную часть свободной. Дальняя половина, как и первый зал, была занижена на полметра и соединялась с ближней деревянной лестницей в три ступеньки с поручнями и толстыми колоннами по обе стороны лестницы. Эта половина отводилась под танцы. На ней полутораметровыми полукругами из стен выступали две мини-сцены в те же полметра высотой. Первая – из правой стены посередине, вторая – из дальнего левого угла. За ней в этом углу виднелась точно такая же дверь с окошком как у гардеробщицы. Дверь вела в тесную, не более пяти квадратных метров, каморку диджея. Дальние, правая и центральная, стены танцпола были сплошь от потолка до пола зеркальными.

Туалет в «Чистом небе» располагался оригинально, выше, чем подвальный клуб – на первом этаже здания. От центральной дорожки перед большой барной стойкой вправо

и резко вверх полувинтом вели ступеньки, и для выпивших посетителей они становились испытанием – немало народу вывернуло там ноги и скатилось кубарем вниз. Ступеньки заканчивались крохотным пятачком в метр площадью, от которого вправо и влево вели две двери – в женское и мужское помещение.

Посетители делились на две категории – те, кто располагались за столиками в залах и те, кто пришли налегке, просто выпить, потанцевать и поотираться возле барных стоек и вдоль стен грота. Когда за два часа до полуночи на танцполе громко включалась музыка, то в столпотворение у стоек, в гроте и на танцполе вливались вдоволь насидевшиеся за столиками. У большой стойки становилось сразу не протолкнуться. Узкий проход в грот и он сам плотно набивались людьми. Чтобы попасть на танцпол, приходилось семенить в тесном брожении живых тел и упорно двигаться в нужном направлении. Плотность живой массы дополнялась пеленой табачного дыма и громким гулом разговоров. Дым заполнял грот густо, превращая воздух в полупрозрачный едкий туман, и постепенно расплзался по всему клубу. Среди всего этого нервно сновали официантки с полными подносами. Они встречались меж собой у своей стойки, лишь чтобы свалить на нее грязную посуду и взять на поднос очередной заказ. Алкогольный конвейер стартовал у большой стойки, с включением музыки продолжался у малой и на танцполе – водка, реже текила, еще реже виски, очень часто пиво, часто «отвертка» и другие популярные коктейли.

Днем заведение работало как кафе, включение музыки переводило его в режим клуба. К полуночи поток посетителей достигал апогея, и заведение становилось похожим на битком набитую рыбой бочку, приправленную соусом из алкоголя и табачного дыма. Идеальное время входа в «Чистое небо» – за час до полуночи, когда очередь за алкоголем еще не чрезмерна, подвыпившие посетители еще не пьяны, а апогей веселья впереди.

- Здравова! – от души хлопнул я по протянутой пятерне охранника.
- Ооо!!! – зарычал Вовка и следом с размаха вложил своего «краба» в ту же руку.
- Девчонки есть? – кивнул я вниз.
- Полно! – провел зажигалкой по горлу охранник.
- Ну, раз так, то мы пошли! – улыбнулся я и шагнул вниз.
- Ооо!! – раздалось за спиной одобрителное рычание Вовки.

Миновав арку, мы стали пробираться в разгоряченном телами и музыкой воздухе к большой барной стойке. Навстречу с подносом над головой и грязной посудой на нем ловко проскочила невысокая официантка. Я глянул на нее: «Нет, не та, что мне нравится».

Большая стойка уже была сплошь обвешана любителями выпить. Я протянул руку поверх их голов, поздоровался с барменом. Вовка, встав на цыпочки, повторил ритуал.

- Там есть кто-нибудь? – показал я взглядом в сторону малой стойки.

Бармен утвердительно кивнул.

- Ну, мы тогда пойдем, закажем там чего-нибудь... алкогольного...
- Да, ударим ща по «отвертке»!!! – заорал за спиной Вовка.

Здесь его привычка орать пришлась к месту – музыка трясла стены заведения, к ней добавлялся гул разговоров, лязг посуды и почти непрерывный треск звонков телефонного аппарата на большой стойке.

Поздоровавшись с половиной завсегдатаев клуба, мы протиснулись сквозь грот ко второму бармену. Я махнул ему в знак приветствия, занял место в конце уже немалой очереди и одновременно в самом удобном месте грота – в арке меж центральной колонной и правой стеной. Вовка принялся оживленно крутить головой, цепляя взглядом всех

проходивших мимо девушек. Я достал пачку «Лаки Страйк». Вовка тут же запустил в нее пальцы и привычным движением выудил сигарету себе. Мы закурили.

Курить я начал поздно, в 24 года. Можно было и не начинать, но я сглупил. Курил обычно мало, пять-шесть сигарет в день. В клубах же всегда курил больше – до пачки за вечер. На следующее утро, естественно, голова раскалывалась, и весь день я испытывал стойкое отвращение к сигаретам. Но к вечеру оно проходило, и все начиналось заново.

- Че там у тебя на работе еще нового!? – спросил я громко Вовку, наклоняясь почти к самому его уху и напрягая связки, стараясь перекричать грохот клуба.

- Да че там может быть нового! – рявкнул Вовка, суетливо крутясь в арке. – Петрович заебал бабки грести под себя! Надо будет его Папе сдать, чтоб тот его выпер к хуям с базы!

- В смысле, гребет бабки под себя? Не делится что ли с тобой? Я думал, вы там вдвоем все дела обтяпываете...

- Да не, у него там свои клиенты есть! И он же еще туалетной водой занимается, пихает ее везде через своих корешей по базам. Ну и нам сюда тоже сдает, а потом бабки снимает и себе в карман...

- А ты-то, хоть где-то имеешь? – задал я неудобный прямой вопрос.

- Парочка вот таких жуликов как вы... хы-хы..., - Вовка принялся сверлить меня хитрым алчным прищуром глаз, – мне платит дань!

Я пихнул его рукой в плечо, Вовка, довольный сказанным, засмеялся сильнее.

- Ну, когда уже будет наша очередь, и мы получим свою «отвертку»!!!!?? – вдруг нетерпеливо заорал он в сторону бармена, встав на цыпочки.

- Скоро..., - улыбнулся тот, крутя горящий бокал с самбукой и гася резко пламя.

Парень, клиент, залпом выпил полбокала самбуки, остальное выпила девушка. Наклонившись к стойке, парень через трубочку втянул в себя алкогольные пары из-под стакана. Вся очередь с интересом смотрела на действие. Парень распрямился, обнял девушку и с красным лицом и выпученными глазами потянул ее в темноту танцпола.

- Как обычно? – посмотрел на нас бармен.

- Да, как обычно! И водки, блять, побольше!! – гаркнул Вовка, протискиваясь к стойке и пожимая руку бармена. Тот отвернулся и начал колдовать над заказом. Через минуту перед нами стояли два поллитровых пластиковых стакана с коктейлем.

- Две двойные «отвертки»..., - показал на них рукой бармен, невозмутимо сунул руки в карманы брюк, вопросительно уставился на нас. Расплатившись, мы взяли пойло и протиснулись обратно в арку. Очередь позади нас тут же схлопнулась вокруг стойки.

Мы всегда заказывали «отвертку». По напитку легко судить о количестве денег в карманах посетителя, если тот, конечно, не цедит из одного стакана что-то дорогое весь вечер. Безденежные упивались пивом, кто при деньгах – демонстрировали в руках бокалы с виски, на худой вариант, коньяком. Иные, кто пытался доказать, что деньги у них есть, хотя на лице было ясно написано обратное, проверенным приемом бросали пыль в глаза окружающих – заказывали водку сразу бутылками. Я ничего не пытался доказывать, денег в то время было мало – недорого и с гарантией неспешного опьянения я пил «отвертку». Коньяк или виски мы пили уже у Вовки дома, у него всегда что-то подобное находилось в холодильнике. Со временем «отвертки» стало мало, я перешел на двойную дозу и сманил и Вовку. В двойной «отвертке» сто грамм водки и четыреста сока, и пьются эти поллитра уже заметно дольше. Изловчившись, я уже точно знал, когда начну пьянеть, а когда мне

хватит. Идеально было выпивать за вечер четыре, максимум пять двойных «отверток», чтоб не пьянеть сильно и поймать то самое состояние эйфории: когда расслабляешься после трудового дня; все отлично видишь и воспринимаешь; общение складывается как нельзя лучше; улыбка не сходит с лица; все кажутся «братьями», «сестрами», «друзьями» и «подругами»; и весь мир видится исключительно в радужных тонах. Если я перебирал, то начинался регресс поведения – я замыкался, мрачнел, становился агрессивным, язык и ноги заплетались, наступала подавленность, и в голову лезли глупые мысли. К тому же я не мог похвастаться сильным вестибулярным аппаратом. Если двойных «отверток» было больше пяти за вечер, по итогу я почти всегда блевал. Курение лишь усугубляло эффект от выпивки. А курил я в клубах сигареты почти одну за другой.

Я потянул через трубочку «отвертку» на красном виноградном соке – жуть как горько! Водки бармен и вправду не пожалел. Мы стояли с Вовкой в арке, курили и накачивались алкоголем. Трезвым в клубах делать нечего.

- Слушай! Получается, если Петровича Папа выпрет, то ты будешь на его месте!?

- Ясен хуй!!! – вытаращился на меня Вовка как на идиота. – А нахуй тогда его мне подламывать!? Чтоб какой-нибудь осёл сел на его место!?

Вовка смачно со звуком втянул в себя коктейль, затянулся сигаретой.

- Сдам козла к хуям с потрохами! – продолжил он, задетый за живое. – А ты видал, какая баба приезжает к Папе на «пежо» здоровом таком синем!?

Я задумался. Припомнил. Фигура «а-ля Софи Лорен», внешность типажа Джинны Лоллобриджицы. Такую женщину заметит даже слепой – яркая брюнетка сильно бальзаковского возраста с выдающимися формами и умением их красиво упаковать и подать. Ухоженная и стильная дама в «черепашьих» солнцезащитных очках. Я часто ее видел в «Пеликане». На оптовой базе она смотрелась как породистая пава в курятнике.

- Ааа, да! Видал! А чего она там у вас забыла!? – поинтересовался я.

Не знаю! – пожал плечами Вовка. – Ходит зачем-то все время к Папе на второй этаж... Бизнес вроде как у нее какой-то... Папа там весь слюнями изошелся!

Следом он вывалил по-собачьи язык изо рта и начал им «лакать воду». Я засмеялся глупому виду Вовки, протискивавшиеся в толпе рядом девушки уставились на него. Вовка тут же покраснел, смутился и отвернулся к стенке, топчась растерянно на месте.

Вечер шел обычно – накачавшись спиртом, мы пробрались на танцпол. Публика там была уже разгорячена, вытяжка не справлялась, становилось душно. Обе зеркальные стены запотели снизу до половины как в сауне. Танцующие слились практически в одну прыгающую и кривляющуюся массу, от которой волнами шел кислый запах несвежей одежды, пота, дешевых духов, дезодоранта. С каждой минутой общее опьянение росло, парни все больше приставали в танце к девушкам, те все меньше противились. Девушки призывно виляли телами, удовлетворенно ловя на себе мужские разгорающиеся взгляды. Парни старались приблизиться к понравившейся девушке, слиться с ней в общем ритме. Если взаимности не случалось, отвергнутые одной, парни ловили в фокус вожделения очередную девушку, двигались к ней. Место отвергнутого тут же занималось следующим. Перед моим запьяневшим сознанием проносилась нескончаемая карусель потных пьяных лиц в реве музыки и стробоскопе света. Танцы образовавшихся пар все больше походили на имитацию полового акта. По углам жарко целовались парочки. Я участвовал в пьяной карусели похоти вместе со всеми – чья-то грудь, чье-то бедро, классная задница, ужасный парфюм, красивые губы, грубые руки, липкая кожа талии, прокуренный голос, пьяные

глаза, красивые волосы, угловатые движения. Я тщетно пытался запоминать имена. Вовка был где-то тут же. Пару раз за вечер мы с ним поднимались на улицу подышать воздухом и покурить. Сплошная круговерть, толчея, нескончаемое движение, забитый людьми грот, официантки, ругающиеся на всех подряд сорванными голосами. Та, что мне нравилась, посматривала на меня. Выпитое стало давить на мочевой пузырь. Оставив Вовку в арке, я пошел в туалет. Но на первых же ступеньках крутой лестницы уперся в очередь. Двадцать минут томления и я попал, наконец, в туалет – один писсуар забит и полон мочи, сидячая кабинка занята. Я облегчился во второй и единственный рабочий писсуар. Меня слегка качало, но я вроде бы попал в писсуар, стараясь при этом из-за ужасного запаха в туалете не дышать. Уборщица, пожилая скрипучая сутулая тетка с волосами крашеными дешевой хной, зашла в туалет с тряпкой на швабре, начала зло тереть пол и материться. Ее прыть сбила с толку всех, даже самых пьяных и агрессивных парней. Те, нечленораздельно мыча и торопливо застегивая штаны, стали по стеночке выскальзывать из туалета. Я не мог мочиться при женщине, торопливо прервался на половине, делая вид, что закончил, протиснулся к умывальнику, полному воды и раскисшей туалетной бумаги. Помыв руки, я вышел на лестницу. Не имея желаний упасть, я сосредоточенно взялся за перила и преодолел ее вниз, нашел взглядом Вовку, кивнул ему, и мы в очередной раз устремились на улицу к свежему воздуху.

Пять двойных «отверток» и полпачки «Лаки Страйк» – я был пьян. Вовка, похоже, тоже. Время летело быстро, народ начал расходиться. Мы сели снаружи остекления входа, пристроившись задницами на металлическом козырьке. В конце проулка мелькали неуверенные полупьяные тени по одной или парочками, справляя нужду или целуясь. Тяжелая входная дверь регулярно бухала, выпуская из клуба шумную публику. Одни уходили бодро, другие пьяно брели бесцельно прочь, незаметно растворяясь в ночи, третьи, как и мы, выходили на улицу подышать и покурить. Вокруг стоял пьяный галдеж, воздух был пропитан адреналином. Мы вернулись в клуб.

Три часа ночи. Музыка смолкла, тишина сразу обрушилась на уши, стала давить. Мы с Вовкой попрощались со всеми, кто попался на глаза, и окончательно покинули клуб. Я люблю ночной город. Особенно когда тепло. Можно неспешно пройтись и пообщаться. Особенно пьяным есть о чем общаться. Я глянул на Вовку, его качало. Я достал телефон, позвонил Эдику, сказал, что скоро подойдем. Тот остался на месте ждать нас.

- А эта официантка на тебя пялилась! – неожиданно произнес Вовка.

- Ну да, вроде как смотрела... А она ничего такая..., - делано равнодушно кивнул я.

- Да, глазастенькая такая, губастенькая! – расплылся довольной рожей Вовка.

- Да хорош тебе, нормальная девчонка! – рефлексивно защитил я девушку.

- А я чо, говорю, что она ненормальная, что ли какая!? Не страшная, нормальная симпатичная девчонка!

- Я и говорю, что нормальная! Мне нравится..., - признался я специально, надеясь удовлетворить интерес друга малым и одновременно погасить, но вышло обратное.

- Ну и знакомился бы! Подошел бы, трали-вали, все дела, разрешите, мадам, с вами познакомиться! Я буржуй, у меня бабок завались, я вас хочу! – воскликнул Вовка, и тут проявив свою способность, опозлать что угодно.

Я хмыкнул, пихнул того в плечо. Вовка подыграл, закачался словно ватный, описал заплетающимися ногами петлю на асфальте и, довольно щерясь, снова пошел рядом.

- Успею еще, куда она денется, мы ее каждый день там видим..., - отмахнулся я, но мысль засела в голову, я начал ее обдумывать.

- Они по неделям работают, смотри, сегодня пятница же, значит, еще два дня будет работать. А то просрешь свое счастье! – настырно керосинил меня Вовка.

- Значит, через неделю познакомлюсь..., - продолжал я имитировать равнодушие.

- Как ее зовут то хоть, знаешь? – не унимался Вовка.

- Не знаю. Потом узнаю.

- Эээх, ты! Уведут губастенькую, смотри! – снова подначил меня друг.

- Она на меня смотрела..., не уведут..., - парировал я, улыбнулся.

- Да у нее и задница ничо такая!

- Все-то ты разглядел!

- Ну, а чо!? Я люблю, когда у девушки все есть.

- Да кто ж не любит. Ну что, я у тебя останусь? – сменил я тему разговора.

- Блять, Рамзес, да оставайся! – пожал Вовка плечами, вытащил руки из карманов, развел их в стороны. – Мне какая разница, диван красный ждет тебя!

Мы вывернули из-за угла вправо, вдоль бордюра тянулся ряд из машин. «Семерка» Эдика с горящими задними «дюзами» стояла в его середине. Мы с Вовкой сходу открыли двери машины и шумно ввалились в салон. Эдик сидел за рулем и ковырялся в «торпедо», поднял на нас меланхоличный взгляд и через секунду вернулся к своему занятию.

- Чё, наплясались!? – улыбнулся он.

- Дааа!!! – зарычал с заднего сидения Вовка, запыхтел шумно, зерзал.

- Бля, мы нажрались! – признался я, устроившись спереди.

- Ну, это само собой..., - философски резюмировал Эдик, перестал копаться под рулем, уставился на меня немигающим взглядом, улыбнулся. – Едем?

Я кивнул, растянул лицо в глупой пьяной довольной улыбке.

- И музон, бля, давай погромче!!! – заорал сзади пьяный Вовка почти мне в ухо.

Эдик ткнул пальцами в кнопки магнитолы, крутанул ключ в замке зажигания, салон наполнили первые мелодичные мотивы песни, обороты двигателя с ревом подскочили, из колонок, как кувалдой, по ушам саданул ударный звук:

Getadelt wird wer Schmerzen kennt
Vom Feuer das die Haut verbrennt
Ich werf ein Licht
In mein Gesicht
Ein heisser Schrei
Feuer frei!

Машина сорвалась с места и понеслась в звуковом аду по пустым улицам города.

Bang! Bang!

«Только бы не сблевать...», - подумал я и лишь крепче взялся за ручку над дверью. Мы неслись, резко входя в повороты. Я не думал о безопасности – Эдик водил отменно, я беспокоился о желудке – меня слегка мутило.

Вовка жил в полукриминальном рабочем районе, который был весь утыкан облезлыми кирпичными четырех-, трех- и двухэтажными «хрущевками». Он снимал тесную угловую квартирку на последнем четвертом этаже одного из таких домов.

Эдик притормозил у остановки, приехали. Я был рад, что впереди суббота и можно за прошедшую неделю спокойно отсыпаться у Вовки хоть до обеда. Меня все еще мутило, я открыл дверь, сделал глоток свежего воздуха. С заднего сидения, кряхтя и матерясь, на улицу вылез Вовка. Получив деньги, Эдик укатил, оставив нас, наконец, в ночной тиши. Мы зашагали вглубь спящих дворов, до Вовкиного дома было метров двести по прямой.

Во дворе дома стояла почти крошечная темень, ни один уличный фонарь не светил. Над металлической дверью подъезда отсутствовал козырек, в стене выше торчал полый штырь – все, что осталось от лампы освещения. Мы зашли внутрь. На площадке первого этажа тускло горела лампочка, навстречу потянуло сыростью. В старых подъездах всегда воняет. В этих «хрущевках» все плохо – маленькие площадки на этажах, узкие и с разным наклоном лестничные марши, ступеньки разной высоты и глубины и тесные квартиры.

Мы зашагали вверх. Одышка появилась у обоих и почти сразу. Мое сердце гулко заколотило, отдавая в уши. Я тяжело задышал, взялся за перила. Алкоголь в крови мешал идти ровно. Вовка шумно сопел позади. Оба громко топали.

Наконец-то мы пришли. Спать хотелось невероятно. Я быстро разделся до трусов, посетил туалет и облегченно поплелся на кухню – захотелось чаю. Взял сигарету, сел на деревянный старый скрипящий и разболтанный стул со спинкой, закурил. Следом в камуфлированных трусах вошел Вовка, озираясь на кухне, пьяно поскреб волосатое пузо, тоже закурил. Сидя друг напротив друга, стали ждать, когда закипит чайник.

- Сыр будешь? – засмеялся бесшумно Вовка.

- Ты заебал уже со своим сыром! – засмеялся и я.

- А что, сыра много! – продолжил Вовка, распахнул холодильник. Тот был забит сыром. Несколько больших круглых голов занимали его почти весь. Я снова засмеялся.

- Не, ну его надо жрать, пропадет же! – уже, будто даже извиняясь, добавил Вовка.

- А чего ты его приволок столько? Взял бы немного...

- Дык халява же! Как не взять!? – удивленно поскреб в затылке Вовка. – Все равно бы выбросили, со склада списывали, надо было брать. Да и сыр хороший, «Дор Блю», «Пармезан», это тебе не наше говно дешевое. Не, надо было брать.

Я продолжал посмеиваться. Электрочайник забурлил, щелкнул выключателем.

- Вот теперь и жуй один сыр целыми днями!

- Бля, Рамзес, и так жру его постоянно, уже не могу! Заебался! – засмеялся Вовка, разлил чай по кружкам, кинул в обе по пакету чая, протянул одну мне. Стали пить чай, через глоток затягиваясь сигаретами.

- Ща допьем и спать..., - пробормотал я. – Не могу уже, глаза слипаются...

- Ну... блять, красный диван тебя ждет! Хы-хы-хы! – вновь засмеялся Вовка.

- Бля, никакого гостеприимства... Нет, чтоб самому лечь на этот диван, а мне, как гостю, отдать свой аэродром..., - засмеялся и я беззлобно. – Это ж клоповник, а не диван.

- Ну, другого нет. Чем богаты, тем и рады.

Докурив, допив, побрели спать. Я лег на старый диван, тот заскрипел подо мною. Ткнувшись ребрами сквозь ткань в кривую пружину, я начал было думать о ней, но храп с Вовкиной кровати тут же срубил и меня.

- У тебя «Цитрамон» есть? – произнес я утром, не открывая глаз.
Вовка уже шарился на кухне, погромыхивая посудой.
Я разлепил глаза, огляделся.
- Башка что ли болит!? – раздалось из кухни в ответ.
- Да, раскалывается жутко... Сколько времени?
- Половина одиннадцатого уже! – по-военному рявкнул Вовка. – Вставай, давай!
Солнце сквозь окна заливало комнату светом и обволакивающим теплом. Я встал, обласканный лучами палас приятно грел ступни. Выпив таблетку, я пошел в ванную, оттуда на кухню, где, как обычно, чавкая, уже пил чай с бутербродами Вовка.
- Сыр? – спросил я сонно, пытаясь шутить.
Вовка кивнул утвердительно, буркнул неразборчиво, улыбнувшись набитым ртом.
- Мы его год жрать будем. Домой, что ли взять немного? – сказал я.
Вовка энергично одобрительно закивал, тут же полез в холодильник.
- Не, не, не! Я пошутил! – принялся отмахиваться я.
Вовка сразу погрузился, перестал жевать, закатил головку сыра обратно.
Выходной день. За окном весна. Спешить некуда. Оба в одних трусах, мы сидели и пили чай. Головная боль заметно утихла, домой мне совсем не хотелось.
- Как там батя твой? – вдруг спросил Вовка. – Все ругается на тебя?
Как только я осмыслил вопрос, на меня накатило.
- Да так, сремся регулярно, - вяло отмахнулся я. – Заебал он меня. Постоянно доебывается до всякой хуйни, это ему не так, то ему не так. Я уже не могу с ним работать, сил нет никаких. Деться бы куда-нибудь, да не бросишь же все это. Хорошо, хоть розницу закрыли. Я тебе говорил, что розницу закрыли?
- Ну да, че-то такое говорил, - в промежутках между чавканьем вставил Вовка. – А че, совсем что ли закрыли? А товар куда будете девать?
- Не знаю, мы только вчера ж ее закрыли, продали киоск, - пожал плечами я и рассказал всю историю продажи, чем вызвал у Вовки приступ довольного смеха.
Чай – хорошая штука! Я постоянно им отпаивался после перебора с алкоголем и сигаретами. И в тот раз, потягивая сладкий чай, я постепенно приходил в себя.
- Бляаа!! Время сколько!!??? – чуть ли не заорал я вдруг.
Вовка удивленно вытаращился на меня, обернулся назад и через плечо посмотрел на часы, вмонтированные в газовый котел: «Половина двенадцатого, а че такое?»
- Блять, я забыл! – вскочил я и тут же сел. – Нам в «Сашу» сегодня до трех надо успеть! «Саша» закрывается! Товар надо забрать и рассчитаться с ними!
- «Саша» закрывается!? – еще больше удивился Вовка. – А че это они!?
Я стал усердно дожевывать бутерброд и запивать его жадно чаем, попутно отвечая на Вовкины вопросы. Покончив с бутербродом, я метнулся в комнату. Натянул джинсы, майку, толстовку, схватил мобильник и по памяти набрал номер.
- Странно, че это «Саша» закрывается!? – донеслось с кухни по завершении звонка.
- Да, я сам удивился, так неожиданно, нормальная контора, работала-работала и тут на тебе, закрывается! – я вернулся на кухню, большими глотками прикончил чай выпалил: «Все, я погнал! Че, вечером идем!?»
- Ёпт, Рамзес, спрашиваешь!
- Хорошо, как закончу, позвоню, давай, пока!
Я сунул ноги в туфли и выскочил за дверь.

ГЛАВА 2

К концу 1998 года отец был уже год как военным пенсионером. До выхода на пенсию в разговорах он всегда выказывал желание заняться после службы бизнесом. Всякий раз я горячо поддерживал отца, но поскольку был совершенно молод и зелен, кроме устных одобрений мне предложить ему было нечего. Я верил в отца всем сердцем, верил в его скорый успех, отец был человеком высоко эрудированным и умным. Меня самого коммерческая деятельность привлекала очень, хотелось по окончании института окунуться в бескрайнее и неизведанное море бизнеса. А пока мне оставалось еще полтора года учебы в институте на вечернем отделении. Мне думалось, что за это время моей отец уже начнет свой бизнес, и тут как раз я, окончив институт, примусь помогать ему во всем. Но жизнь распорядилась иначе. Пока я заканчивал четвертый курс и подрабатывал в одной частной фирме, отец успел пройти путь от заместителя директора оптовой фирмы до «бомбилы» – человека, занимающегося частным извозом на своей машине. Я не придавал такому факту никакого значения. В те годы ситуация в стране была сложной, все работали кто где мог. Случайные заработки не спасали положения, выручала семью лишь военная пенсия отца. Я помню его состояние в тот период – подавленность, растерянность, вина – все это читалось в глазах отца. Но им двигало умение и желание трудиться. От природы отец был трудолюбивым и упорным, работа его не пугала. Но любой плюс в человеке – его же потенциальный минус, и наоборот. Минусом чрезмерного трудолюбия отца было то, что он всегда шел не самым экономным в плане усилий путем. Не зря ведь говорится: «Поручи работу ленивому, и тот найдет самое легкое решение». В сказанном есть истина, в чем я позже убедился не раз.

В августе 1998 года в стране случился известный кризис и превратил мои семьсот рублей зарплаты в копейки. По наивности лет я ждал от прижимистого директора фирмы хотя бы незначительного повышения зарплаты. Вскоре, осознав напрасность ожиданий, я стал отлынивать от работы. Директор все понял и к сентябрю 1998 года меня уволил.

Бывшему студенту без опыта и связей светят лишь вакансии, где много работы и мало денег – эта перспектива не радовала. Я начал рыться в газетах и журналах, пытаюсь найти что-то интересное. Мною двигало ощущение, что если искать, то обязательно что-то отыщется. В начале сентября я наткнулся на объявление: «Представительство Н-ского пивоваренного завода приглашает торговых агентов». Я показал объявление отцу, он заинтересовался. Следующим утром мы уже общались с крупным и полным мужчиной лет тридцати пяти. Работа предлагалась простая – брать в представительстве пиво под реализацию по фиксированной цене, делать какую пожелаешь наценку и продавать его по любым торговым точкам. Условие было одно – материальная ответственность за товар и гарантия возврата денег. Откликнулось на объявление человек пятнадцать, все со своими грузовыми машинами. Большинство были на микроавтобусах, один – на «пирожке». На нашу «двойку» все косились недоуменно – возить пиво в ящиках в легковой машине, явно было отчаянным решением. За дело мы с отцом взялись с энтузиазмом. Полное отсутствие личного опыта я компенсировал непоколебимой верой в опыт и авторитет отца. Разложив задние сидения «двойки», мы стали загружать в нее ящики с пивом. Само собой случилось у нас и разделение труда – отец выписывал накладные тут же в машине, был водителем и

грузчиком; я, будучи лишь грузчиком, дабы уравнивать объем труда, всегда старался таскать ящиков больше отца. Работа оказалась интенсивная и суетная – она выматывала, но азарт, новизна ощущений и интерес настолько переполняли меня, что усталости я не замечал; я жаждал самостоятельной деятельности и получал так нужный опыт. Через неделю из пятнадцати торговых агентов осталось четверо. С крупными оптовыми базами толстяк работал сам, агентам же он оставил всех прочих – базы мелкого опта и розницу. Мы с отцом нашли несколько мало-мальски приличных точек и наладили поставку пива в них. Толстяк удивлялся и интересовался, куда мы деваем пиво в таких количествах, но мы молчали. Через месяц из агентов мы с отцом остались одни. К концу октября сезонность пива кончилась, продажи сразу упали в разы, и толстяк свернул бизнес. Двухмесячных заработков хватило лишь на текущую жизнь. Нужно было срочно что-то придумать, и меня осенила простая мысль: «Что, если повторить схему?» Я воспрянул духом, мозг заработал в заданном направлении – требовался действующий пивзавод вблизи нашего города. Но не сильно успешный, а именно полудохлый. Я понимал, шансов «сесть» на приличное раскрученное производство, не имея денег, нет никаких. Начался поиск, я вновь принялся лопатить газеты и журналы, и интуиция меня не подвела. В начале ноября я нашел объявление: «Елецкий пивоваренный завод приглашает региональных дилеров». Я показал объявление отцу, сказал: «Звони!» На тот момент мне было всего лишь 21. Я быстро уяснил, что никто в бизнесе не воспринимает меня всерьез, и потому усиленно толкал на реализацию своих идей отца. Задумка сработала – нас пригласили на встречу. Мы подсчитали имеющиеся средства, прикинули расстояние туда и обратно – денег на бензин хватало впритык. В один из промозглых дней, подгоняемые ледяной метелью, мы выехали в Елец. Пивзавод нашли быстро. Предприятие оказалось, что надо – дышащее на ладан производство на грани технического износа и финансового краха. Нас встретил коммерческий директор – мужчина чуть за сорок, с пивным животом, дряблым телом, одутловатым лицом с отвисшими щеками и водянистыми глазами. Договорились быстро. Общался отец, я лишь иногда поддакивал и внутренне радовался сработавшей интуиции. Мы получили главное условие – товар на реализацию, в ответ обязались возвращать в том же количестве ящики с пустой пивной бутылкой в них, а в счет оплаты отгружать сахар в мешках. Домой мы ехали счастливые – сработало!

В январе мы занялись поиском склада. Денег у нас было лишь две тысячи рублей – военная пенсия отца за тот месяц. И все. Мы покатались по городу, порылись в газетах и оказались на территории бывшей овощной базы, находившейся в двадцати минутах езды от нашего дома. База была одной из самых новых в городе. Все оптовые базы, на каких я побывал, кишели торговой активностью, а эта на удивление пустовала. Мы встретились с директором, прошли с ним по территории и выбрали первый склад в длинном здании слева. Склад был огромный, в четыреста метров, но мы арендовали лишь четверть. Пока отец пространно беседовал с директором, я вышел на улицу и огляделся – база казалась спящей. В боксе напротив находился ремонт машин. В одноэтажном здании у въезда в базу ютилась мелкооптовая фирма по торговле продуктами питания. Мы стали третьими арендаторами, отец отдал две тысячи в оплату за февраль, и наша авантюра началась.

Десятого числа пришла первая партия, заводской старей «ГАЗ-66» привез в кунге восемьдесят ящиков. Пиво было непастеризованным, с коротким сроком годности всего в семь дней. По сути, мы взялись за очень рискованное дело, считайте сами: покупатель, как правило, не покупал в магазине пиво, если срок его годности подходил к последнему,

седьмому дню; свежую партию наливали на заводе с утра и привозили к обеду первого дня; нам для торговли оставалось всего пять дней. 1999 год – пик расцвета универсальных оптовых баз. Мы заранее договорились с основными крупными городскими базами о поставках пива тоже на реализацию. Выходило, что нам с отцом нужно было развозить каждую партию пива в первый же день, самое позднее во второй. Тогда на следующий день оптовые базы выставляли товар на витрину, начинали им торговать и, по-хорошему, должны были продать все за два-три дня максимум. Идеально – до конца четвертого дня. В этом случае, розничным точкам оставались для торговли пятый и шестой дни. Если пиво не уходило до конца четвертого дня со склада базы, то почти наверняка после мы забирали его просроченным обратно. Возникал риск убытка. В переговорах с заводом мы оставили за собой право возврата просроченной продукции в объеме до десятой части от каждой партии. Трудиться пришлось интенсивно. В «ГАЗ-66» максимально входило сто двадцать ящиков, и уже с мая он приезжал к нам полным. Мы за раз везли пятнадцать, выходило восемь рейсов. Базы продавали пиво в разных объемах: одни – пятнадцать ящиков в два дня, другие – десять, третьи – пять. Из-за этого реальное количество рейсов было больше. Обычно выходило так: в день привоза мы успевали сделать два-три рейса и все. Остальное нужно было обязательно развести за второй день. А это от пяти до восьми рейсов, как повезет с погодой и продажами. Если на второй день приходилось восемь рейсов, то было тяжело, мы выматывались жутко. В то время пробок на дорогах города еще не было, поэтому развозили мы быстро. Отец был отменным водителем, а я бойким грузчиком и экспедитором.

Уже к концу весны мы поставляли пиво во все значимые базы города. Качество его было так себе, поэтому брали рынок ценой – держали ее на 10% ниже конкурентов. Денег от продажи пива едва хватало на аренду склада и бензин. Нас спасал лишь сахар, которым мы расплачивались за пиво с очень большой накруткой. Торговля сахаром имела такой же дикий и хаотичный вид, как и вся прочая. Улицы города украшали самодельные вывески: «сахар 320», «сахар 310», «сахар 330». Сворачивай у понравившейся вывески к складу и покупай мешок. Все просто.

В апреле на соседний склад въехали новые арендаторы, как раз торговцы сахаром. Их было двое – рослые и крепкие мужчины чуть за тридцать. Они сколотили «домиком» из двух поддонов рекламный щит, прилепили к нему с обеих сторон бумажки с надписью «сахар» и ниже ценой и поставили конструкцию снаружи въезда базы. Торговля у соседей пошла сразу. Сначала к ним поехали легковые машины, после на «газелях» объявились и мелкооптовые покупатели. Я прозвал соседей «сахарниками», а они нас – «пивняками».

Главный из них был крупным деятельным малым с короткой стрижкой темных волос и наглыми выпученными глазами. Он был широк в плечах, мясист и с животом. Ходил, расставив руки в стороны, сменяя вальяжность движений на энергичность и напор. Матерился много и смачно, подкатывал к складу на серебристом «Мерседесе» быстро, тормозил резко. Так же эффектно уезжал прочь. Из машины выходил энергично, но с важной ленцой в движениях, руку для приветствия подавал нехотя и как бы промежду прочим, подчеркивая и этим свою значимость. Даже деньги он считал эффектно – брал из портфеля перетянутую резинкой пачку купюр, переламывал ее пополам пальцами одной руки, и ловко двигая большим пальцем этой же руки, сдвигал купюру в сторону, пальцами другой руки подхватывал ее за уголок и щелчком откидывал на себя. Купюры в его руках шелестели как в машинке.

Помимо сахара, мы с отцом зарабатывали на уловке с бутылками. Светлая пивная бутылка стоила в два раза дешевле темной – зеленой или коричневой. Завод брал у нас в зачет продаж любую. Увидев возможность заработка, я тут же предложил отцу отгружать на завод только светлую бутылку. Если крупные пивные оптовики имели стандартную маржу в десять-двадцать процентов, то мы за счет сахара и светлой бутылки выжимали из своего крохотного оборота все семьдесят. Но едва наш бизнес достиг точки максимальной эффективности, как стал медленно рушиться, не успев толком начаться.

Летом того же года я защитил диплом и получил высшее образование. День был ослепительно солнечным и теплым. Все прошло быстро, я получил в зачетку последнюю «пятерку» и вышел из аудитории. Родители ждали меня в фойе первого этажа института. Отец пожал мне руку, мать обняла и поцеловала, и мы поехали домой. Меня еще долго не покидало ощущение, что красный диплом – самый важный документ в жизни, который очень скоро изменит ее к лучшему до неузнаваемости. В тот день я радовался как ребенок, поминутно раскрывая его и рассматривая каждую букву и циферку. По приезду домой, я бережно положил диплом в стол, не предполагая, что за следующие тринадцать лет выну его оттуда лишь дважды.

За полгода работы я узнал всех основных игроков пивного бизнеса. В нем еще присутствовал хаос, но уже обозначились компании лидеры. С окончанием лета началось падение продаж – доходы уменьшились, над нами нависла перспектива проедания летних заработков. Помог случай - мы вышли на крупного в регионе оптовика пива. Перекупая у него пиво и развозя по розничным точкам, мы смогли компенсировать часть утраченных доходов. Моя любознательность не спала, и я быстро уяснил схему работы оптовика. В голове сразу зашевелились мысли, я понимал, мы должны сделать нечто подобное, пусть и в меньших масштабах. Все уперлось в финансы. Для качественного изменения бизнеса без них уже было не обойтись. Нам нужен был хороший товар от крупного производителя пива. Но такой товар отпускался только за деньги, коих по-прежнему не было. Оставалось либо начать подбирать под себя полудохлые заводы с получением товара на реализацию, либо – что выглядело фантастично – завести знакомство с директором или владельцем крупного завода и выторговать для себя льготные условия.

Полупустая база постепенно оживала, появлялись все новые арендаторы. В глубине базы обосновался оптовый торговец фруктами. Следующий за нашим склад заняла фирма с бытовой химией. Мы продолжали трудиться, но ощущение шаткости нашего бизнеса не покидало меня. Он держался лишь на разнице цен на сахар и пивную бутылку. Так шло до середины осени. И тут объявился конкурент. В один из дней я привычно зашел в торговый зал оптовой базы и увидел на витрине незнакомую бутылку пива. Я привык, что наше – самое дешевое, а тут новое и дешевле. Я взгляделся в этикетку, произведено на консервном заводе в селе Липецкой области. «На консервном заводе варят пиво?» И тут я увидел срок годности нового пива – месяц! На этикетке под названием значилось «пастеризованное». «Откуда в такой дыре оборудование для пастеризации пива?» Через два дня ситуация стала угрожающей. Новое пиво, появившись лишь в самых крупных городских оптовых базах, тут же свело наши продажи там почти к нулю. Пока мы с отцом в задумчивости вывозили с баз свой просроченный товар, сельское пиво, испортив нам неделю торговли,

продалось и исчезло. Все вернулось в прежнее русло, а через месяц ситуация повторилась. На базах появились буквально горы сельского пива. Я ходил по складам и считал ящики – пятьдесят, восемьдесят – куда столько, если мы за раз привозили по десять-пятнадцать от силы? Как не крути, а выходило одно – поставщик сельского пива был или недалекого ума или новичок в этом деле. С поставками дешевого пива надо было что-то делать.

Как там у классиков: «Если не можешь чему-то противиться, возглавь!?»

Мысль правильная.

Я срисовал телефон консервного завода с этикетки бутылки и сунул его отцу. Не с первого раза, но тому удалось дозвониться до директора, и в ближайший свободный от работы день мы поехали в Липецкую область. Переговоры прошли быстро, и концу визита мы выяснили, что нашим конкурентом был какой-то армянин. Он поставлял на завод тракторные шины, а пиво забирал бартером. «Плохо», - огорчился я, поняв, что конкурент всегда мог продать пиво даже ниже закупочной цены, лишь бы от него избавиться. Нам же в бартере отказали, заявив, что заводу уже ничего не нужно. Возврат пивной бутылки и сахар тоже были не нужны. Собственного транспорта у завода не было, оставался лишь вариант с наемным. Но мы все же выторговали сносные условия, договорились, что будем брать пиво на реализацию по партиям и обещались уже на следующей неделе приехать за первой. В обратный путь нас провожали, чуть ли не всем заводом.

Через неделю мы развезли первую партию нового пива по незанятым конкурентом базам, и я принялся отслеживать остатки его пива в городе. Быстро выяснилось, что через две недели кончается срок годности партии конкурента, и за это время весь товар точно не продается. Так и вышло, едва срок годности его пива кончился, мы завезли свежее. Пиво конкурента сняли с продаж, оно пылилось горами ящиков на складах баз еще недели две, пока тот не вывез его и пропал сам, получив убыток.

Зиму мы проработали относительно стабильно. Цена на сахар медленно и уверенно снижалась и к середине весны установила абсолютный рекорд – двести шестьдесят рублей за мешок. Теперь с каждого мешка сахара, отправляемого на Елецкий пивзавод, мы имели сто двадцать рублей. Мы молчали о такой наценке, зная, что «сахарники», выдерживая сильную конкуренцию, имели с мешка лишь двадцатку. Дела у них шли хорошо, объемы постоянно росли. Сезонный спад продаж мы пережили только благодаря сахару.

Хотя директор консервного завода нас клятвенно заверил, что бартер на шины был разовым случаем и больше не повторится, но армянин объявился в мае. Он снова получил пиво в обмен на шины и завалил им половину баз нашего города. Цена была ниже нашей. Отец позвонил на завод и долго возмущался в трубку, в ответ слышались отговорки. Отец пенял на порядочность и силу данного слова, получил в ответ крики и закончил разговор. Проблему надо было решать самим. Мы разыскали армянина, тот приехал к нам на базу на грязнящей «девяносто девятой» с оторванным левым зеркалом. Мы предложили самое простое решение – он передает по фиксированной цене свою партию пива нам, мы ее продаем и рассчитываемся с ним. Выгодно выходило всем – конкурент получал деньги, а мы возвращали себе контроль цены. Демпинг всегда сильно вредит торговле. К моему удивлению армянин не согласился, заломил цену и предложил купить все его пиво разом. Мы отказались, нам проще было выждать пару недель, когда у пива конкурента выйдет срок годности и вопрос решится сам собой. Так мы и поступили. Через две недели товар армянина исчез с витрин оптовых баз, а горы пыльных ящиков с белыми хлопьями осадка на дне бутылок еще долго лежали на их складах. Конкурент исчез окончательно.

Летом 2000 года случилась случилась сильная передряга с сахаром. Самая низкая цена на него – двести шестьдесят рублей за мешок – продержалась с месяц. К началу лета она плавно вернулась к цифре двести восемьдесят и продолжила рост. Поначалу народ на повышение реагировал вяло. Едва цена перевалили за триста двадцать, вырос и спрос, к «сахарникам» повалил покупатель. После каждого обновления цифр на рекламных щитах я мрачнел – наша прибыль на сахаре таяла. Теперь, в лето, нас выручало уже само пиво, продававшееся в три раза большими объемами, чем зимой. Июль, сахар – триста сорок, триста шестьдесят. Город зашелестел паникой, к «сахарникам» началось покупательское паломничество – жара, у склада ежедневная очередь из двух-трех машин: одна отъезжает, следующая уже катит в конец очереди. Если обычно на легковых машинах приезжали максимум за тремя мешками, то теперь заталкивали сахар в них не по весу, а по объему – набивали три мешка в багажник и три в салон на заднее сидение. Просев задом почти до асфальта, легковушки уезжали прочь, едва не скребя по нему глушителями. Бросалось в глаза большое количество пенсионеров в очереди, через день-два они объявлялись снова, явно запасаясь впрок. Некоторых я стал узнавать в лицо. «Газели», при грузоподъемности в полторы тонны, грузили по две-две с половиной. Сахар торопливо скупался по всему городу. «Сахарники» радостно потирали руки и целыми днями носились между складом, офисом и сахарными заводами. В августе наступил апогей – триста восемьдесят рублей за мешок. Народ как сошел с ума. Фуры с товаром стали приходить к «сахарникам» раз-два в день. Грузчики работали не разгибаясь – сначала выгружали из фур мешки на поддоны, закатывали их телегой в склад, после выкатывали обратно и грузили мешки с поддонов в машины покупателей – в день на четверых выходило более сорока тонн. Продажи все росли, последнюю неделю августа «сахарники» стабильно закупали и продавали по две фуры в день. Грузчики выбились из сил, поддоны с мешками уже не закатывались в склад, а стояли на улице, перегородив половину центрального проезда базы. В минуты отдыха черные от пыли грузчики или лежали измождено на мешках сахара или бегали к нам по одному за пивом. Купивший бутылку, тут же торопливо ее открывал, запрокидывал голову и вытягивал содержимое в себя большими жадными глотками. «Адский труд», - подумал я, глядя, как очередная бутылка пива исчезает в желудке грузчика.

- Да уж, работенка у вас! – произнес я сочувственно.

Грузчик, выдув поллитра залпом, тут же купил еще несколько бутылок.

- А ты что думаешь, мы всегда только грузчиками работали? – вдруг произнес тот, уже медленнее ополовинив вторую бутылку и уставившись на меня. Я удивился вопросу, соображая, что же я думаю.

- Мы раньше тоже бизнесом занимались... - продолжил грузчик, подразумевая под «мы» кого-то из прочих лежащих на мешках, и указывая в их направлении зажатой в руке бутылкой.

Я не знал, какую фразу вставить в неожиданно начавшийся диалог, как парень продолжил: «Все у нас было! И бизнес был. Мы вместе начинали...»

Он снова махнул в направлении товарищей.

- Ааа... ну, нормально... - выдавил из себя я неопределенное, кивнул.

- И деньги у нас сразу появились... - уже не с бахвальством, а больше с грустью добавил грузчик. – А как деньги пошли, так там сразу началось – бани, сауны, бабы...

Я молчал, мне все было ясно. Даже если парень привирал, история звучала правдиво для многих подобных случаев.

- Нам надо было раскручиваться, деньги оставлять в деле, а мы... - грузчик досадливо махнул бутылкой, отхлебнул из нее и пошел на улицу к остальным.

«Все у нас было!» - эхом отозвалась в моем мозгу фраза, пробрала осознанием до костей. Я вздрогнул от ее простоты и неотвратимости и решил для себя, что приложу все усилия, чтобы не оказаться в подобной ситуации.

Сахарный психоз продолжался. Если обычно «сахарники» работали до шести, то стали задерживаться и до восьми и даже девяти вечера. Народ тянулся к ним до сумерек. Для нас же с отцом наступили грустные времена, прибыль на сахарном бартере упала в ноль. Наступил предел. Мы закупили и отгрузили лишь одну партию по предельной цене, как та рухнула в нашем городе – еще вчера везде висели бумажки с цифрами «380», а на следующее утро – «260». Покупателей как ветром сдуло. В городе наступила «сахарная» пауза. Соседи погрустнели. Я их понимал, аппетит приходит во время еды. Рядовые же покупатели в очередной раз попали в простую экономическую ловушку – поддавшись панике и стадному инстинкту, бездумно нахватались товара про запас по пиковой цене, растратив свои сбережения. Лишь единичные машины изредка подъезжали за сахаром, один из грузчиков лениво выносил мешок и клал в багажник авто покупателя. Остальные грузчики сидели на улице в одних шортах на пустых пивных ящиках, загорали и грызли семечки. Ленивый горячий ветер носил по базе куски упаковочной полиэтилена и пакеты. Впереди оставался лишь месяц больших продаж пива, сентябрь, мы с отцом ежедневно трудились, стараясь успеть заработать.

С погодой везло, но не повезло с бартером – пивзавод объявил, что с октября в зачет продаж пива будет принимать только деньги. А раз так, то смысл в торговле этим пивом пропал в принципе. Новость прозвучала, как гром среди ясного неба. За вычетом всех расходов и аренды склада, прибыли с продажи самого пива нам хватило бы только на поддержание штанов. Топтаться в бизнесе на месте не хотелось, нам как воздух надо было развитие. Хлипкие надежды на сельское пиво растаяли следом в тот же месяц, завод с октября собирался поднимать отпускную цену – впереди замаячил конец пивного бизнеса. И как часто водится, Судьба позволила нам заработать небольшой выходной бонус.

Вторая суббота сентября – день нашего города. В две недели до праздника всегда случались хорошие оптовые продажи алкоголя – розничные магазины закупались впрок. В городе, вдруг, начались перебои с поставками местного дешевого пива. Следом в два дня на оптовых базах размели недельные запасы и нашего. До праздника три дня, на базах дешевого пива нет, с Елецким мы уже завязали, оставалось только срочно везти сельское. Рано утром я прыгнул к уже знакомому водителю в кабину «ЗиЛа», и мы поехали. На погрузку ушло два часа, я устал сильно – заводские грузчики, будучи пьяными, носили ящики с пивом из цеха только к борту машины. В кузове я работал уже один, принимал ящики от края и нес вглубь машины, там устанавливал рядами и столбами под самый верх тента, докуда хватало высоты моего роста. Последние три ряда я составил уступом. «Битком... четыреста семьдесят ящиков», - пронеслось в моей голове, едва я устало сел в кабину. Мы тронулись в обратный путь, на часах полдень. «Три часа на дорогу, на левом берегу скидываю сотню, это четыре... потом на правом еще сто ящиков, а остальное на склад... нормально, главное до шести успеть, вроде успеваю...», - прикинул я, наконец, расслабился, вернулся в действительность, сразу почувствовал – машина перегружена. Двигатель тянул хорошо, перегруз ощущался по мерному раскачиванию кузова в такт поворотам и неровностям дороги. Рессоры заднего моста жалобно поскрипывали. Пару

раз я глянул в боковое зеркало, колеса были поджаты столь сильно, будто мы ехали на полуспушенных. Наконец выехали с районных разбитых дорог на трассу, «ЗиЛ» пошел мягче, качка уменьшилась. Я закрыл глаза, придремал.

До города оставалось около двадцати километров, когда взорвалось правое заднее колесо. Взрыв был сильный. Мы остановились. В правом внешнем колесе зияла рваная дыра размером с кулак, из нее торчали прутья корда. Машина чуть накренилась на бок, целое из пары внутреннее колесо просело за двоих. Я глянул на часы – запас времени был. Заменяв колесо, двинулись дальше. На часах четыре. Минут десять мы ехали в мрачной тишине, я постоянно косился в зеркало. Только отошли от случившегося – второй взрыв. Снова с моей стороны, но уже внутреннее заднее. Не разгрузив машины, заменить его мы уже не могли. Водитель инстинктивно сбавил ход. Я безотрывно смотрел в зеркало – оставшееся целым колесо, так сжалось, что мне казалось, будто вот-вот взорвется следом. Но оно держалось. Таким ходом нам оставалось еще минут сорок до первой базы. Мы с водителем переглянулись и решили на свой страх и риск тянуть на одном колесе. С таким высоким центром тяжести, взорвись и оно, мы бы наверняка перевернулись. «Только бы успеть, только бы успеть...», - нервничал я, зная, что база принимает товар до пяти.

Без десяти пять мы вползли на территорию базы. Едва грузовик коснулся задним бортом рампы склада, как у меня отлегло от сердца – доехали. Водитель открыл борт, грузчики потянулись к товару, выгрузка началась. Я стоял рядом. Пару метров пола уже освободилось, как водитель вернулся, заглянул внутрь кузова.

- Ну что, снимать? – кивнул я на сплошную стену из ящиков. Нагружать задний мост не хотелось, а оставлять ящики высокими рядами было опасно.

- Да не, не надо, так доедем, не упадут! – уверенно отмахнулся водитель.

- Как колесо то? Держится еще? – сказал я.

- Нормально, теперь полегче стало, доедем! – повеселел водитель.

Я глянул вниз, колесо слегка приподнялось, все-таки на пару тонн в кузове стало меньше. Едва грузчики закончили, я быстро сдал товар, сбегал в офис, подписал бумаги, прыгнул в кабину «ЗиЛа», нетерпеливо выпалил: «Поехали!»

Грузовик медленно выехал из ворот базы, повернул влево, влился в поток машин. Через триста метров на крупном Т-образном перекрестке мы уперлись в красный сигнал светофора, остановились. Из-за тяжелой дороги и двух лопнувших колес я перенервничал, и лишь тут ощутил, как расслабление волной прокатилось по моему сознанию и телу. Я устало выдохнул, хотелось одного – завершить, наконец, бесконечный день и оказаться дома. Зеленый. Водитель резко отпустил сцепление, грузовик дернулся. Сзади раздался грохот, лязг, звон и хруст бьющегося стекла.

«Все-таки упало!», - вмиг вспыхнул я злостью. Водитель испуганно глянул на меня. Я злился на него, за то, что отсоветовал мне спустить ящики с пивом пониже, злился на себя, что послушал этого мужика и поленился, а теперь получил на свою голову убытки и, как минимум, полчаса ненужной работы. Машина катилась через перекресток почти по инерции, я услышал льющийся звук, глянул в зеркало – пиво текло сквозь щели кузова на асфальт.

- За перекрестком сразу останови! – сказал я сдержанно, усилием подавив вспышку гнева. Два колеса, побитый товар – рейс явно складывался неудачно. Мы съехали с дороги на широкую грунтовую обочину, под сень крупного дерева. Выйдя из кабины, я уставился на длинный желтый пенный шлейф, тянувшийся через весь перекресток. С заднего борта

все еще лилось, пивной запах ударил в нос. Подошел водитель, попричитал для приличия, сделал скорбное лицо, расчехлил сзади тент. Я полез внутрь. Ящики лежали поваленными столбами, будто костяшки домино. Верхние были в порядке. В нижних же большая часть бутылок побилась, остальные повывлетали из примятых ящиков и раскатились по кузову. С минуту я смотрел на картину, думая, с чего бы начать.

- Надо снять некоторые ящики! – сказал я водителю, с виноватым видом стоявшему снаружи. – Я буду тебе их подавать, а ты на землю их ставь, потом обратно закидаем!

Из проносившихся мимо машин, на нас с любопытством пялились. По перекрестку гулял запах пива. Я собрал из-под ног целые бутылки в свободные ячейки ящиков. Часть полупустых ящиков вытащил наружу, под ногами стало просторнее. Нижние ящики все еще не поддавались. Я аккуратно полез поверх завала вглубь кузова. Толкнул верхний из упавших рядов обратно в вертикальное положение. Немного покачавшись, тот встал на место. Так по одному я обратно поставил половину рядов. Ниже шла уже каша из ящиков, бутылок и битого стекла. Я спрыгнул на землю, прикинул убытки – все оказалось не так страшно, разбилось не более десяти ящиков. Мне полегчало. Водитель куда-то пропал. Я принялся перебирать ящики, стоявшие на земле. Половина бутылок в них была вдрызг. Я сложил битое стекло в кучу на газоне, дворник уберет, заполнил ящики и поставил их в кузов. Пустые ящики отправил следом. Объявившийся вдруг водитель зашнуровал тент, и мы поехали на правый берег. Времени потеряли не так уж много, было около шести. Через сорок минут мы были на второй базе, выгрузились и только в девять подъехали к нашему складу. Отец ждал нас в «двойке». Пока мы с ним выгружали пиво, я выговорился отцу, подсознательно ища поддержки. Тот, в обычной сухой манере подчеркнул мои промахи, рассказал, как надо было делать и как не надо. Внутри меня все вспыхнуло, но я смолчал. Задним умом многие из нас хороши. А не ошибается тот, кто ничего не делает. Мне стало обидно, что вместо моральной поддержки, я получил ожидаемые упреки. Я вдруг осознал, что так было всегда. Чтобы я ни делал, отец скрупулезно находил недочеты в моих действиях и пенял на них. Такой у него был характер.

С водителем рассчитались, тот уехал. Стемнело. На базе оставались лишь мы да охрана – закрыв склады, все давно разъехались. Лишь из распахнутых ворот нашего бил на улицу свет. Мы закатали пиво в склад и добрались домой уже к полуночи. Я принял душ, поужинал и тут же уснул, и сны мне не снились.

Убыток поездки не помешал нам хорошо заработать на последней партии, две трети ее продано до праздника, остальное ушло за две недели после.

В октябре мы с отцом твердо решили закончить с пивом. Удивительно, но решение не далось мне сложно, я интуитивно сразу осознал одно из важных правил бизнеса – если дело перестает давать прибыль, надо выходить из него раньше, чем оно начнет тянуть из вас деньги, время и силы. Или его надо преобразовать и вывести на качественно новый уровень. Для второго у нас не было денег. Да и не рассматривал я торговлю пивом, как дело всей своей жизни. Внутри меня четко оформилось понимание того, что наша с отцом задача – выполнять коммерчески прибыльные операции на чем угодно и до тех пор, пока не будут заработаны средства, достаточные для начала чего-то основательного.

С заводами рассчитались. Пустые ящики и с просроченным пивом загрузили в машину, и отец повез в Елец. Я остался на складе один, зашел внутрь – пусто. На душе вдруг стало так же. Я вышел на улицу. День стоял солнечный теплый и тихий. В рабочий день жизнь на базе словно замерла, ни души кругом. Я закурил.

А докурив, закрыл склад и зашагал домой. Наш пивной бизнес кончился.

ГЛАВА 3

Конец октября 2000 года. И чем заниматься дальше? Уже привычно я принялся листать все подряд коммерческие издания. «Продуктовый магазин приглашает партнеров по бизнесу. При магазине есть перерабатывающий цех». Я показал объявление отцу, тот задумался, почесал кончик носа и произнес: «Мда, интересно». Я сунул отцу телефон в руку, он позвонил по указанному номеру, договорился о встрече, мы поехали.

Небольшой, полуподвального типа магазин располагался довольно удачно – вблизи от остановки транспорта, в торце кирпичной девятиэтажки, мимо которой с остановки во дворы как раз проходил весь людской поток. Ступеньки входа вели вниз под козырек. За входной дверью сразу находился торговый зал метров в тридцать площадью с пустыми ларями. Из него вглубь подсобных помещений вело два коридора: ближний уходил влево к кладовке магазина; дальний шел прямо и по короткой лестнице вверх, которая тут же под прямым углом сворачивала вправо и еще через три ступеньки выныривала на уровень первого этажа здания к задней комнате и второму выходу из магазина, техническому. Его железная дверь вела во внутренний дворик, идеальный для парковки и подвоза товара. Магазин производил смешанное впечатление, он был неплох, но выглядел неряшливо. Будто им занимались нерадивые. Я крутил в голове увиденное и понимал, что магазин, в принципе, должен приносить хорошую прибыль, но в нем все было запущено – давно не выдавшие ремонта обшарпанные стены, замызганные торговые лари, шумно и натужно работавший старый холодильник и тараканы, несколько раз попавшиеся мне на глаза в первый же визит. Разместившие объявление муж и жена оказались под стать обстановке: мужчина среднего роста, обычного телосложения, стрижен под машинку, по неумному взгляду которого я сразу понял, что руководит торговлей не он, а бойкая жена – женщина невысокого роста, полноватая брюнетка с короткой стрижкой вьющихся волос. В отличие от мужа, тетка производила впечатление натуры деятельной. Обоим на вид было лет под сорок. У тетки имелась дочь лет шести, почти копия лицом матери. Интуиция мне сразу подсказала – муж не отец девочки. Позже выяснилось, что он из бывших сидельцев. Вся семейка вышла на встречу с нами одетыми по-домашнему: тетка в бело-голубом халате и тапках; мужик в черных, заправленных в носки трико с оттянутыми коленками, тапках и светлой байковой рубашке. Девочка выбежала из темноты дальнего коридора в колготках, свитере и с потрепанной куклой в руке. Неухоженные, неряшливые, в несвежей одежде... Типичная рабочая семья. Что они забыли в коммерции и как в ней оказались?

- А где у вас цех!? – вспомнил я, обернулся и уперся взглядом в водянистые глаза тетки. – У вас в объявлении было сказано, что есть мясоперерабатывающий цех.

Та взмахнула руками, отвела в сторону свой слегка отрешенный взгляд и пошла к складской комнатке. В ближнем коридоре оказалась еще одна дверь, с виду совершенно неприметная. Тетка открыла ее. Я пропустил вперед отца и мужика, вошел последним. Увиденное мне понравилось – полностью оснащенный цех метров в пятьдесят площадью. Оборудование выглядело не новым, но оказалось рабочим. По расположению выходило, что цех находился точно под задней комнатой магазина. Я с любопытством слонялся по нему, отец же, как бывший военный тыловик, загорелся. Я понимал его настрой, если цеху

дать ума, то можно было с минимальными средствами наладить выпуск полуфабрикатов. Свое производство! Цех оказался фактором, склонившим нас в сторону согласия. Лично меня перспектива возни с бесконечными проверяющими органами не радовала. После маяты с пивом я интуитивно начинал склоняться к товарам с большими сроками годности или вовсе без них. К продуктам питания у меня стала формироваться стойкая неприязнь.

Договорились с будущими партнерами просто – с нас деньги на товар и оборот, с них магазин, прибыль пополам. Начали с первых чисел ноября. Офис определили в задней комнате магазина. На ее восьми-девяти метрах площади было тесно – в углу стоял старый тяжеленный сейф, напротив облезлый диван, посреди обшарпанный журнальный столик и два кресла. В первую неделю мы заказали и получили с оптовых баз весь нужный товар, убрались в помещении, вымыли витрины, навели общий порядок. Почти сразу стали выясняться особенности новоиспеченных партнеров. Мужик в хозяйственном смысле оказался ленивым и безруким, ничего не умел и не хотел делать. Он быстро принял на себя роль руководителя, стал бесцельно маячить и раздавать всем указания и команды. На голове мужика, нарушая поросль волос, виднелся с пяток шрамов и рубцов. Оказалось, их организовала ему жена. Топором. Некоторое время назад она натурально пыталась мужа зарубить. Тот рассказал о происхождении шрамов без стеснения и даже с некой бравадой. Тетка оказалась тихой шизофреничкой. Логические убеждения ее не брали, чуть что она сразу переходила на крик и эмоции. К концу первой недели мы поняли, что из партнеров предприниматели, как из говна пуля. Их предыстория всплывала каждый день все в новых фактах. Раньше семейка жила где-то в области, с год назад тетка вдруг решила заняться бизнесом, подбила мужа продать единственное, что у них было – квартиру, и арендовать этот магазин. Так, с ребенком на руках, они оказались без жилья и стали ютиться тут же в магазине в тесной комнатке, вход в которую в темном повороте лестницы я заметил лишь тогда, когда мне его показала сама тетка. За год, вырученные за квартиру и вложенные в товар деньги, были успешно проедены, и в газете появилось объявление, на которое мы с отцом и отозвались. Стало ясно, если мы с ним хотим удержать магазин на плаву, то все дела придется вести самим. Бухгалтерии как таковой не было, до нас учет велся в разных тетрадах и урывками, разобраться в этом было невозможно. Мы завели учет заново, дело медленно, но двинулось с мертвой точки – пошли покупатели, выручка стала расти. И тут начали проявляться все те странности наших партнеров, из-за которых, собственно, они и оказались в столь глубокой жопе. Едва мы завезли товар, как продукты стали пропадать. Мужик и тетка долго отнекивались, мужик даже принялся демонстративно возмущаться, но под давлением фактов умолк, оба вынужденно признали факты кражи. Но сделали это ловко – свалили все на дочь. Торговый зал и кладовка отделялись от верхних помещений – жилой комнаты и задней – дверью, которую мы предложили закрывать со стороны зала на висячий замок. Партнеры недовольно согласились. На неделю пропажи прекратились и снова начались – горе-семейке банально было нечего есть. К концу второй недели стало ясно – из магазина надо уходить, и чем быстрее, тем лучше. Случай с бычком все решил окончательно – будним утром мы подъехали к заднему выходу и постучали в дверь. По обыкновению, открыла тетка. Зайдя в заднюю комнату, мы принялись разбирать утренние накладные, одна из которых замерла в руках отца.

- А это что за выплата, за какое мясо? – спросил он тетку.
- Это мы бычка купили, - сказала та, смотря на нас обычным рассеянным взглядом.
- Какого бычка!?! – уставился на тетку отец, сидя в кресле у сейфа.

Я слушал, стоя в углу комнаты, сесть в кресло мешала брезгливость. К грязи в магазине я так и не привык и сидел на замызганную мебель комнатки лишь в редких случаях сильной усталости.

- Приезжали тут поставщики, бычка забили утром. Привезли нам его. Мы купили, - принялась мямлить тетка, обеспокоенно забегав глазами.

- Целого бычка!?! – глаза отца полезли из орбит.

- Ну да, а что такого? Мы его разделаем и продадим через магазин, - внешне невозмутимо пояснила тетка, однако принявшись руками теревить халат.

- Да как мы его продадим через магазин!?! – взгляд отца остекленел и замер на лице тетки. – Сколько мы в день продаем мяса!?

Тетка замялась. Лицо отца обострилось, зубы сцепились – эти признаки растущего гнева мне были хорошо известны. Отец повторил вопрос.

- Ну, не знаю, килограммов двадцать, наверное... - проямлила тетка, чуя неладное.

- Да какие двадцать!?! – повысил отец голос. – Десять, самое большое! Десять! Мы же только начали работать, у нас покупателей мало еще. Сколько весит бычок!?

Тетка молчала. Отец повторил вопрос.

- Триста восемьдесят килограмм, - выдавила из себя тетка.

- И куда мы денем все это мясо? Он неразделанный? Вы его так, живым весом купили!?! – наседал отец, по лицу его пошли пятна.

Снизу из каморки на шум показался мужик. Он остановился на лестнице в дверном проеме и, скрестив на груди руки, стал внимательно слушать.

- Ну да, целый лежит в цеху, - приободрилась тетка и взвилась фальцетом. – Ничего страшного, мы его разделаем и продадим! Я тоже имею право закупать товар!

- Кто будет разделять этот товар!?! – подался вперед отец, почти перейдя на крик, застыл на секунду взглядом на лице тетки, ткнул резко пальцем в направлении ее мужа, гаркнул. – Он!?!

- Не, я не умею... - тут же отгородился руками мужик и скрылся обратно в каморке.

- Так кто будет разделять бычка!?! – снова наседал отец на растерявшуюся тетку.

- Я тоже имею право закупать товар!! – встрепенулась вдруг та порывом протеста. – Я посчитала нужным и купила его!!

- Так идите и разделяйте!!! – взорвался отец.

- Я не умею!! – взвизгнула тетка и шмыгнула по лестнице вслед за мужем. В магазине стало тихо. Отец глянул на меня, обхватил голову руками, уперся локтями в стол и замер так. После приподнял голову, тихо выругался и вновь посмотрел на меня.

- Что вот теперь делать? – произнес он совершенно растерянно.

Я не осознавал всей сложности ситуации, оттого пребывал в полном спокойствии. Понимал я все просто – дело дрянь и его надо разруливать!

- Пошли в цех, - буркнул я, оттолкнулся плечом от стены.

- Да! – вырвалось у отца облегченно, моя фраза будто вывела его из ступора. Отец, словно получив приказ и повинувшись многолетним инстинктам военной службы, тут же вскочил, готовый его выполнять. Наверное, в тот момент, я впервые отчетливо подметил эту его особенность. Мы пошли в цех. Из каморки не доносилось ни звука.

Минут десять мы просто смотрели на тушу. Та лежала на большом разделочном столе, сияя ветеринарными печатями. Я понятия не имел даже куда ткнуть в тушу ножом, понимал одно – ее нужно как можно быстрее разделить и уложить мясо в холодильник, а

после уже думать о продаже. Хорошо, что отец имел нужный опыт. Я же годился лишь в подмастерья.

- Давай, говори, че делать... - кивнул я ему. – Ты рули, а я буду помогать...

Мы провозились с тушей весь день – резали, рубили, складывали мясо в балейки и относили их в холодильник. К вечеру бычок был разделан полностью. Самое важное мы сделали, сохранили мясо. Я очень устал, домой ехали почти молча.

Следующий день, новая задача – быстро сбыть мясо мелким оптом. Десятую часть оставили для продажи через магазин. Отец договорился с торговцами на одном из рынков, и большую часть из двухсот килограммов мы отвезли им. Безошибочно определяя по нам патовость ситуации, те сбивали цены до самого нижнего предела. Ничего не заработав, мы лишь вернули свои деньги. Оставались кости и самое дорогое мясо.

- Вырезку надо сразу везти в кафе или ресторан, - предложил я, и на следующий день мы ее продали в одно из кафе. Через день кому-то отец продал и кости. По итогу мы почти вернули потраченные теткой на бычка деньги, оказавшись в небольшом убытке.

Наступил декабрь. Торговый оборот магазина почти замер в точке минимальной прибыли, продукты из кладовки продолжали пропадать. В один из дней отец, я, тетка с мужем и дочкой собрались в задней комнате. Отец сообщил партнерам, что мы желаем покинуть магазин и предложил дать объявление о поиске замены нам. Реакция случилась предсказуемая – мужик заерзал в кресле и с недовольным лицом заговорил в обиженном тоне о том, что, забирая деньги за товар, что продается, мы с отцом собираемся кинуть их бедолаг одних с остатками неликвидного товара. Дабы прекратить треп, мы предложили забрать товар полностью, даже тот, что бестолково был закуплен теткой, ведь он весь был закуплен на наши деньги, и на том разойтись. Мужик сразу завыл, что так нехорошо, а как же магазин без товара, и вообще, на что они будут жить. Я внутренне улыбнулся, мужик был обычным лентяем, привыкшим жить за чужой счет и не желавшим мириться с тем, что его более не собираются тянуть на своем горбу. Женщина не сильно возражала, лишь что-то промямлила и затихла, потупив взгляд. Оставшись в одиночестве, сдался и мужик. Сказано – сделано. Мы с отцом дали объявление в газету и стали ждать отклики. К концу первой недели случилось пять звонков, безрезультатно. Атмосфера в магазине натянулась, тетка прижухла, мужик поглядывал в нашу сторону недобро. Я думал лишь об одном – найти «лопуха», который выкупит товар и освободит нас от неадекватных партнеров по бизнесу. Шансы на успех казались призрачными, но я верил в чудо, и очередной звонок раздался в начале второй недели. Общался отец, низкий мужской голос изъявил желание подъехать посмотреть магазин. Вечером того же дня двое мужчин вошли в магазин. Я глянул на них и понял – деньги есть. Десять минут общения и стало ясно – гости сильно желают начать свой бизнес. Один из парочки был высоким крупным парнем лет тридцати с розовым гладким лицом сытого офисного работника. Второй, щуплый и среднего роста, походил на тихого офисного проныру. Молодые люди действительно работали в крупной кондитерской фирмы на руководящих должностях. Внутренние позывы самореализации толкали их на ступень выше – от высокооплачиваемой стабильной, но наемной работы, на зыбкую почву предпринимательства. Не оставляя первого, они хотели потренироваться во втором – умное решение. Все время общения с гостями и показа магазина, наши партнеры выказывали к происходящему недовольное безразличие. Тетка вела себя тихо, мужик с презрительным выражением лица нет-нет, да и отпускал колкие словечки в наш адрес, явно адресованные слуху гостей. Внутри меня росли злость и стойкое ощущение, что если

сделка сорвется, то мужик втайне испытает радость и удовлетворение. Напряжение росло. Мы с отцом всячески старались не замечать выпадов мужика. В действительности же мне хотелось просто вмазать тому по роже. Гости, сказав, что подумают и позвонят, уехали. Я пронервничал два дня. На утро третьего позвонил тот, что крупнее и согласился выкупить нашу долю. Мое сердце так застучало от радости, что едва не выскочило из груди. В тот же вечер парочка вновь приехала и обсудила со мною, отцом и теткой детали сделки. Муж тетки весь день не показывался, а позже при любой встрече демонстративно нас с отцом игнорировал. Договорились просто – новые компаньоны выкупают весь товар, мы с отцом получаем деньги и можем быть свободны.

- Только конфеты мы выкупать не будем, - сказал крупный малый. – У нас свои есть, мы же торгуем конфетами...

- Хорошо, конфеты мы заберем, - тут же кивнул я. – Остальной товар устраивает, да? Считаем его и подбиваем сумму?

- Да, остальной считаем, - кивнул здоровяк.

Позже на улице, без тетки и мужика, мы договорились с нашими сменщиками, что те выкупят товар не по закупочным ценам, а с наценкой в десять процентов. Я объяснил наценку тем, что товар уже в магазине, а значит, не придется тратить время на его поиски, выгадывание цен и доставку. Те согласились и назначили сделку на завтра. Домой мы с отцом ехали окрыленными – лишь сутки отделяли нас от замерцавшей впереди свободы.

Следующий день с утра и до вечера считали товар в магазине. Ни мужик, ни тетка не присутствовали при этом, обиженно предоставив возиться с этим нам. И вот наступил момент передачи денег – я, отец и оба сменщика замерли посреди торгового зала.

- Так, сколько мы вам должны с учетом наценки? – произнес здоровяк.

Отец набрал на калькуляторе итоговую сумму, добавил к ней проценты и показал тому получившуюся цифру. Парень кивнул и полез в карман за деньгами.

- Это какая-то наценка!? – раздался за нашими спинами голос. Все разом чуть вздрогнули и обернулись. Мужик объявился в самый неподходящий момент, как черт из табакерки. Рука здоровяка, потянувшая уже было деньги из кармана, застыла на полпути.

- Как какая наценка? – сдержанно произнес отец, но желваки его заиграли. – Мы договорились с ребятами, что продаем им товар с десятипроцентной наценкой.

- А я не понял, почему это вы продаете товар с такой наценкой!? – с вызовом в голосе и деловым видом подошел мужик ближе. Теперь и я захотел ударить его топором.

Напоследок этот козел решил нам нагадить, это ясно читалась в его глазах. Внутри меня все мгновенно вскипело. Я отвернулся в сторону, чтобы не сказать грубость.

Как, почему с такой наценкой!? – сверлил отец мужика взглядом. – Мы эту наценку с ребятами заранее обговорили, они согласились. Наценка за доставку нами товара сюда в магазин на своей машине с оптовых баз.

- Не, так дело не пойдет! – произнес упоенно мужик, глаза его заблестели.

Сменщики разом обратились во внимание. Здоровяк, затолкал деньги в карман. Я начал нервно расхаживать по торговому залу, лишь бы не видеть довольной рожи мужика. На лице отца застыло непонимание, его нижняя челюсть недоуменно отвисла.

- Как это не пойдет!? – возмущился отец, наливаясь злостью. – Ты что ли возил этот товар!? Ты его таскал!? Ты палец о палец ничего не делал, только ходил и указывал тут!

Отца понесло. Я отлично его понимал, но дрызги при потенциальных покупателях – худшее развитие событий при любой сделке, возникает вероятность ее срыва. Чего мужик и добивался. Отца нужно было быстро остановить.

- Как это я ничего не делал!? Да это мой магазин! Я тут хозяин! – развел мужик руки в широком жесте и вальяжно пошел вдоль прилавка, но на всякий случай, по дальней от отца стороне.

- Ладно, па! – громко произнес я, махнув рукой. – Это все мелочи жизни!

Мужик вытянул из кармана рубахи сигарету, принялся нервно крутить ее меж пальцев. Все посмотрели на меня.

- Если десять процентов много, то какая наценка тебя устроит? – произнес я.

Мужик слегка растерялся от вопроса в лоб, но быстро взял себя в руки.

- Никакая меня не устроит! Товар должен продаваться без наценки! Без наценки я согласен! – кинул он тут же фразу в апогее своей важности.

- Хорошо, договорились, - тут же спокойно кивнул я и рутинно перевел разговор к здоровяку. – Сколько там у нас без наценки получилось? Какая сумма?

Общее напряжение спало, и все растерянно замерли. Мужик опешил – вопрос в миг решился, и его персона выпала из центра внимания. Отец и здоровяк глянули в тетрадь. Отец назвал сумму, парень согласился и кивнул.

- Ну, все, рассчитывайтесь тогда, да и поедем! – сказал я еще более рутинно. – Нам еще товар непринятый забирать и домой ехать, а уже темно. Весь день тут торчим...

Фраза возымела действие – здоровяк, наконец, достал пачку денег.

- Только у меня доллары, ничего? – будто извиняясь, произнес он. – Не успел разменять на рубли...

- Да какая разница! Па, ну посчитайте по курсу, да и все! Я пойду пока конфеты таскать в машину, - произнес я тут же, не оставляя мужику времени одуматься и вставить хотя бы слово, и принялся энергично собирать товар. Здоровяк отсчитал деньги, протянул их отцу. Я оделся и с несколькими коробками в руках вышел через задний вход на улицу к машине. Кругом темень, световой день давно погас. Погрузив товар, мы поехали домой.

- Что-то меня трясет, - произнес я, едва «двойка» выехала со двора, ощущая тремор по всему телу. Пальцы рук дергались как сумасшедшие, я сжал их в кулаки, не помогло.

- Меня самого всего трясет! – откликнулся тут же отец.

Мы ехали по заснеженной окружной дороге почти в полной тьме, лишь лоя в свет наших фар крупные хлопья снега. Они неслись навстречу и завораживающе кружились над капотом. Дрожь быстро сменила эйфория, сердце застучало радостью. Свобода! Все мое существо ликовало этим словом, мы будто выскочили из дурного сна, случившегося с нами по нелепой ошибке. Хотелось лишь быстрее сбросить его остатки с себя и двигаться дальше вперед без оглядки. Огромная тяжесть разом упала с плеч. Больше до самого дома мы не произнесли ни слова. Как зачарованный я всматривался в летящий навстречу снег и пытался разглядеть каждую снежинку. Мне нравились все, они были прекрасны. Снег был прекрасен. Зимняя дорога в свете фар была прекрасна. Я ехал в самой лучшей и самой уютной машине в мире. Внутри меня все прониклось ощущением красоты, время словно остановилось. До Нового года оставалось всего две недели. Я был совершенно счастлив.

Всю следующую неделю мы с отцом отсыпались – сказывалась усталость предыдущих дней. Да и спешить было некуда. Подсчитали деньги, убыток от магазина

составил двадцать тысяч рублей. Много. За два месяца мы потеряли почти половину того, что досталось нам тяжелым трудом за два года на пиве.

- Да, фигово вышло... - вздохнул я, сидя с отцом на кухне. – Если б знать, что так выйдет... Да кто ж знал... Ну ладно, ничего страшного, еще заработаем...

Отец же, пересчитав оставшиеся деньги, выдал мне обвинительную тираду, сказал, что я твердолобый, и если мне что втемяшится в голову, то переубедить меня невозможно. Я возмутился, возразил, сказал, что решение мы принимали одно общее и никто из нас не виноват по отдельности, просто так вышло. Но короткая перепалка так и оставила нас при своих мнениях, я вышел из кухни с неприятным осадком в душе, чувствуя на затылке тяжелый недовольный взгляд отца. Рефлекторно хотелось тут же чем-то заняться, начать новое дело, дабы в труде отвлечься от случившейся неудачи. Я копался в голове, пытаюсь обнаружить хоть какую-то идею, тщетно – мозг пребывал в состоянии опустошенности и безразличия. Близость Нового года хоть как-то поднимала настроение. Мы поддались предпраздничной суете, потратились немного на подарки себе и матери. Новогоднюю ночь я провел дома, поедая мандарины перед экраном телевизора.

Чем же заняться дальше? – возник в голове вопрос после праздников. Ответа не было. Я просматривал все журналы и газеты, что попадались на глаза – безрезультатно. Отец, что меня немного удивило, занялся тем же. На второй день поисков он подошел ко мне с газетой в руках, показал объявление о продаже кем-то подержанных автомобильных шин в Прибалтике и предложил закупать их там и продавать в нашем городе. Идея меня не впечатлила, я видел в ней много минусов: мало собственных денег; регулярные поездки на машине на большие расстояния; перевозка наличных; совершенно новый и незнакомый бизнес. Предложение я отверг, понимая, что разумнее использовать уже имеющийся опыт работы с оптовыми базами города. Через день отец снова сунул мне под нос объявление – на делянки леса на севере приглашались заготовщики. Отцу идея нравилась, мне – нет. Один из нас должен был остаться в городе, а второй ехать на север, брать делянку, нанимать бригады лесорубов и руководить ими. Тот, что оставался на месте, должен был получать заготовленный лес, складировать его и продавать. Отец так серьезно загорелся идеей, что тут же купил себе полный комплект теплых вещей и хороший дорогой пуховик. Мне же затея казалась сложной, и идея нашего разделения тоже не нравилась, у нас ведь хорошо получалось вдвоем. Вдобавок я понял, что не потяну свою часть работы, о чем и сказал отцу. На этом наш энтузиазм и кончился.

Я решил устраиваться на работу. Не найдя действительно интересных вакансий, я устроился в какую-то шарашкину контору. Фирма арендовала две обшарпанные комнаты в большом административном здании не работавшего завода. В одной комнате заседали два владельца фирмы, в другой прочий персонал, человек десять. На мой вопрос, чем же занимается организация, последовал ответ – занимается всем. «Всем – значит ничем», - заподозрил я, но мне нужны были деньги, и я решил не делать поспешных выводов. Все сотрудники сидели за персональными столами. Мне указали на свободные стол и стул и объяснили суть работы – я должен был обзванивать всех, кого не лень и предлагать то, что у нас было. А было ли? Склада с продукцией я так и не увидел. Сотрудники обзванивали другие организации и предлагали товар по прайс-листу. Перечень предложений сильно удивлял – от гаек и болтов, до лифтов. Через пару дней у меня сложилось впечатление, что весь мир торгует через эту комнату. Непонятная работа, никто ничего не продал,

деятельность была похожа на самодостаточный процесс. Звонки ради звонков, хождение на работу, ради факта хождения на работу. Вопрос оплаты выглядел еще туманнее, мне сказали, что оплата сдельная, и я получу деньги тогда, когда что-то продам. Как продать то, чего нет в наличии? Провисев первые три дня активно на телефоне, я уже мог сделать выводы – текучка сотрудников в фирме была большая, дольше трех месяцев в ней не засиживались, зарплаты никто из работников еще не видел. Я бросил названивать и стал, как и все, имитировать деятельность. К концу первой недели я понял, что просто теряю время. И тут меня вызвали в соседнюю комнату. Хоть какое-то событие. Оба владельца сообщили мне, что фирма участвует в тендере на поставку медицинского оборудования в больницы города и надо съездить в командировку в Москву и собрать информацию на этот счет. В принципе, я мог отказаться. Я понимал, что денег не увижу все равно, но желание развеяться, прокатиться в Москву и получить хоть какие-то впечатления, взяло верх. Мне дали адрес служебной квартиры и командировочные деньги на три дня.

Утром очередного понедельника я оказался в столице. По адресу нашел квартиру, обычную «однушку» на первом этаже «хрущевки». Дверь мне открыл родственник одного из руководителей фирмы. Я поздоровался с парнем, я оставил вещи у своей койки и сразу поехал по делам. Намотавшись за день, к вечеру я вернулся, поужинал, лег на койку. Хоть я и устал, но моего ничегонеделания хватило лишь на полчаса, я огляделся в комнате – две кровати, шкаф, стол и два стула. На полу у стола лежала стопка толстых коммерческих журналов. Я взял парочку и принялся листать. Увлечшись, я и не заметил, как стал искать коммерческие предложения всерьез. Внутренний голос упорно толкал меня обратно на путь собственного дела. Меня все сильнее тянуло назад в настоящую работу. Еще раз осмыслив опыт с пивом, я пришел к простому пониманию – нужен поставщик товаров от первого лица, производитель или фирма-импортер; доставка товара самим поставщиком; товар должен быть с длительным сроком хранения; поставка на условиях отсрочки или частичной предоплаты или, что еще лучше, на реализацию. Такие условия нам могли дать только регионы. Москва, как город с самыми жесткими договорными условиями, отпадала сразу. Поскольку наш город располагался на федеральной трассе, то искать поставщика следовало в противоположной Москве стороне. За вечер я перелопатил всю стопку. Три объявления показались интересными, одно из них было что надо – небольшая фирма по производству бытовой химии искала региональных дилеров на свой товар. Я подошел к телефону на столе и позвонил домой, рассказал отцу об объявлении, привел свои доводы в пользу начала работы, тот с ними согласился.

- Давай, звони в Краснодар! Бери у них прайс, договаривайся, я приеду через пару дней, расскажешь, - подытожил я.

Следующий день я снова мотался по Москве, а вернувшись сразу позвонил домой.

- Ну, новости хорошие, - зазвучали в голосе отца радостные нотки. – Пообщался я с владельцем этой фирмы... в общем, мы договорились...

В груди гулко застучало, я не ошибся – интуиция вновь вела меня. Следующие несколько минут я дотошно расспрашивал отца о нюансах переговоров.

- Мы договорились, что заказываем товар, они его нам привозят, половину мы оплачиваем сразу, а половину по реализации и перед заказом следующей партии полностью рассчитываемся за предыдущую, - пояснил отец.

- Нормально! – выпалил я. – То, что надо! Приеду и начнем!

Рано утром следующего дня я оказался дома, принял душ, позавтракал, обсудил с отцом назревающее дело, после чего сгреб все собранные в Москве документы и поехал в фирму на работу. Я отчитался по проделанной работе и отпросился домой отдыхать после командировки. По пути я купил свежих газет и, оказавшись в обед дома, принялся за них. Десять минут, и я нашел нужное – объявление в одну строку о том, что краснодарская фирма-производитель ищет региональных дилеров. Телефон был другой. Фирма оказалась почти копией первой и с лучшими ценами. С ее хозяином мы договорились еще быстрее. Так, за сутки из ничего у нас возникла перспектива нового дела. Набирающее силу внутри меня ощущение нового жизненного этапа захватило меня полностью. Я позвонил в фирму, где околачивался последние две недели и сказал, что увольняюсь.

ГЛАВА 4

К тому моменту я уже четко уяснил одну вещь, хождение на наемную работу – худшее будущее, какое может выбрать себе человек. Строить и развивать нужно лишь свое дело. И чем раньше, тем лучше. И как не хочется достичь высот жизни вмиг и сразу – надо быть готовым к длинному пути. Основа любого дела – поступательное движение и Его Величество Случай. Поступательное движение – это ставить перед собой только те задачи, которые по плечу. Реализовав их, надо ставить следующие задачи и продвигаться на очередной шаг. И так все время, пока не сыграет второй фактор – Случай. Его надо ждать всегда и чувствовать приближение. А когда он подвернется, не плошать. Случай сразу вынесет вас на новый уровень, только держитесь на подъеме крепче. Интуиция чувствует Случай, она с ним заодно. Умение прислушиваться к интуиции, чувствовать Случай столь же необходимо, как умение поступательного движения. Если последнее умение – это умение быть стайером, то Случай – спринтер. Будете всегда стайером, пробежите меньше за жизнь, чем могли бы, а будете лишь спринтером – жизнь выкинет вас на обочину на одном из виражей. Я понял, что Судьба выдала нам очередной карт-бланш, которым нужно было пользоваться, нам предстоял стайерский забег до нового Случая. И нужен был факс. Денег же с каждым днем оставалось все меньше. Мы купили самый дешевый аппарат, какой только смогли найти. Я был полон гордости – теперь у нас есть факс! И хотелось уже поскорей начать им пользоваться.

В поисках склада, не мудрствуя, мы поехали на прежнюю базу. Та заметно ожила, уже было занято около трети складов. «Сахарники» работали, оптовики с продуктами питания исчезли, соседи с бытовой химией все также занимали часть огромного склада.

С вопросом аренды, вдруг, возникли проблемы. Нам нужен был маленький склад, а свободных таких уже не было. И снова помог случай – «сахарники», купив зимой с летних заработков магазин в другом районе города и открыв в нем вторую точку, предложили нам аренду там. По деньгам выходило очень выгодно, и мы, не раздумывая, согласились.

Весна в том году случилась ранняя, температура даже ночью держалась выше нуля. Пригревающее солнце быстро очистило дороги ото льда и снега. Первым после праздника 8 марта приехал грузовик и привез на реализацию четыре поддона с товаром. За полтора часа с азартом мы с отцом выгрузили все в магазин. Я пребывал в состоянии эйфории –

работа началась! Через неделю приехала машина и от второй фирмы. Мы оплатили половину партии, и у нас осталось около пяти тысяч рублей. Как раз на жизнь на месяц.

Мы объехали оптовые базы, предложили новый товар, быстро подписали договоры на реализацию и в течение двух недель загрузили базы товаром. Бизнес велся нами все так же примитивно – никакого интернета, мобильных телефонов, компьютеров. Телефон-факс составлял всю нашу оргтехнику. Мобильная связь была дорогой, сотовые телефоны могли себе позволить лишь действительно состоятельные люди. Учет вел отец, он фиксировал в тетради все движения товара по накладным. Их мы продолжали выписывать вручную. Отгрузки случались нечасто, накладных было немного, и учет занимал мизерное время. Обычный рабочий день выглядел так – мы обзванивали с утра клиентов, собирали заказы, готовили дома накладные, ехали на склад, загружали товар в «двойку» и развозили его.

Магазин «сахарников» располагался неудобно, мы прокантовались в нем с месяц и решили вновь попытаться счастья на прежней базе. Но там небольших свободных складов по-прежнему не было. И тут мы снова столкнулись с прошлыми соседями. Из всего склада те арендовали под бытовую химию лишь ближнюю ко входу четверть. Пустующие задние метры уходили в гулкую темную пустоту. Нам было предложено арендовать в их складе любую площадь, мы согласились и в два дня перевезли свои товарные запасы.

С каждым днем становилось теплее. Товар помаленьку продавался. Но денег было в обрез – чтобы расплатиться с одним поставщиком, мы использовали деньги другого, а потом наоборот. В городе помимо смешанных оптовых баз, больше все-таки продуктовых, существовали и специализированные по бытовой химии, парфюмерии, хозтоварам. Товар они принимали на тех же условиях реализации. Деньги при этом оборачивались медленно, но другого выхода не было – никто не покупал новый товар, да еще и у незнакомых поставщиков. Начинать всегда трудно.

Нам нужны были эти специализированные базы. Собрав кое-какую информацию, мы поехали на разведку. Первым посетили «Арбалет» - самую крупную базу бытовой химии. Потолкавшись в оживленных коридорах двухэтажного здания, мы с отцом предстали перед менеджером отдела закупок и продаж. Флегматичный, под тридцать лет, высокий, лысеющий и оттого стриженный под машинку, добрый по нраву, тот выслушал нас и без проволочек заказал «на пробу» первую партию моющих средств. Осознав объем заказа, я едва не запрыгал на месте от радости – ведь менеджер заказал сразу треть наших запасов этого средства, добавив через минуту, что заказ сделал из расчета на неделю или дней десять. На следующий день мы под завязку затолкали в «двойку» тридцать упаковок и повезли в «Арбалет». Машина просела почти до земли. Кладовщики и грузчики базы, увидев такое, лишь хмыкали и качали головами.

Вторым через пару дней мы посетили «Мангуст» - тоже довольно крупную фирму. С менеджерами договорились быстро и получили точно такой же заказ.

Помимо пары крупных баз, в городе существовало около двух десятков средних и мелких оптовых фирм, в которых мы тоже собирались побывать.

- Вам факс пришел, бизмисмены! – сказала громко и иронично мать, едва мы с отцом оказались на пороге. Именно так – бизмисмены, намеренно исказив слово.

Очередной рабочий день закончился, хотелось поскорей снять с себя одежду и оказаться в горячей ванне. Я пошел мыть руки. Через минуту, выйдя из ванной комнаты, я увидел отца, читающего криво оторванную бумажку.

- Чего там такого нам прислали? – сказал я.

Отец вчитывался в строчки и молчал.

Я подошел ближе и пробежался глазами по тексту.

«Уважаемые партнеры, рады вам сообщить, что наше предприятие начало выпуск синьки в емкостях по 200мл, упаковка 30 штук. С надеждой на дальнейшее плодотворное сотрудничество». И внизу подпись директора второй фирмы.

Я, было дело, жутко обрадовался, и тут же сообразил, что вообще не знаю, зачем нужен такой товар, а потому раздраженно бросил – Блин, нашли, что начать производить! Синька! – и пошел в свою комнату.

- Ооо! – раздалось за моей спиной. – Это интересно!

- Синька!? – удивился я уже оттуда и вернулся. – Чего в ней интересного то!?

Отец сел на старый затертый по углам диван, закинул ногу на ногу.

- Эта штука должна хорошо продаваться. Я помню, в детстве мать использовала ее, когда белила стены и потолок в доме. Хороший товар! – громко сказал он, тыча пальцем в лист. Еще немного и проткнул бы. И тут же задрыгал ногой в тапке.

- А зачем синька то, раз белить надо? Она ж синяя! – вытаращился я на отца.

- Ее специально добавляют в побелку, чтоб была легкая синева, иначе стены потом желтеют, а так нет, - сказал отец с важным тоном и от внутреннего довольства задрыгал ногой еще сильнее. Тапок вильнул пяткой, прыгнул с ноги и отскочил.

- Ну-ну... - буркнул я и ушел на кухню.

Я остался критически настроенным к новому товару, но доверился уверенности отца. Он предложил заказать тридцать коробок. Мы получили их со второй поставкой и продали за несколько дней. Я вновь ощутил скачок адреналина, нужно было действовать быстро. Машина с товаром ходила в нашу сторону раз в месяц. Ждать месяц? Нет уж! Я подбил отца позвонить производителю и заказать только синьку, не дожидаясь плановой поставки. Не рассчитавшись за предыдущую партию, мы выторговали у владельца фирмы уступку – договорились, что вперед оплатим половину партии, а остальное по реализации. Мы еле наскребли нужные деньги, перечислили на счет фирмы и стали ждать машину. В день, когда «газель» должна была прибыть в наш город, будто привязанные к телефону, мы ходили по квартире и ждали звонка. Удобство мобильного телефона с каждым днем становилось все очевиднее, но мы все еще не могли себе его позволить. Отдать за телефон восемь-десять тысяч, треть всех имеющихся денег? А на что работать? Непозволительная роскошь.

«Газель» вползла на базу почти на заднем мосту. «Нехило нагрузили», - хмыкнул я и распахнул ворота склада. Чутье нас не подвело, вся партия за две недели была продана через «Арбалет» и «Мангуст». Так мы нащупали свою первую товарную жилку – продажи синьки быстро пошли вверх. Денег не хватало катастрофически, товарных запасов почти не было – мы крутились как могли.

Прочая жизнь текла своим чередом. Родители периодически ругались, я же, избегая их дразг, старался проводить свободное время вне дома.

За весну 2001 года наш сбыт вырос, пошли первые значимые доходы и появились едва заметные суммы свободных денег. Понимая, что они не должны лежать без дела, я вновь погрузился в коммерческую информацию и по отработанной технологии наткнулся на мелкого производителя дешевых стиральных порошков из Москвы. Цену в телефонном

разговоре тот озвучил неплохую, но с учетом доставки заработок намечался мизерный. Я задумался, задачку надо было решать. И тут меня осенило – бартер!

Начало «нулевых» – время расцвета бартерных схем в стране. В такой торговле была масса преимуществ, самое главное из которых – ускорение оборота в несколько раз за те же деньги. Бартер сопровождался хаосом в ценах. В мутной воде цен самые ушлые делали состояния. Высокая наценка на наш товар позволяла работать в бартер. Я озвучил идею отцу, тот снова позвонил в Москву. Схема заработала и продержалась все лето. Раз в месяц мы нанимали «газель», загружали товаром, и я катил вместе с водителем в Москву. Мы выезжали в десять вечера и к шести утра были уже у МКАДа, до обеда выгружались-загружались и во второй половине дня покидали Москву.

К концу лета наши складские запасы заметно разбухли. Мы работали уже почти со всеми значимыми фирмами города. Бизнес рос, и соседи по складу стали на нас коситься – пора было искать свой и съезжать. Обойдя территорию базы, мы нашли небольшой склад, идеальный для нас – площадью метров в семьдесят и с двумя входами. Первый зиял пустым проемом, остатки двери кусками дерева уныло болтались на ржавых петлях. На втором под замком висели двустворчатые железные ворота. Как по заказу, администрация базы именно с сентября решила сдать этот склад в аренду. Несмотря на то, что предстояло много работы по приведению его в потребное состояние, мы решили переезжать.

Договор аренды оформили в два дня, в проем с ржавыми петлями заказали новую металлическую дверь. Пока отец возил товар, я навел порядок во всех помещениях склада. Еще через день была готова дверь. Ее установили, отец укатил снова с товаром, а я за пару часов выкрасил дверь в ржаво-коричневый цвет. Следующий день ушел на перевоз товара на новое место. Склад оказался что надо – маленький, компактный, в центре базы и не на главной проезжей дороге. Арендная плата перестала быть символической, но теперь у нас появился свой склад.

В это же время пришла неприятная новость – первый производитель закрывается. Его владелец решил завязать с бизнесом. Он привез нам остатки произведенного товара на реализацию, которых должно было хватить всего на пару месяцев.

Так мы лишились одного из поставщиков.

Наступила осень. Мелкие стычки между родителями продолжались. В бизнесе мы лишились и московского производителя дешевых порошков. Я вновь принялся за поиск – строить дело на единственном поставщике с лишь одной действительно сильной товарной позицией меня не устраивало. После долгого безуспешного поиска я уцепился за первого попавшегося, подходившего под главное условие – товар на реализацию. Это был мелкий производитель чипсов из Ростовской области. Я принес отцу объявление, тот позвонил по указанному телефону, и уже через неделю нам пришла первая партия. Было понятно, что этот товар временный и позволит нам лишь поддержать штаны.

Чипсы дополнили наш список клиентов четырьмя оптовыми базами. Две из них располагались в зданиях бывших кинотеатров и были довольно слабыми. Третьей стала «Пеликан» - продуктовая база с акцизным складом, она специализировалась на алкоголе, но и по прочим товарам имела хороший оборот. Четвертая база торговала только крупным оптом и только продуктами питания – две трети чипсов сразу стали уходить через нее. Базы в кинотеатрах протянули недолго. Уже в конце сентября по городу поползли слухи

об их скором закрытии, и я предложил отцу забрать оттуда товар. Едва мы это сделали, как через неделю базы закрылись, и многие поставщики не увидели ни товара, ни денег.

В «Пеликане» чипсы продавались так себе, но там оказался еще и отдел бытовой химии, который мы тоже загрузили своим товаром. Продажи в «Пеликане» подросли, и общий доход замер на минимальном терпимом уровне. Неопределенность бизнеса вновь ощутилась остро.

Той осенью случилось два заметных события – мы с отцом впервые крупно поругались и, наконец-то, купили мобильный телефон. Причины ссоры я уже не вспомню, сказалась сложная ситуация в делах. Кризис всегда все обостряет. После ссоры несколько дней оба пребывали в напряженном состоянии, разговаривали друг с другом сухо и только по делу. Через пару недель все забылось, мы вернулись к нормальному общению, но из-за ссоры покупка мобильного телефона вышла спонтанной и неприглядной. Стояла теплая сухая погода самого начала октября. На часах было начало шестого вечера. Мы вернулись на базу, остановились у своего склада. Трудовая неделя закончилась самым приятным ритуалом – объездом оптовых баз и сбором денег. В пятничный вечер база выглядела опустевшей, с работы все разъехались рано. Отец, в поисках нужного ему человека из администрации базы, обошел чуть ли не всю ее территорию – безрезультатно, того и след простыл. Я терпеливо прогуливался подле административного здания базы, жмурился под теплыми лучами заходящего солнца, ждал отца.

- Ну, нигде его нет! – наконец прекратил поиски он, подошел, развел руками и хлопнул себя ими по бедрам. – Что ты будешь делать!?

- Пятница же... Все уже давно смылись домой, и этот тоже... - сказал я, пялясь на рыжий солнечный диск и по очереди жмуря глаза. – Че ему тут торчать то...

Погода стояла сказочная. Тишь. Ни ветерка. Тепло, будто дело шло обратно к лету.

- Тебе прям срочно он что ли нужен? – уточнил я.

- Да нет. Он что-то просил вечером заехать, дело у него какое-то есть, - произнес отец чуть рассеянно, продолжая озираться по сторонам.

- Да очередное плевое какое-нибудь дело... - отмахнулся я слегка раздраженно и пошел от отца медленно по асфальту вдоль здания, приставляя один ботинок к другому, двигаясь по воображаемой прямой линии.

Напряженность между нами витала в воздухе. Мы вроде как поругались, но никто из нас не расшаркался перед другим в извинениях и не сдал своих позиций. Оба усилием воли лишь проглотили ком противоречий, потому как того требовало общее дело.

Я знал, чему именно раздражался – чрезмерной обязательности отца. Само по себе качество хорошее и нужное. Но всего должно быть в меру. Необязательность – плохо, чрезмерная обязательность – тоже, крайности тяготят сильно. Суевливая обязательность отца попала на еще свежую почву нашей ругани и вызвала во мне приступ раздражения. Я потому и отвернулся от него и отмерял шаги прочь – боролся так с возникшей реакцией, внутри меня закипало. Я сдерживал эмоции, старался не думать о том, что договоренность с отцом попросту была забыта, и тот другой давно уже дома, а отец, в упор не замечая очевидного, носится по территории базы со своей чрезмерной обязательностью, осознавая ее никому не нужность, не желая с этим мириться, оттого и злится. Чтобы перестать себя накручивать, я переключился на позитив – стал думать о предстоящем пятничном вечере и двух выходных днях впереди. «Надо будет сегодня сходить в какой-нибудь ночной клуб, просто развеяться», - решил я и переключился на еще одну приятную мысль –

желание купить мобильный телефон. Вопрос уже явно назрел и обсуждался с отцом, тот был за. В бардачке «двойки» лежали деньги, и мысль о них и телефоне приятно щекотала мозг.

- Я пройдусь по базе, еще поищу!?! – раздалось за спиной.
- Сходи, поищи... - кивнул я, развернулся и пошел по воображаемой линии обратно.
- Если увидишь его, удержи, скажи, что я его ищу, - добавил отец.
- Угу, - не поднимая головы, буркнул я.

Отец развернулся и пошел вглубь базы. Я тут же забыл про воображаемую линию и начал просто слоняться подле здания. От царившей на базе тишины даже местные собаки разлеглись в траве большого газона и задремали. Мысль о телефоне стала настойчивее.

В ворота базы медленно въехала «девяносто девятая» и повернула в мою сторону. Ее владелец – парень на пару лет моложе – был моим хорошим знакомым. Он подошел, мы разговорились. Я сказал про желание купить мобильный телефон. Знакомый позвонил своей знакомой в салон сотовой связи, та сказала, что интересующая модель телефона в наличии, и ее можно купить со скидкой. Мысль о телефоне завертелась в голове юлой, и я стал озираться в поисках отца. Тот уже возвращался неспешной размеренной походкой. Дальше все случилось быстро и спонтанно – я выпросил у отца деньги, сел в машину к знакомому, и мы понеслись в центр города.

Едва под самое закрытие мы вошли в салон, как начал сбываться волшебный сон – передо мною на столе возник новый мобильный телефон, его распаковали, подключили, проверили. Я покрутил телефон в руках, взгляделся в малюсенькое окошко дисплея. Там, словно сердце устройства, запульсировал индикатор антенны в виде буквы «Т». Трубка оказалась увесистой и приятной на ощупь. «SONY», - прочитал я под дисплеем и провел пальцами по объемным буквам. Покупку оформили, я отсчитал восемь тысяч и получил в руки заветную коробку: «Есть, мой первый мобильный телефон! Да, на двоих с отцом, но это не важно – наш с ним телефон, общий. Мы заработали его».

На обратном пути я несколько раз доставал телефон из коробки, осматривал его и радостно поглядывал в окно. Мне казалось, что в соседних машинах все видят даже через дверь покупку и уважительно смотрят на меня. В тот момент в свои двадцать четыре, я ощущал себя пацаном, получившим, наконец, в подарок долгожданную железную дорогу. Дома я торжественно протянул коробку отцу. Тот начал вяло крутить ее в руках. Я выхватил коробку, быстро распаковал ее, выложил все содержимое на стол перед отцом. Его взгляд по-прежнему был безразличен. Я знал, что это напускное из-за прежней ссоры. «На обиженных воду возят», - подумал я, обозлился и ушел из комнаты. Очень хотелось всячески продлить состояние маленького счастья, свалившееся на меня чуть раньше, чем планировалось, оттого и ощущавшееся острее. Безразличие отца словно желало лишить меня заслуженной эйфории, потому я наскоро принял душ и укатил в центр города – не важно, где находиться и что делать, главное – сохранить ощущение радости как можно дольше. К десяти вечера витание в облаках вернуло меня на землю в людской поток на одной из центральных улиц города, я огляделся. На противоположной стороне на глаза попала неоновая надпись – «Чистое небо». Я ни разу не был в том заведении, перешел дорогу и нырнул под вывеску.

ГЛАВА 5

Время с ноября 2001 года до самого конца февраля 2002-го можно описать одним словом – рутинная. Невзрачный и унылый отрезок жизни. Чипсы компенсировали потерю двух производителей лишь в половину. Из бытовой химии хорошо продавалась лишь синька. Наша чистая прибыль балансировала у нуля. Состояние дел отражалось на общем настроении, я и отец ходили мрачными. Родители все также иногда, но регулярно скандалили. Чтобы сэкономить на оплате стоянки, мы с отцом закатали «двойку» в склад. Благо, места внутри было много. Весь наш товар умещался на четырех поддонах. Отец решил заняться ходовой машины, вдвоем мы поставили ее на бок прямо в складе. Со стороны смотрелось диковато. Отец в ремонтном комбинезоне крутил гайки, я помогал. Температура в складе не превышала уличной, но четыре стены давали ощущение комфорта. Коробки чипсов все также занимали соседнюю комнатку. Дурацкое и унылое время, мы считали дни до весны, которая сулила нам первый приличный сезонный куш на синьке. Пасха 2002 года должна была быть поздней, что обещало долгий «сезон» продаж синьки. Он всегда начинался с весной и заканчивался точно с Пасхой. Мы точно высчитали нужный нам запас синьки, вышло восемьсот упаковок. «Десятитонник» вмещал тысячу двести. При таком заказе нам обещали привезти товар уже через неделю, а иначе пришлось бы ждать попутный рейс неопределенное время. Весна началась, и время поджимало. Я предложил отцу рискнуть, он согласился, и мы заказали полную машину синьки. Деньги снова пришлось буквально наскребать, мы задержали оплату за чипсы и лишь так смогли набрать нужную сумму.

В тот год весна случилась ранняя и сухая, погода нам благоволила. В десять утра пятницы 8 марта «МАЗ» уже стоял у нашего склада, забитый товаром под самый тент. Мы еще никогда не получали разом так много товара. Я смотрел на синее пятно во весь кузов и понимал, что эта партия товара нечто большее, чем то, с чем мы привыкли иметь дело. Четыре с половиной часа вдвоем с отцом мы разгружали машину, поддоны с товаром заняли весь склад. Уставшие, но довольные, мы уехали домой. Ощущение выполнения чего-то значимого не покидало меня. Едва я пообедал, как меня затянуло в сон. Проснулся я в восемь вечера неудобно лежащим на диване в одежде. Я вспомнил, что на календаре 8 марта, да еще и пятница, быстро принял душ и уже спустя час я пробирался в «Чистом небе» к барной стойке сквозь густое облако смеси табачного дыма и женского парфюма.

В бизнесе наступила горячая пора, продажи синьки скакнули вверх, удвоившись к апрелю у всех наших клиентов. Заранее перед самым сезоном мы приросли двумя новыми – оптовыми фирмами «Сашей» и «Пушком», которые располагались в противоположных концах города. Первая арендовала под склад одноэтажное здание на левом берегу. Вторая располагалась в подвале двухэтажного здания в юго-западной части города.

«Саша» выглядела скромно – две тесные комнатки и длинный коридор, уходивший в темноту складских помещений. В первой сидели три девушки. Во второй комнатке мы наткнулись на двух молодых парней. Один, смуглый широкоплечий в черном пиджаке, сидел за столом, обхватив голову руками. Второй, высокий светловолосый, крутился у другого стола и, едва я постучал при входе в комнату о дверной косяк, вышел из комнаты.

- Здравствуйте, - произнес я.

- Добрый день, - добавил отец.

- Добрый, - шумно выдохнул смуглый парень, отнял руки от коротко стриженной головы и откинулся на спинку стула. Затем поморгал глазами, поворачивая ими, глянул по очереди на нас двоих и принялся тереть глаза костяшками чуть пухлых пальцев.

- С кем можно поговорить по поводу коммерческого предложения? – начал я с уже избитой фразы.

Парень отнял пальцы от глаз, снова поморгал, шмыгнул носом.

- Со мной можно, - сказал он.

Я выдал стандартную тираду о нашем товаре, достал прайс-лист и протянул парню, тот погрузился в изучение бумажки. В комнату вернулся второй.

- Что это такое? – произнес он и тоже уставился в прайс-лист.

- Да вот... предлагают... - сказал смуглый.

- Да зачем нам это нужно!? – выпалил блондин. – Это все у нас уже есть.

«Шустрый какой, второй помягче, надо с ним общаться, с этим не договоришься», - быстро сделал выводы я.

- Да нет, вроде вот синька интересная позиция... У нас неплохо продается... - растянул задумчиво смуглый.

- Ну, смотри, решай сам, я побежал, буду через час! – выпалил блондин и вышел.

С Сергеем мы договорились быстро, так звали смуглого парня. Он оказался очень лояльным и сходу на пробу заказал десять упаковок.

Менеджером в «Пушкэ» оказался высокий брюнет, ростом под сто восемьдесят, спортивного телосложения, жилистый, с жесткими чертами лица. «Нечестный, скрытный, с таким надо быть осторожней», - вынес я внутренний вердикт при первом контакте.

Мы обменялись крепким рукопожатием. Диалог вышел коротким и по делу – я показал прайс-лист, менеджер в секунду оценил его, сказал, что синька ему интересна, остальное нет, и заказал десять упаковок. Опытный в торговле, менеджер сразу отказался от условия реализации, сказал, что оплата будет по факту поставки каждой партии и тут же взамен выбил из нас дополнительную скидку.

На следующий день и «Саша» и «Пушок» получили товар.

Наш мобильный телефон ожил – посыпались входящие звонки: звонил менеджер «Арбалета» - просил синьку; звонили из «Мангуста» - просили синьку; звонили все. Едва очередной заказ был принят, как отец основательно приступал к выписыванию накладных – он садился за стол, брал два бланка, клал меж ними копировальный лист и, старательно выводя буквы, размеренным министерским почерком выводил единственную строку. Я наблюдал за движениями руки отца, его взглядом, мимикой и ловил себя на мысли, что он получает удовлетворение от самого ритуала, будто даже преисполнялся важностью.

Два главных клиента, как и ожидалось, поглощали четыре пятых синьки, продажи в прочих фирмах сильно отставали. Новые клиенты повели себя в сезон по-разному. Сергей из «Саши» стабильно делал заказ раз в неделю. Инициатива от него не шла, звонил ему я. И к графику его работы приноровился не сразу – если я звонил утром до одиннадцати, то трубку в «Саше» брала девушка и отвечала «Сергея еще нет»; если я звонил после часа-двух, то женский голос отвечал мне «Сергей уже уехал». Так я уяснил, что застать Сергея в офисе наверняка можно лишь с одиннадцати до часу.

Менеджер «Пушка», наоборот, звонил сам, а когда звонил я, то всегда был на месте и сразу брал трубку. Я быстро проникся его деловой хваткой. Но у каждой медали две стороны. И обратная сторона менеджера «Пушка» проявилась скоро. Через три дня после первой пробной партии наш сотовый зазвонил.

- Да, алло!? – взял трубку я.

- Рома, привет! – раздался его бодрый и четкий голос. – Ты нам на днях синечку завозил десять упаковок, так вот она у нас уже закончилась. Сможешь еще подвезти!?

- Как быстро она у вас закончилась! – обрадовался я, ответно поздоровался. – Это хорошая новость! Да, смогу подвезти, конечно, тебе сколько!?

- Давай тридцать коробок, если есть!

- Есть конечно! – сказал я и пообещал привезти в тот же день.

«Синечку», - пронеслось в моей голове по окончании разговора. Я едва уловимо напрягся, прислушиваясь к мимолетному ощущению. Товар мы отвезли.

- Рома, привет! Давай еще синечки семьдесят упаковок! – раздался через неделю в конце марта в телефоне вновь бодрый голос менеджера «Пушка».

Заказ мы исполнили на следующий день. «Синечка, упаковочка», - закрутилось в моей голове. Слова как слова. Но они цеплялись за мое сознание, будто царапая своей мягкостью. Еще через неделю мы снова отвезли семьдесят упаковок в «Пушок». Товар отвезли в два рейса, тридцать пять упаковок – максимум, что вмещала «двойка».

Сезон синьки пролетел быстро. Близилась майские праздники, и они были очень кстати – за два месяца ударного труда мы вымотались сильно и продали почти все. На складе осталось чуть более ста упаковок. «Двойка» уже едва справлялась с возросшими объемами перевозки, мы задумались о покупке «газели». На новую денег не хватало, а вот на поддержанную двух- или трехлетнюю как раз. На ее покупку мы могли выделить сто-сто десять тысяч – весь сезонный доход.

За время майских праздников пришла неприятная новость – производитель чипсов с июня прекращал с нами работу, на его товар начинался сезон, а мощности производства были невелики. Бизнес снова повис лишь на одной сильной товарной позиции, поэтому я уже привычно занялся поиском новых поставщиков.

В Ростове-на-Дону небольшая фирма производила разное, совсем коммерчески не интересное, но одна позиция меня заинтересовала – чистящая паста. В нашем городе это средство продавалось большими объемами. По условиям работы договорились быстро. Но возникла проблема – своего транспорта у производителя не было, а нанимать машину выходило уже дорого. Мы задумались, понимая, что попали в тупик, но вопрос решился сам собой – мы купили «газель»!

Радости было через край. Для нас с отцом случилось эпохальное событие. Больше четырех лет мы шли к нему. Сама же покупка случилась буднично. В третью неделю мая отец нашел по объявлению в газете приемлемый вариант – за почти двухлетнюю машину просили сто пятнадцать тысяч рублей. Мы планировали уложиться в сто пять, но за такие деньги предлагались машины на год-два старше. Попробовали сбить цену. Не вышло. К восьмидесяти тысячам на руках отцу пришлось снять со своей сберегательной книжки все накопленные пенсионные деньги – тридцать тысяч. Еще пятерку мы наскребли в самый последний момент. День покупки выдался под стать настроению – пятничным, солнечным и теплым. Лето приближалось неумолимо. К обеду мы стали счастливыми обладателями «газели». Я вел себя так же, как и при покупке сотового телефона – пока отец вел «газель» домой, я осматривал салон. Нам досталась практически новая машина. Удобные кресла, высокая посадка. Было непривычно и приятно смотреть в окно на проезжающие рядом легковые машины сверху вниз. После «двойки» кабина «газели» казалась огромной и просторной. У машины были две внешние особенности. Первая – заниженный на треть метра тент, чтоб машина могла заезжать в стандартный гараж. Вторая – руль от «БМВ».

Уже на следующей неделе в шесть утра в среду 29 мая мы покатали на юг. День обещал быть прекрасным. Солнечный диск уже час как взошел и висел на востоке над гребнем крыш городских многоэтажек. «Газель» шустро бежала сквозь сонный город, обгоняя полупустые троллейбусы. Я разглядывал в окно пролетающие улицы, продолжая пребывать в радости от покупки машины. Город быстро остался позади, и мы покатали по широкой трассе. Пуститься в путь длиной в шестьсот километров на машине, которую еще не знаешь, было довольно опрометчивым решением, и проблемы начались уже через час монотонной езды по трассе – машина стала греться. Стрелка на приборе температуры двигателя подползла к красной зоне, мы вынужденно остановились. Отец открыл капот и задумчиво уставился внутрь. Я, будучи совершенным профаном в машинах, просто стоял в стороне. Отец проверил уровень масла, воды – все было в норме. Мы выждали полчаса, двигатель остыл, поехали дальше и через полчаса снова остановились, двигатель почти кипел. Отец повторно полез под капот, я, стараясь не нервничать, вышел из машины и встал поблизости. Почти сразу оба закурили. Мимо потоком неслись фуры, обдавая нас упругими волнами теплого воздуха. Причина перегрева не нашлась. Мы выждали полчаса и поехали медленнее, решив заехать в ближайшую мастерскую. Стрелка термометра воды крадучись поползла вверх.

Через какое-то время мы доползли, наконец, до мастерской, и причина перегрева двигателя нашлась быстро – датчик. Нам его заменили, и мы поехали дальше, уже явно отставая от графика поездки. К полчетвертого мы преодолели две трети пути. Оставалось около двухсот километров, когда в мобильном телефоне пропал сигнал. Я занервничал – мы остались без связи, ехали с большим отставанием от графика, а рабочий день подходил к концу. Без двадцати шесть мы въехали в город и остановились у первой же телефонной будки. Я позвонил в офис фирмы, и нас обещали дождаться. Через полтора часа мы были на месте, и тут выяснилось, что товар находится на производственном складе фирмы, а тот на левом берегу города. Уже в сумерках поехали туда – первой машина директора фирмы, мы следом. Едва мы оказались на левом берегу в окружении баз и складов, на город спустилась кромешная темень. Дорога была ужасная. Мы ползли вперед за двумя светлячками габаритных огней легковушки, пока не въехали на территорию нужной базы. Отец подал «газель» к рампе склада, я расшнуровал тент и нырнул в кузов. Началась погрузка. Отец принимал коробки на рампе и подавал мне. Сутулясь, я укладывал их в кузове. Полторы тонны загрузили быстро. Я выбрался из кузова с ноющими мышцами спины и не сразу смог разогнуться. «Это ж теперь постоянно так лазить в этом кузове», - подумал я нелестно о неудобстве низкого тента.

Тронулись в обратный путь. Пересекли высоченный мост через Дон с проходящим под ним большим кораблем в яркой иллюминации и около двух ночи выехали из города и остановились на обочине дороги. Оба очень устали и хотели спать.

Сразу стало ясно, что лежать спать в кабине сможет только один.

- Я полезу в кузов, - сказал я, отец для формальности возразил и сразу согласился. Прихватив мастерку и стараясь не мять коробки с товаром, я пополз по ним вглубь. Отец зачехлил тент, я остался в полной темноте и тишине. Нормально поспать не получилось – сначала я лег на мастерку и ворочался на ней, спасая свои бока от острых углов коробок. Едва я находил удобное положение тела, как начинал мерзнуть. Майка, пропотевшая днем под жарким солнцем, быстро похолодела. Промучившись так какое время я, уже порядком

злой, схватил мастерку и натянул на себя. Мягкие углы картона снова впились в меня, но стало теплее. Я свернулся калачиком как можно сильнее и, стараясь не думать о ноющих болях от коробок тут и там, задремал.

Проснулся я от холода с самым рассветом. Спина была совершенно ледяной. Я вылез из машины и принялся делать любые движения лишь бы согреться. «Часов шесть, наверное», - решил я и замахал руками сильнее. Минут через десять я немного согрелся. В кузов не хотелось, я принялся ходить позади машины туда-сюда в полусонном состоянии и для разнообразия заглянул в кабину – отец спал, поджав ноги и укрывшись курткой. Я огляделся. Редкие машины уже катили по дороге, официантки суетились около столиков дорожных кафешек, кое-где уже поднимался в небо дымок мангалов. Хотелось спать. Я залез в кузов и проспал еще пару часов. Вновь выбрался наружу я уже в девять, подошел к кабине, отец, будто почувствовав, тут же открыл глаза.

Обратный путь занял у нас восемь часов и обошелся без приключений. «Газель» с товаром в кузове поставили на стоянку, оставив, все как есть и уставшие побрели домой. Я принял душ, поел и сразу уснул. Проспали долго, оказавшись на складе лишь к полудню следующего дня. Я заглянул в кузов, раскрыл ближнюю упаковку, достал пластмассовое ведро с пастой и снял с него крышку.

- Говно какое-то нам подсунули, - произнес я, крутя в руках ведро.

Отец промолчал, глянул внутрь емкости, почти вздохнул и принялся разгружать машину. Я продолжал пялиться на комки белого цвета, плавающие в маслянистой желто-зеленой жидкости. «Что это такое, как мы это продадим?», - нервно подумал я, сожалея об уплаченных вперед деньгах. Успокаивало то, что первая партия в любом случае уйдет, а со следующей можно было и не связываться. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я тоже взялся за работу.

Началось лето. Марево потекло поверх городского асфальта, приятно обволакивая теплом. Теперь, каждый раз, оказываясь на стоянке, мы садились в «газель». «Двойка» как старая лошадь после нескольких лет тяжелой тягловой работы стояла на соседнем месте, получив, наконец, свой заслуженный отдых.

Ситуация в бизнесе оставалась неясной. После отличного сезона синьки продажи скатились обратно, вернув нас к минимуму дохода. Мы зависли в классической точке – маленькая прибыль не позволяла взяться за высоко оборачиваемый товар, отсутствие такого товара не давало шанса на хорошую прибыль. Я постоянно анализировал ситуацию в поисках очередного нестандартного хода, ничего не подворачивалось. Тогда мы решили – если не можем увеличить доходы, нужно снижать расходы. Сэкономить можно было на аренде склада, половина которого пустовала. Мы пошли к руководству базы и высказали пожелание пустить в склад субарендатора. Нам обещали помочь. В успех затеи я верил слабо и потому забыл факт разговора тут же.

В июне мы провернули важное дело. Помня успешный опыт бартерной поставки в Москву, я задумался о повторе. Отец идею поддержал. Обзвонив крупные оптовые фирмы столицы, с одной из них я договорился. В конце июня в пять утра вдвоем на «газели» мы покатали в Москву с двумя сотнями упаковок синьки в кузове. В обед мы были на месте, выгрузились-загрузились и в пятом часу тронулись в обратный путь. Остановившись за все время лишь раз, поужинать в придорожном кафе, после полуночи мы были уже на

подъезде к нашему городу. Последний час поездки дался трудно – нас жутко клонило в сон, мы боролись с ним и успели приехать до того, как он нас одолел.

Следующий день мы спали до полудня, после поехали на склад и разгрузились. Все складывалось хорошо, с московской фирмой мы сторговались по выгодной цене и через месяц планировали следующую поездку. Привезенный товар сразу пустили в продажу, раскидав по оптовым базам.

В последние дни июня я встретил бывшего сослуживца. Мы привычно приехали в «Пеликан» с очередной партией товара. Отец подал «газель» задом к ленте транспортера, уходящей в подвальную глубь склада, заглушил двигатель и потянулся за сигаретой. Я с документами зашагал в офисное здание. Покончив с бумагами, выскочил на улицу и наткнулся на Вовку. Оба уставились друг на друга, призадумались и замерли.

- Привет! – произнесли мы почти одновременно и пожали руки.

Наступил неловкий момент. Мы знали друг друга и не знали. Нужно было что-то говорить дальше. А что именно?

- А ты же во втором подразделении был, да? – начал я. – Извини, не знаю, как тебя зовут, визуально помню, а имени не знаю...

- Владимир! – официально представился тот, назвал фамилию.

Я назвал следом.

- А я отца твоего видел как-то здесь, выгружался он там, - Вовка махнул рукой себе за спину, в сторону склада бытовой химии.

- Да мы ж с ним вместе работаем, товар вам возим! – сказал я.

- Ааа! Вы товар нам возите!? – удивился Вовка и округлил глаза.

- Ну да, товар поставляем на базу, поставщики ваши... - заулыбался я.

- Не, ну я думал, вы чей-то товар возите, извозом занимаетесь, а вы вон как, ооо...!

- Ну да, вот так вот, - подытожил я, играя в руках разрешением на разгрузку.

- А это? – Вова выхватил бумажку из моих рук. – Подписал?

Я кивнул.

- Ааа... Петровича подпись, вижу... - Вовка без интереса сунул бумажку обратно мне в руки, замолк, я не ответил, он добавил. – Ну ладно, чё, иди разгружайся!

- Давай, я пойду тогда разгружаться, а ты подходи, если хочешь, поболтаем!? – предложил я, развел руками.

- Да... давай! – Вовка махнул рукой неопределенно и пошел в офис.

Я вернулся к отцу. Выгрузка уже шла в полном разгаре, и через пять минут все было кончено. Транспортер со скрипом и шумом утянул вниз последние коробки и затих. Я пошел в склад, отметил документы, вернулся к машине. Отец уже шнуровал тент. Рядом крутился Вовка.

- Удивительно, говорю! – повернулся он ко мне. – Оказывается, Анатолий Васильевич говорит, что вы давно уже нам товар поставляете, а почему я вас так и не вычислил!?

- Да я откуда знаю? – благодушно ответил я и, чтоб подыграть Вовке, серьезно уточнил у отца. – Па, так чего он нас не вычислил? Мы ж вроде и не прятались...

- Не знаю, - включился отец в розыгрыш, произнес будто равнодушно. – Может он грузчиком работает тут, а кто ж грузчику скажет такую важную информацию.

Вовкины глаза изучали нас пару секунд – глянули на отца, потом на меня. Не сразу, но он сообразил, что мы подшучиваем, и тут же расслабился и поплыл в улыбке.

- Дык дело то в том, что я работаю как раз, на минуточку...! – Вовка поднял вверх кривой короткий указательный палец. – Заместителем коммерческого директора по бытовой химии и хозтоварам!

- Как же ты тогда нас прохлопал, Вова!? – произнес я наигранно укоризненно с оттенком разочарования.

- Ды вот же ж! – защерился тот в улыбке.

Общение у нас сложилось сразу. Так обычно и происходит между людьми – или тут же сблизилась или нет. Мы миг нашли контакт, расслабились и уже через десять минут стояли подле «газели» и чесали языками как старые знакомые.

- Так а там Андрей Петрович вроде? – кивнул я в сторону офиса.

- А, да Петрович, да! – Вовка принялся грубо тереть ладонью глаз, затер его аж до красноты, поправил бляху на ремне – тот был у него военный кожаный со звездой на бляхе. Вовка потыкал ногой в переднее колесо «газели», заглянул через опущенное стекло в кабину и продолжил. – Да он там вроде как числится моим директором, но занимается, не пойми чем! Папа его, зачем-то притащил из «Меркурия»!

- Че за – Папа? – не понял я.

- Ну, Папа! Хозяин «Пеликана»! У Папы денег хоть жопой ешь! – выдал Вовка и при слове «деньги» азартно вспыхнул глазами.

Общение Вовка обильно сдабривал матом. Он выкрикивал ругательства громко, и те летели как комки грязи из-под колес трактора во все стороны. Я, привычный к мату давно и не стеснявшийся его на слух, морщился и испытывал стыд – отец был рядом. Я иногда поглядывал на него, отец откровенно кривился от Вовкиной брани и, не стерпев, скоро отошел в сторону, деликатно занявшись чем-то в кабине «газели».

Нам было пора. Мы обменялись с Вовкой крепким рукопожатием.

- Давай, Роман, заезжайте почаще! Рад был знакомству! Если чё, звони! – Вовка достал из заднего кармана джинсов сотовый и потряс им. Телефон, похожий на наш, такой же черный с выдвижной антенной и громоздкой. Вежливо попрощавшись с моим отцом, Вовка побрел в сторону офиса. «Газель» обогнала его, отец посигналил, я глянул в боковое зеркало – Вовка поднял руку, и мы свернули за угол.

В бизнесе ситуация стала более-менее стабильной. Меня озадачивало только одно – задержка с очередным заказом от менеджера «Пушка». Его скрупулезность и точность в работе успела стать даже неким эталоном для меня среди клиентов. По всем прикидкам звонок должен был случиться еще неделю назад, а тут тишина. С продажами синьки мы преуспели – заполнили ей едва ли не три четверти рынка города и окрестностей. И сбыт продолжал расти. Мы быстро становились монополистами. Этот фактор сыграл свою роль – отец предложил поднять цену. Я не задумывался о таком шаге. Мы стабильно торговали синькой по цене на треть ниже конкурентов. Я настолько свыкся с существующей ценой, что когда отец озвучил свою мысль впервые, я удивился. Отец привел свои доводы, они звучали разумно. Я выслушал их, мы некоторое время спорили о плюсах и минусах такого шага. Я говорил о том, что цена уже сложилась, все к ней привыкли, и что нет смысла без надобности «ломать» рынок. Отец говорил о возможности получения дополнительной прибыли. Я упорствовал в том, что такое повышение будет сложно объяснить, ведь производитель не повысил отпускную цену. Нам пришлось бы сочинить красивую байку, что мне делать совсем не хотелось. Мысль о дополнительной прибыли меня не сильно

впечатляла, длительная устойчивость нашего положения – вот что мне виделось важным. Будут ли у повышения негативные последствия? Как их предугадать? Отец настаивал, приводя весомые доводы. Я начал колебаться, вспомнил слова одного из менеджеров оптовых баз – если товар начинает нравиться покупателям, то цена уже не играет большой роли, товар будут брать. В них было зерно истины. Проблемы нам могли создать лишь конкуренты, но их у нас почти не было. Оставалось лишь придумать правдоподобную причину повышения цены.

Отец настаивал.

Я согласился.

В начале июля владелец краснодарской фирмы-производителя проезжал через наш город и решил познакомиться очно. Встреча случилась за городом на территории одного из мотелей. Со стороны она выглядела как знакомство контрастов: респектабельный мужчина в дорогом кремовом костюме и белоснежной рубашке на новехоньком бежевом «Пассате» и мы – одетые буднично по-рабочему на старой крашеной «двойке». После приветствий и рукопожатий он пригласил нас в свою машину. Я почти не участвовал в общении, изредка вставлял лишь малозначимые фразы – больше слушал. Весь диалог свелся к обычным словесным «качелям». Гость агитировал нас на увеличение продаж. Отец парировал тем, что без рекламы это делать трудно. В ответ мы услышали рассказ про то, что затраты на производство большие, денег не хватает, а потому из рекламы есть только буклеты, которые надо распространять.

«Сам бери, да и распространяй свои буклеты, больше нам делать нечего», - мысленно с удовольствием возразил я.

Отец же принялся отвечать размеренно, неторопливо, обстоятельно и обоснованно. Выдержкой своей он был силен. Я бы уже давно вспылал и точно бы наговорил лишнего, рубанул бы правду-матку с плеча. Чувствуя такие позывы в себе, я старательно молчал и отвлекал себя изучением автомобиля.

- В общем, на чем мы с вами остановимся, Анатолий Васильевич? – произнес гость. – Нужно увеличивать объемы продаж вам, а мы уж поможем, чем сможем.

- Да, а мы со своей стороны вам обещаем, что будем стараться продавать вашу продукцию, двигать ее, так сказать, по мере сил. А вы уж со своей стороны поддержите нас. Если будут какие желающие из нашего региона звонить вам, то направляйте их к нам. Все-таки мы ваши эксклюзивные представители, - как по написанному, выдал тираду отец и громко обреченно вздохнул.

- Договорились, Анатолий Васильевич, - протянул тот отцу руку. – Вы здесь наши представители, будем сотрудничать.

Я тоже пожал гостю руку, выбрался из «Пассата» первым, побрел к «двойке».

- Разговор ни о чем! Переливали из пустого в порожнее, - уже в машине, пялясь в окно, по пути домой произнес я.

- Ну, а что ты хотел, чтоб мы о чем разговаривали? – возразил отец спокойно. – У него свои задачи, у нас свои. Главное – это то, что он подтвердил, что мы одни в нашем городе, это важно, а остальное ерунда.

- Да это понятно, - кивнул я, задумался и уставился в окно.

Меня глодало – ощущение дисбаланса. Я против этого ощущения во всем. Херовое ощущение – дисбаланс усилий и требований, прав и обязанностей. Вот, к примеру, вам дают товар и говорят – продавайте, старайтесь, продавайте хорошо и много. Чем больше,

тем лучше. И будет хорошо. Им-то будет хорошо, чей товар. А вам, ну, вам те деньги, что заработаете и «спасибо». «Спасибо» на хлеб не намажешь. И помощи никакой. И все бы выглядело справедливо, если бы не требования к вам в нагрузку. И требования такие, будто помощь эта предоставлена. Возможностей дают на копейку, а спрашивают на рубль. И обязательства свои минимизируют. Вот и этот, я его почувствовал, юлил он, да еще и выставлял себя, чуть ли не нашим начальником. И возникло ощущение ненадежности. Я гнал от себя мысль, что при первом же выгодном предложении краснодарский гость сразу забудет все наши договоренности на словах. И становилось обидно за надежду. Почему-то именно с этим предприятием была связана моя надежда, что с ним-то все получится, уже как надо, не так как раньше. Хотелось, чтобы вышло. Так хотелось, что аж жгло внутри. И тем горше осознавалось ощущение разочарования и тревоги, которое зародилось во мне. Я гнал эти мысли прочь, но уходили они лишь на время. И поводов для таких ощущений видимых не было, но в душе стало беспокойно. Ощущение надежности выстроенной нами конструкции для меня подтаяло в самом важном месте – в истоке.

Всю дорогу домой я занимался душевными изысканиями, пока не устал. Самоедство, оказывается, страшно утомляет. Сильнее, чем работа. Глупая черта, только мешает. «Надо от нее избавляться», - подумал я и тяжело вздохнул.

В середине июля, как и задумали, мы решили поднять цену на синьку. Естественно, мы начали с крупных клиентов и первым поехали в «Арбалет».

- Ну что, пойдём вместе или я один? – глянул я на отца, едва мы припарковались на «газели» на территории базы.

- Да сходи один, чего я туда пойду? – сказал он. – Вы вроде как там уже друзья. А я пока тут посижу, покурю.

Я вышел из машины и, спасаясь от сильной жары, нырнул в прохладу здания. На втором этаже офис менеджеров вел вялую борьбу с духотой – посреди помещения стоял вентилятор и монотонно мотал головой, разгоняя жаркий воздух по углам. Я вошел, все замерли, признали меня и вернулись к своим делам. Мой менеджер расслабленно клацал мышкой, нападая в компьютерной игре на очередной вражеский замок. Поздоровавшись, я сел на стул у его стола. И ощущая, как непривычно частит сердце от заготовленной лжи, как можно более буднично известил менеджера о подорожании синьки.

- И сколько ж она будет стоить? – прекратил тот играть.

Я назвал цену на десять процентов выше. Парень взял калькулятор, пробежал по нему пальцами, изрек: «Дороговато».

- В смысле?

- Тут вот «Пушок» предлагает твою синьку дешевле и в бартер.

Фраза кувалдой саданула меня по голове. На мгновение я впал в ступор, тут же прилагая усилия по сохранению внешнего спокойствия. Прошли микросекунды. Время замерло и тут же затикало с бешеной скоростью, словно в обратном отсчете. Мысли сорвались следом «Как это «Пушок» предлагает эту синьку?? Откуда она у него?? Может, притащил из другого города по бартеру? Ну не у производителя же отгрузился? Вот тебе раз! Ничего себе, сюрприз! Как так!? Фууух, надо срочно что-то придумать! За «Арбалет» надо держаться зубами! Если собьют с такого жирного места, то сразу потеряем почти половину объемов». Еще секунда. Я, кажется, собрался.

- А почему же он предлагает? – спросил я все также буднично, ощущая внутренний тремор и наблюдая очередной танец пальцев на кнопках калькулятора. Менеджер показал мне на экране цифру.

«Старая наша цена, чуть дешевле, понятный ход, вот он козел», - ругал я мысленно менеджера «Пушка». «Знает, что мы возим не в бартер, предложил сразу и цену ниже и в бартер, чтоб наверняка отбить позицию у нас».

Еще секунда, и я нашел решение.

- Хм, интересно, но раз такое дело, то, конечно, повышение мы делать не будем. Видимо, «Пушок» закупился еще по старой цене, - врал и изворачивался я на ходу, пытаюсь сохранить лицо. Вышла дрянь! С самого начала я старался выстраивать со всеми клиентами честные и доверительные отношения, впервые пошел на откровенное вранье, поддавшись уговорам отца и тут же влип. «Папа, блин, далось тебе это подорожание, сижу тут выкручиваюсь как дурачок!», - обозлился я на него, представив сидящим в это же время беззаботно в «газели» с сигареткой под теплыми лучами солнца. «Он там, а я тут! Он придумал, а я выкручивайся!», - жег гнев мои мысли.

– А с производителем тогда вопрос о подорожании я улажу, раз такая ситуация, - продолжал я говорить, понимая, вопрос надо решить сейчас же и получить от менеджера согласие, предложив тому сразу наилучшие условия работы. – Тогда на чем остановимся? Я тебе оставляю нашу старую цену, выходит, дешевле, чем у «Пушка». И тоже можем начать работу в бартер. Договорились?

- Ну да, давай, пусть пока так будет, - произнес флегматично тот, повернулся к экрану монитора и продолжил размеренно клацать мышкой.

- Сколько тебе завезти, какие там у тебя остатки? – сказал я еще более будничным тоном, дожидая менеджера до конца, зная, что заказ надо получить сразу.

- Ну, давай, упаковок тридцать подвези, - произнес тот.

- Хорошо, завтра тогда закину, - кивнул я, вышел из офиса неторопливой походкой, ей же прошел длинный гулкий коридор. Едва свернул на лестницу, как напускное спокойствие вмиг улетучилось, сердце гулко застучало. Мысли в голове тут же сорвались вихрем и понеслись, и я будто за ними следом, побежал вниз по ступенькам.

Отец стоял у входа в здание, курил, отставив расслабленно ногу.

- Пойдем в машину, разговор есть, - бросил я мимоходом сдержанно, направляясь к «газели». Отец не шелохнулся. Я развернулся и пошел к нему.

Отец неторопливо затянулся сигаретой, неспешно выдохнул дым, посмотрел на меня, произнес спокойно: «А что случилось?»

- Пойдем в машину, там поговорим! – бросил я снова, кипя внутри эмоциями.

Отец, словно нарочно, еще раз повторил неспешный ритуал – затянулся, выдохнул, бросил бычок в урну и пошел к машине. И каждое его движение такое медленное, такое размеренное. Ничего в мире не могло заставить отца делать что-либо хоть чуть быстрее. Ведь можно среагировать на мое взвинченное состояние по-другому – проникнуться им, заинтересоваться новостью, докурить быстрее, идти к машине энергичнее. Так нет же! Мне казалось, я уже целую вечность скачу около закрытой пассажирской двери «газели» и поджидаю отца, а тот преодолел вразвалочку лишь половину из двадцати метров.

«Да что ж ты так ходишь-то медленно!», - вспыхнул я мысленно.

Наконец, мы оказались в кабине.

- Блин, обломались мы с подорожанием! – начал я откуда началось, сумбурно пересказал случившееся. – Стал я ему рассказывать про подорожание, а он мне сказал, что «Пушок» предложил ему синьку дешевле и в бартер. Прикинь! Я ваще офигел!

Отец, не моргая, смотрел на меня. Я выговорился, умолк, замер во встречном взгляде, ожидая его реакции. Отец продолжал молчать и смотреть на меня. Я на него. Я ждал реакции! Не дождался, не выдержал, продолжил, чувствуя неконтролируемый выход адреналина: «Короче, пришлось мне отыграть назад с этим подорожанием! Зачем ты вообще придумал это дурацкое подорожание!? Торговали бы так! Нет, нужно было себе проблему придумать! Еле выкрутился!

Взгляд отца изменился, стал внимательным и колючим.

- Я сказал, что цену мы оставляем прежнюю, но будем тоже брать у него товар в бартер! Другого выхода там нет вообще! – подытожил я, перевел дыхание. – Он, знаешь, сколько синьки заказал!?

- Сколько? – произнес отец, полез за сигаретой, закурил – занервничал.

- Тридцать упаковок! Это значит, что он у «Пушка» уже взял примерно столько же! Он располовинил заказ! Этот козел из «Пушка» пошел по нашему следу, посмотрел, что синька хорошо продается и позвонил этим в Краснодар! А они и отгрузили! Как так!? У нас же есть с ними договор! Сам же хозяин приезжал недавно! Он же нам обещал! Сидел там, в машине кивал с умной мордой, говорил, что все у нас нормально, и они работают только с нами! И тут на тебе! Как так!? Я вообще не понимаю!

- Как, как... Вот так, - все так же невозмутимо произнес отец, задумался на пару секунд, добавил. – А куда мы теперь бартерный товар девать будем?

- Да какая разница куда!? – опешил я, вытаращился на него. – Что мы не найдем куда девать что ли!? Поищем куда! Вон есть «Пересвет», я не знаю, Вова с «Пеликаном», не знаю... мелкие эти оптовики! Да найдем! Надо будет посуетиться!

- А что мы брать здесь в «Арбалете» будем? – все тем же размеренным тоном задал отец очередной вопрос, который вывел меня из себя еще больше.

- Да какая разница что!? – вспыхнул я, не понимая, зачем задавать вопросы там, где на них, наоборот, надо искать ответы. – Найдем, что брать! Возьмем прайс, приценимся, выберем то, что нам надо и распихаем по базам, вот и все! Дело не в этом! Дело в том, что этот урод из «Пушка» нам насрал! Втихаря за спиной позвонил в Краснодар, а эти мудаки от свалившегося счастья ему и отгрузили! Зачем так делать!?

- Ну, вот так. Вот такие у нас партнеры. А чего ты хотел?

- Я работать нормально хотел!

- Поступило предложение, они и отгрузили. Любой бы отгрузил, и ты бы и я...

- Может быть, и отгрузил бы, но не делал бы клятвенных заверений в вечной дружбе! Зачем так делать!? Ну, хорошо, решили отгрузить, ну позвоните, предупредите!

- Зачем?

- Да как зачем!? Чтоб мы знали, чтоб были к этому как-то готовы! Работу свою перестроили! Или они думают, что наш город такой большой, что другому отгрузили, и никто не узнает!? Да тут каждая собака друг друга знает!

- Ничего они не думали. Просто хочется денег и все. Есть клиент, чего не продать товар. Это производство, товар надо продавать.

- Мудаки!

- Ладно, поехали домой, - отец шумно выдохнул, затаился и кинул бычок в окно.

Всю дорогу домой настроение было гадкое. Я угрюмо смотрел в окно и обдумывал случившееся, регулярно прерывая мысли эмоциональными тирадами про «мудаков» и «козлов». Такое произошло в нашей работе впервые и не укладывалось в моей голове. Я, пытаясь осмыслить новые реалии, зло выдал: «Это сейчас этот мудака из «Пушка» начнет же всем предлагать синьку на бартер!?

- Само собой.

- Зашибись! Само собой, - повторил я интонацию отца, уже успокаиваясь и начиная думать осмысленно. – Он нам сейчас весь рынок поломает. Полезет сейчас и в «Мангуст», и в «Оптторг»... Нам придется готовиться ко всему этому. В общем, придется со всеми в бартер работать, иначе никак. Иначе все откажутся от нас и начнут работать с «Пушком». Вот тот обрадуется то. Зашибись, раскрутили товар, теперь все, кому не лень, начинают лезть на лакомое, чтоб себе кусок урвать.

- Ну, а как ты хотел... конечно, - произнес отец, пичкая меня вместо поддержки сухими фразами в нравоучительной манере и тем беспрестанно раздражая.

- Ну а как ты хотел, конечно! – нарочито карикатурно повторил за ним я. – Никак я не хотел! Нормально я хотел! Мы же не лезем в чужой товар! Кто и что там возит и откуда и чем торгует, мне до лампочки! Пусть возят! Зачем же к нам лезть!?

- Ты прям хочешь, чтобы все были кристально честными и порядочными как ты? – не среагировал на мой выпад отец, добавил еще суше. – Такого не будет.

- Да, хотел! А что в этом плохого!? Это что, так сложно!? Ну, хочешь ты торговать, ну найди товар и вози его и продавай через базы! Зачем у другого изо рта выхватывать!? Звуки моего возмущения потонули в стуке колес по бетонным плитам, мы подъезжали к стоянке. Поставив там «газель», пошли домой. Эмоции все не отпускали меня, я ходил по квартире и продолжал возмущаться. Я был зол на всех: на владельца производства с его дешевой показухой и пустыми заверениями; на менеджера «Пушка» за его елейную улыбку в глаза и двуличные действия за спиной; на менеджера «Арбалета» за его апатию и безразличие; на отца за его авантюру с подорожанием, в которую он втянул и меня. В голове роился вихрь мыслей, на душе было беспокойно. Мысли давили голову изнутри, нужно было срочно отвлечься и развеяться, освободиться от возбуждения, раздражения и негатива. Решение пришло сразу, к десяти вечера я был уже в «Чистом небе». Хотелось выпить. Я пробрался к барной стойке. Соль, текила и лимон – слизать, выпить, заесть. «Мудаки, блять!», - зло пронеслось в голове. Я выпил.

ГЛАВА 6

События стали развиваться предсказуемо – новоявленный конкурент сделал всем нашим клиентам коммерческое предложение, нам пришлось экстренно выдвигать свое, еще более выгодное. Ход с бартером возымел успех – клиентов мы отстояли. Теперь надо было думать, куда же девать обменный товар. Все фирмы его продавали либо оптом со склада, либо через свои розничные точки. Со склада мы не торговали и розницы своей не имели. Выход виделся один – продуктовые базы с отделами бытовой химии. В городе таких было три: «Пересвет», «Меркурий» и «Пеликан». В последнем на нужной должности трудился Вовка. В «Меркурии» бытовой химией заведовал коммерческий директор, отношения с которым у нас сложились чисто деловые. Было неясно, возьмет он

наш бартерный товар или нет. «Пересвет» стоял особняком – большая современная база, которую все крупные оптовики бытовой химии почему-то упустили из виду, и товар туда поставляли предприниматели вроде нас. Притом, что продажи в «Пересвете» были самые большие из продуктовых баз. Лучшего места сбыта бартера для нас было и не придумать.

- Ну, а чо, давайте, конечно! Я только за! Я от таких предложений не отказываюсь! – расплылся Вовка в довольной улыбке, заблестев радостно глазами, едва я ему намекнул о деньгах. После выгрузки мы выехали на «газели» с территории «Пеликана» и остановились на площадке за воротами. Вовка вышел к нам следом, подальше от посторонних глаз и ушей. Мои дружеские отношения с ним развивались быстро. Оба сразу нашли общий язык и взаимную симпатию. Вовка оказался малым прямолинейным, веселым и энергичным. С ним было легко и интересно.

- Ну, чо там у вас, давайте, жулики, рассказывайте! – сказал он, подходя вразвалочку на своих коротких ногах. К его манере разговора я уже почти привык.

Было жарко. Ожидая Вовку, мы раскрыли настежь обе двери кабины, духота внутри стала меньше. Отец курил, стоя подле кабины с водительской стороны. Я слонялся по хрустящему гравию со своей стороны. Время словно остановилось. Конец рабочего дня. Из ворот базы изредка выползали машины, загруженные купленными товарами, проезжали мимо нас и растворялись в городских улицах.

- Эт почему это мы жулики? – спросил я наигранно серьезно.

- Да, а кто вы есть!?! – засмеялся Вовка, бегая маленькими глазками от меня к отцу. – Перепродаете товар с одной конторы в другую, бабки складываете в карман, ничего не производите... Тунеядцы! Жулики!

Мы посмеялись, перекинулись несколькими острыми шутками, перешли к делу.

- Ну, давайте выкладываете, чо там у вас, - Вовка задрал ногу на ступеньку «газели», взялся рукой за оконный проем двери и стал ее раскачивать туда-сюда.

Я рассказал суть дела, предложил Вовке за услуги три процента. Тот театрально закатил глаза вверх, после скосил взгляд на меня.

- Пять!?! – выпалил Вовка и замер, улыбаясь хитрющими глазами.

- Договорились. Пять, - растянулся я в улыбке от его ужимок.

Вовка продолжал играть – сначала насупился на пару секунд, будто обдумывая, перестал раскачивать дверь машины, после сразу расплылся в алчной улыбке.

- Ну что я скажу!?! Предложение интересное, господу буржуи! Я его рассмотрю! - закатился он отрывистым смехом. Засмеялся и я. Отец, докурив, подошел ближе и принялся нудно и дотошно рассказывать Вовке всю историю событий, включая «подлянку, какую подсунул нам «Пушок» и то, что «вопрос надо как-то урегулировать».

- Да я понял, Анатолий Васильевич, я все понял, - замотал взъерошенной головой Вовка, словно отбиваясь от медлительности речи моего отца.

- Так все неожиданно получилось, - смущаясь, тот привычно заскреб в макушке и закричал. – У нас и договоренность была с производителем и договор, но вот сам видишь, какие люди попались. Приходится выкручиваться.

- Да понял я, понял, Анатолий Васильевич! – Вовка одним движением руки еще сильнее взъерошил волосы на голове. – Придумаем что-нибудь! Я подумаю! Хорошо!

- Вов, ты глянь, что у нас сможешь брать, так чтоб не сильно там остальных ущемить, а то на тебя косо начнут смотреть, - прервал я отцовские стенания, которые, если так не поступить, продолжались бы еще час, изводя своей нудностью.

- Да вот же, блять! – встрепенулся Вовка. – Там Петрович сидит, этот крот, зарылся, хрен спихнешь его оттуда! Он же там контролирует все, это и с ним мне придется делиться, там без него никак. Его не обойдешь.

- Ну, поговори и с ним, я думаю, он не будет против... - предложил я.

- Кто!? Петрович!? – Вовка снова закатился смехом. – Ёпти! Блять, да он мать родную продаст, если что! Это еще тот жучила! Ничего, я его вот выживу с его места, тогда вообще все будет в моих руках, и с ним делиться не придется! Красота, блять!

Вовка хлопнул в ладони и жадно потер их. Я засмеялся, его взбалмошный нрав нравился мне все больше. Вовка, как противовес отцу, появившись в моей жизни вдруг, заискрил всеми цветами, питая меня так необходимыми среди рутины эмоциями.

Выяснилось, что Вовка в приятельских отношениях с коммерческим директором «Меркурия». Я попросил его прощупать того на предмет закупки у нас бартера, и Вовка обещал помочь.

В конце июля мы снова поехали с товаром в Москву. Все было как в прошлый раз – выехали в пять утра, на месте были к полудню. Разгрузились быстро, а с погрузкой вышла задержка – только в четыре выехали в обратный путь. В полвосьмого свернули к кафе, поели. Мы сильно отставали от графика, выходило, что дома будем не раньше полуночи.

Следующие четыре часа проехали без остановок. Время ушло за полночь, когда да нашего города оставалось километров сорок, и меня потянуло в сон. Я сопротивлялся, но веки потяжелели, с каждым разом я моргал все медленнее, голову тянуло вниз. Я потер лицо руками и чуть опустил боковое стекло. Сквозняк тут же протянул кабину в сторону раскрытого окна отца. Прохладный воздух быстро проник под футболку, спина остыла, и я поежился. «Надо закрывать свое окно, а то шею надует, завтра голову не поверну и вообще, продует еще», - подумал я и закрыл окно. В голове прояснилось, сон отступил. Я глянул на отца, он курил. Оба были уже почти сутки без сна. «Если я так хочу спать, то как отец еще держится? Он еще и за рулем всю дорогу», - подумал я, тут же ощутив укол совести из-за того, что сижу бездельником. Идиотская ситуация. Мои навыки вождения были не настолько хороши, чтоб вести «газель» по трассе, тем более в момент, когда я буквально клевал носом ото сна. Я это понимал, но совесть крутила душу. Я посмотрел на отца внимательней. Его тоже клонило ко сну. Веки глаз двигались все медленнее.

- Ты как, па? – произнес я, прерывая мерный усыпляющий гул двигателя. – Спать не хочешь?

Отец встрепенулся, и я сразу понял, что устал он не меньше моего, даже больше, но держался и не подавал виду.

- Да так, - сказал он невнятно, будто заново учился говорить. – Спать уже хочется. Но уже скоро. Сколько там осталось нам, километров тридцать?

Отец докурил сигарету, поморгал, отгоняя сон.

Из темноты обочины выплыл синий дорожный указатель.

- Да вон знак! – вскрикнул я и указал пальцем. – Тридцать один, остался, километр. Сейчас пост будет!

- Давай, там, наверное, остановимся, - сказал неуверенно отец. – Подышим свежим воздухом, выйдем, разомнемся, а то у меня уже нога отваливается, затекла.

- Конечно, остановимся! – безапелляционно поддержал я. И тому была причина, одна из главных черт характера отца – исполнительность. Черта-то хорошая, только у него она гипертрофирована. Отец в своей исполнительности мог пойти и на ущерб себе. И в этой поездке, не согласись я с остановкой, а воспротивься, так отец из кожи бы вон лез, давил затекшей ногой на педаль, боролся со сном, а вел машину дальше.

Пост! Стационарный пост милиции за двадцать километров до города. Подле поста вдоль обочин трассы уже стояли ряды фур – одни остановились на ночевку, другие лишь для короткого отдыха. Сразу за постом и мы свернули на обочину. Я вышел из машины, и блаженство от прогулки растеклось по всему затекшему телу. Остановились мы вовремя, сон так близко подкрался к нам, что точно победил бы на оставшемся пути. Я прошелся по обочине, подышал ночным воздухом – сон отступил, в голове прояснилось. Отец закурил. Я тоже. За десять минут прохладный ветерок приободрил меня окончательно.

- Ну, что, поехали? – отбросил отец окуроч, посмотрел на меня.

- Ты как, па? Спать перехотелось? – всмотрелся я в его лицо – глаза уставшие, покрасневшие сеточкой сосудов, но вроде как не сонные.

- Да, нормально, тут немного осталось, доедем! – произнес он бодро.

Мы тронулись. Впереди уже виднелись электрические отсветы города. Трасса шла прямо, по две полосы в каждую сторону, прерывистая разметка обозначала полосы, а сплошная по краям очерчивала границы асфальта. Встречные направления разделял ров метра полтора в глубину и около пяти в ширину. Мы катили по левой полосе из двух, ближе ко рву. На спидометре было восемьдесят. Мы обогнали пару легковых машин на соседней полосе. Те плелись на шестидесяти. Межполосная разметка правее меня монотонно проскакивала назад. Я смотрел на нее, и это действовало гипнотически. Первые минуты после остановки прошли бодро. После я согрелся, потянуло в сон. Я чуть прикрыл веки, задержал так на пару секунд, разомкнул. Мелькание штрихов разметки все больше их отяжеляло. Я посмотрел на отца. Он не курил. Сидел ровно, держал руль обеими руками и смотрел на дорогу. Сон вместе с теплом кабины пробирался по спине к голове, я соображал все хуже. Город приближался. «Еще немного, уже скоро, как хочется спать, приедем, сразу лягу, буду спать, пока не надоест, отец тоже устал, почему я такой криворукий и не веду машину, надо смотреть на дорогу, окно открыть надо, холодно, дотерплю», - ползли кашей в моей голове мысли. Ших, ших, ших – проносились белые штрихи справа. Я смотрел на них, веки наливались сном. Я сомкнул глаза. «Сейчас чуть так посижу и открою, еще немного, сейчас, сейчас», - еле-еле ворочалась сонная мысль. С трудом, лишь наполовину, но я открыл глаза, плохо соображая, глянул на отца. Он все также сидел ровно, смотрел вперед и вел машину. Мне стало жутко неудобно и стыдно за себя. Я, молодой парень, сижу рядом с отцом, которому пятьдесят лет, который вот уже тысячу километров ведет машину и не засыпает, а я валяюсь в сон! Я вернул взгляд на дорогу. Ших, ших, ших – мелькали справа полосы на неосвещенной темной дороге. Ни попутных машин, ни встречных. Никого. Только мы и полосы. Ших, ших, ших. «Я на минутку, больше не могу, буду так, минуту с закрытыми, минуту с открытыми, так нормально, успею выспаться за минуту, и вытерплю минуту». Я закрыл глаза. Как же приятно. Наслаждение потекло от закрытых глаз вниз по телу, я жадно ловил каждый миг своего микросна. «Минута, наверное, уже прошла, не прошла, еще десять секунд и как раз

будет, десять секунд, наверное, прошли, не прошли, где-то только половина, осталось четыре секунды, осталось три, нет еще не три, пока четыре, еще немного, вот теперь три, сейчас, три, три, пока три, три, две, да две... две... скоро открывать глаза... не скоро... еще две секунды... уже одна... нет, пока две... еще немного... хорошо, одна... скоро открывать глаза, надо последнюю секунду расслабиться... все, пора... еще не пора... сейчас, быстро посплю эту секунду... последняя... но это уговор... надо просыпаться... открывай глаза, открывай», - мозг усилием воли вынырнул из липкого тумана сна, заработал вслед за приоткрывшимися глазами. Я еле разлепил веки. Ших, ших, ших. Полосы. Все так же равномерно. «Так удобно на них смотреть, даже поворачивать голову не надо, прям передо мною... Почему передо мною? Уже чуть левее», - мысли почти застыли. «Интересно, почему это полосы уже чуть левее, передо мною ведь были», - в липкой каше сознания с трудом сформировалась очередная мысль. И, вдруг, искра! Я встрепенулся, дернулся! Вытаращился на полосы!

Ших, ших, ших. Все та же размеренность, но полосы уже были под отцом и медленно смещались под капотом влево! Я все понял! Я еще не осознал, но уже понял, мозг очнулся! Доля секунды, я собрался, глянул на отца. Он по-прежнему сидел ровно, держал обе руки на руле, вел машину и... спал! Глаза отца были закрыты!

- Па! – тронул я отца за руку.

Он открыл глаза. Абсолютно спокойно открыл, ни дернулся, ничего такого, просто открыл и стал смотреть вперед, куда и должен был смотреть, даже не повернулся ко мне.

- Па, мы сейчас в канаву свалимся! Мы вправо уходим! – я глянул на дорогу.

Линия межполосной разметки медленно возвращалась под «газель». Вот она уже под сидением отца, вот уже подо мною, а вот и там, где должна – справа от машины. Мы ушли с правой полосы, вернулись на левую.

Сон исчез, будто и не было. Организм за долю секунды накачался адреналином. Я глянул на отца. Тот сидел в прежней позе и вел машину. Только мы и дорога. Ни одной машины больше – ни попутной, ни встречной. Ших, ших, ших – неслись чуть медленнее злополучные полосы справа. Спидометр показывал пятьдесят.

Ррррр!!! – пролетела справа старая легковушка с прогоревшим глушителем.

Мы встрепенулись.

- Мда, - выдавил из себя отец, перехватил руками руль и полез за сигаретой.

Меня начало тихо трясти. Чтобы хоть как-то отвлечься, я стал разглядывать множасьщие огни города. Они приближались. В кабине висело задумчивое молчание.

Через полчаса мы оставили «газель» на стоянке и пошли домой. Шли молча. На полпути я не выдержал и произнес: «Ты спал за рулем, прикинь...»

Отец быстро глянул на меня, но не ответил. Уже дома, когда мы оба приняли душ и сидели на кухне за столом, отец встал и, наливая себе чай, произнес: «Мда...»

Я знал, о чем он.

- Надо же, не заметил, как уснул, - продолжил отец, обернулся, поставив чайник на плиту, и с каким-то совершенно искренним удивлением добавил. – А мне снилось, что я веду машину. Представляешь?

Я кивнул, механически дожевывая наспех сделанный бутерброд, выпил чаю, пожелал отцу спокойной ночи и поплелся спать. Упав на кровать, я провалился в сон, в котором разделительная полоса неумолимо уходила перед моими глазами влево, и я ничего не мог с этим поделать.

Бардак с синькой продолжился и в августе. Часть клиентов прагматично «уселась на два стула» и заказывала этот товар то у нас, то у «Пушка». Перейдя на бартер, мы сдержали экспансию конкурента, но ситуация повисла в шаткой точке равновесия. Нам нужен был нестандартный ход. Я задумался, и мысль пришла.

- Нам надо найти другого поставщика синьки, - заявил я во время завтрака.

- Как это – другого? – мерно жевая, отец замер и тут же продолжил есть.

- Да так, другого! Наверняка там в Краснодаре кто-то еще производит или эту или такую же синьку. Слишком халаявная позиция... Лакомый кусок!

- Как может кто-то производить эту синьку, если ее название зарегистрировано?

- Да не обязательно именно эту! – начал я заводиться, как часто бывало, удивляясь неспособности отца ухватить суть мысли, а не цепляться за частности. – Название может быть любое! Главное, чтоб флакон и этикетка были те же, вот и все!

- И что мы с ней будем делать? – жевал апатично отец.

- Да как что!? Заменим эту на новую! И все! Только надо, чтобы новая не дороже этой была. Но если там кто-то начал производить похожую синьку, то цена точно будет не дороже, а скорее всего, дешевле! А иначе нет смысла, надо же выдавливать эту с рынка. Цена точно будет ниже! Только вот как найти этих производителей? Ладно, давай доедай, нам пора уже ехать, что-нибудь придумаем, как обычно. Журналы посмотрим, может еще как, но найдем! – закончил я завтракать, встал из-за стола. Мысль засела во мне крепко.

- А с этими надо бы заканчивать... - продолжил я уже по пути на стоянку, вспомнил встречу с собственником фирмы-производителя бытовой химии, скривился.

- А что мы продавать будем!? – вытаращился на меня отец. – Вот когда найдем замену, тогда и подумаем!

- Да это понятно, что – когда найдем, а не раньше! Я что, идиот по-твоему, что ли!? – меня раздражала все сильнее прямолинейность мышления отца, на которую я наткнулся все чаще. – Я об том и говорю, что надо найти, а потом заканчивать с этим. А то приперся на своем новом «Пассате», всё пальцы гнул и пыль в глаза пускал «мы с вами работаем, только с вами, вы наши представители, мы в вас заинтересованы» тупо нассал нам в уши, козел! А сам отгрузил первому позвонившему... мудака!

- Ну да, - деликатно согласился отец. Он не любил, когда я выражался. Я, конечно, старался и не выражаться, да и матом при отце не ругался, но иногда позволял себе, когда чувства уже переполняли, просто крепкие словечки.

- Ладно, поищем, - подытожил я.

С переходом на бартер, вместе с плюсами вылезли и отрицательные стороны – удвоилась нагрузка. Теперь, чтобы получить ту же прибыль, мы должны были совершать больше работы, перевозить больший объем товаров, трудиться больше времени. Я тут же постарался свести к минимуму все лишние действия и это удалось. Получая обратный товар у клиентов, я за раз старался брать лишь то, что требовалось к продаже в других оптовых базах. Так мы избегали перевалки бартера через свой склад. С «Меркурием» вопрос еще не был решен, Вовка не звонил. Для получения максимальной прибыли от бартерного товара я выработал систему ценообразования. В ней учитывались все нюансы – кто, где и какие скидки дает на схожий товар, и насколько дорого в какую из баз можно его продать. Все цифры я запомнил и держал в голове. Мы продолжали выписывать накладные от руки, и это утомляло и раздражало. Ведь теперь накладные стали длинными

с множеством наименований. И писать приходилось много не дома за столом, а в кабине «газели». И заняться этим пришлось уже мне. Отец, выполняя лишь функции водителя, быстро перестал ориентироваться в коммерческих вопросах. Если он брался за написание накладной, то уточнял у меня цены едва ли не по каждой строке, делая процесс написания долгим и мучительным для нас обоих. Я же писал накладные быстро, черпая всю информацию из своей памяти. Отец в это время отдыхал, выкуривая очередную сигарету.

Вопрос с продажей бартерного товара в «Меркурий» решился – об этом сообщил нам Вовка, сказал, что «позвонил Сене, будет он брать у вас весь этот триппер, три процента ему и возите туда свое говно, хоть до усрачки».

Я обрадовался, а Вовка довольно сунул руки в боки и важно замер около нашей «газели». После выгрузки мы стояли тут же у склада. Вовке было скучно летом в офисе, и почти каждый наш приезд в «Пеликан» мыс ним виделись. Трепались о всякой ерунде, зубоскалили, как два закадычных приятеля, которыми мы и стали – быстро и незаметно.

- Ладно, езжайте, жулики! – вздохнул Вовка, уходить ему не хотелось. – Мне идти надо, дел полно, какое-то сраное вино привезли, машина, вон, под выгрузкой стоит, грузчиков собрать не могут уже час, половина работает, а половина пьяные.

- Ладно, давай, пока, увидимся! – махнул я, захлопнул дверь, отец завел двигатель.

Вовка косолапо пошел впереди. Мы обогнали его. Я глянул в боковое зеркало – Вовка показал язык. Я высунул руку в окно и показал ему средний палец.

Ситуация в бизнесе выглядела стабильной. За «Пеликан» я был спокоен – там Вовка. С «Пересветом» везло сильно – крупные поставщики бытовой химии продолжали в упор не замечать эту базу. Мы возили в «Пересвет» бартерный товар, он продавался, словно проваливался в бездонную бочку. С ценами там тоже творилась халява, они были так высоки, что мы умудрялись хорошо зарабатывать даже на бартерном товаре. Я учуял шанс заработка – пока конкуренты хлопали ушами, надо было максимально загружать «Пересвет». Мы так и сделали, принялись почти весь бартер валить в одну базу, и его стало не хватать. Помимо синьки, нам снова нужен был хороший товар для прямых продаж и для увеличения объемов бартера – одно тянуло за собой другое. И я помнил о плане по смене производителя синьки, но понятия не имел, где искать нового.

Как и в любой сфере, в оптовой торговле нашего города сформировался довольно стабильный круг игроков. Если в продуктовом опте он был большим, то в бытовой химии на порядок меньшим и очень замкнутым. Новых игроков за десяток почти не появилось. Наоборот, в 2002 году началось едва заметное уплотнение рынка бытовой химии. Процесс тронулся так плавно, что если кто и выходил из игры, то бизнес его угасал долго и у всех на глазах. Резко не разорялся и не закрывался никто. И напротив, если какая фирма росла, то прогресс был заметен и имел нормальную скорость. Остальные понимали – фирма имеет хорошую прибыль, вкладывает ее в развитие, оборот, торговые площади, и рост продолжается. Бурный рост без привлечения внешних средств не случался. Но тут был свой замкнутый круг. Большим фирмам банки кредиты давали охотно. Но тем доходы позволяли развиваться быстро и без кредитов. Мелким фирмам значительных кредитов не давали, и те обреченно плелись позади больших.

В 2002 году случился нонсенс – замкнутый круг был разорван. Торговая компания «Родной край» вдруг начала бурно развиваться. Предысторию фирмы я урывками знал от

разных людей. Директор «Родного края», как и все мелкие предприниматели, до поры до времени мыкался на свои кровные. И вдруг его бизнес начал резко расти. Все смекнули – произошло вливание денег. Откуда? Пошли слухи о кредитах. Располагалась фирма на территории небольшой базы буквально через забор от «Мангуста». Говорили, что базу эту директор «Родного края» не арендовал, а купил. На ее территории, не асфальтированной, едва присыпанной щебнем в самых нужных местах и огороженной бетонным забором, находилось всего одно сооружение – высокое серое четырехэтажное здание. Отсутствие окон на трех сторонах здания лишь усиливало его мрачный, почти тюремный вид. На таком информационном фоне пробудился мой интерес к «Родному краю», и я предложил отцу заехать туда.

Прохрустев колесами по щебню, мы припарковались и вышли из машины. Мда. Я огляделся. «Тюремный блок». Здание выглядело недостроенным. В его левой части зияло два проема под габариты фуры. Ворота на проемах не было. В середине здания был еще один проем, но уже с воротами и даже асфальтированным пятачком перед ним – склад фирмы. Перед его распахнутыми воротами стояла фура, суетились работники. Офис «Родного края» располагался на втором этаже, входное крыльцо находилось в правой части здания. Я потянул железную дверь на себя, мы с отцом вошли внутрь, оказались на лестничной клетке. Бетонные пролеты ступенек с приваренными к ним железными перилами вели вверх. Пол был устлан кусками бетона, силикатного кирпича и застывшего цемента. Мы словно оказались на стройке. Второй этаж нас встретил пустым дверным проемом и длинным коридором за ним. Сразу справа от проема висела железная некрашеная дверь. На ней на скотче болталась бумажка – «Торговый зал».

- Нам сюда! – сказал я и потянул дверь на себя.

Тяжелая, она поддавалась не сразу, изнутри ее держала пружина. Мы вошли. Дверь бухнула позади, выдав наше появление. Интерьер зала метров в сто пятьдесят площадью не нарушал духа здания – дешевый затертый линолеум на полу, невзрачные обои. В левой части зала стояли четыре стола с компьютерами, за двумя работали девушки. Вдоль стен тянулись высокие, выше человеческого роста, белые деревянные стеллажи с образцами товаров и бумажными ценниками на каждом. Ничего лишнего, типичный торговый зал. Я поздоровался с девушками и пошел бродить вдоль стеллажей. Я не знал, чего искал, и потому изучал все подряд полки, собирая информацию. Сразу бросились в глаза низкие оптовые цены. Я быстро прикинул разницу, цены оказались ниже средних городских на семь-десять процентов. «Удивительно. Откуда такая роскошь? Странно!» - задумался я, загадка низких цен взбудоражила мой мозг.

Я глянул на отца, тот ходил за мной следом, но скорее формально, с застывшим на лице безразличием. Наверное, в тот момент мои ощущения и оформились в непреложный факт и были осознаны – отец к нашему общему делу относился равнодушно. Я внутренне горел работой, отец нет. Он выполнял свою работу машинально, без интереса. Я ощутил себя дураком. «Как идиот, шарю по этим витринам в поисках того, чего я и сам не знаю, но я смотрю, ищу, мне интересно, хочу что-то найти тут, не знаю, чего именно, но чувствую, что поступаю правильно, а он...», - начали роиться в голове обидные мысли. Я не хотел себе в них признаваться. Но чем дольше я наблюдал за отцом в торговом зале «Родного края» и вспоминал былые схожие ситуации, тем яснее убеждался в неприятном факте – отцу было безразлично. Нехорошие мысли. Я затолкал их в самый дальний угол сознания, отвернулся, тяжело выдохнул и продолжил поиски.

Стоп!

Мысленный монолог об отце исчез из головы в миг!

Я остановился как вкопанный у предпоследнего стеллажа и не мог поверить своим глазам – на полке, среди тубиков и флаконов стояла знакомая синяя бутылочка. Да-да, точно такая же бутылочка, какая была у торгуемой нами синьки, с похожей этикеткой, но другим названием. Я нашел то, что искал! В яблочко! Я быстро глянул на цену – она была очень низкой. Идеально, то, что надо! – засигналила интуиция, по телу побежала дрожь предвкушения. Едва сдерживая рвущиеся наружу волнение и ликование, я подозвал отца.

- О! – выдал тот, увидев бутылочку.

- Да, да, да, - сказал я негромко, пошел к девушкам, взял для отвода глаз прайс-лист, вернулся к стеллажу и записал контакты производителя. Наклонившись к полке и нацепив очки, отец все еще рассматривал бутылочку. Очки сползли на кончик его носа, делая отца похожим на какого-нибудь преподавателя института.

- Пошли, больше тут делать нечего, пора ехать, - добавил я так же тихо.

Мы вышли на улицу.

- Обалдеть! Ты видел!? – сразу прорвало меня, я принялся тарыхтеть без умолка. – То, что нам нужно! Какой-то «Люкским» в Краснодаре делает точно такую же синьку и дешевле! Прямо как по заказу! На ловца и зверь бежит!

Мы сели в машину, пока отец заводил, в несколько секунд моя голова наполнилась невообразимым потоком мыслей. Я принялся лихорадочно просчитывать перспективы случайной находки. Мы поехали.

- Сколько времени!? – произнес я в нетерпении, тут же сам глянул на мобильник. – Пятнадцать двадцать три. Полчетвертого еще.

- Полчетвертого, - сказал отец.

- Интересно, до сколько они работают? До шести, как все, наверное. Мы еще успеем им сегодня позвонить, товар уже развезли, поехали домой! – тарыхтел я.

- Ну, - запнулся отец с недовольным видом. – Ну, поехали, позвоним. Вечно ты торопишься. Куда ты летишь? Завтра позвоним. К чему такая спешка?

- А почему бы сегодня не позвонить!? – вытаращился я на него. – Чего ждать-то!?

- Позвоним, хорошо, позвоним сегодня, - раздраженно согласился отец.

Я глянул на него, и моя эйфория улетучилась, с налету разбилась о безразличие отца, о его скупость в эмоциях, о его раздражение моей радостью. Я почувствовал себя ребенком, которого родитель грубо одернул лишь за то, что тот сильно выражал свою радость и был чрезмерно счастлив. Я потух. Отвернулся и стал тупо смотреть в окно. Теплый приятный летний поток воздуха дул мне в лицо и за спину. Я высунул наружу правую руку, поставив локтем на опущенное стекло, и стал ей ловить встречный поток воздуха. Сжал пальцы, образовав ладонью подобие крыла. Воздух ударил в ее плоскость и мигом подкинул руку вверх. Я положил ладонь горизонтально, рука упала ниже. Я создал угол наклона, рука взмыла. Глупо, но я игрался как незаслуженно обиженный ребенок. Хотелось, чтоб обида скорей ушла, и я прогонял ее простой детской радостью. Я изменял наклон ладони, и рука снова, то взмывала, то падала. Так я берег радость своих ощущений от жесткого и сухого восприятия действительности отцом. «Сейчас доедем и позвоним», - думал я, щурясь от удовольствия.

В начале пятого мы были дома.

- Па, звони! – сказал я, едва успев разуться и чуть не столкнувшись в коридоре с матерью. Она преподавала детям танцы в центре детского творчества, и последние пару лет работы у нее стало совсем мало. Платили за нее, естественно, мало. И это сказывалось на состоянии матери. С каждым годом она становилась все более раздраженной, грубее в выражениях и срывалась в скандал по малейшему поводу. Отцу доставалось гораздо больше, чем мне. Я не понимал, в чем причина их взаимной нетерпимости, чувствовал, что истоки ее уходят очень глубоко. Наблюдая за нами, мать застыла в коридоре, ушла на кухню. «Настроение плохое», - отметил я и прошел за отцом в его комнату. Отец сел подле телефона и стал набирать записанный мною номер. С открытого балкона в комнату текла августовская жара, я прошел на балкон, сел на нагретый солнцем диванчик, закурил, высунулся на улицу – красота, лето, тепло!

- Нет никого. Никто трубку не берет, - сказал отец, заходя на балкон, садясь рядом и тоже закуривая. – Наверное, ушли уже все.

Я слегка расстроился. Хотелось поскорей получить прайс-лист. Я затянулся.

На балкон зашла мать.

- Что, бизмисмены!?! – произнесла она радостно, взяла лежавшую тут же отцовскую пачку сигарет, выудила одну себе и отбросила пачку обратно. – Дела не идут!?

Снова хотела задеть, такие особенности я уже знал наизусть. Подобные набегу у матери случались волнами. Пока мы суетились на «двойке» – числились у нее в «бизмисменах», которые ничего не могут, в отличие от других «которые и дом построили, и машины у них крутые, и жены не работают». Болезненные укоры матери били в неопровержимые факты, возразить было нечего – мы стоически их выслушивали. Первое время я не замечал ее нападков. Позже они стали меня задевать. Покупка «газели» вызвала у матери растерянность, и на время провокации прекратились. Но через пару месяцев все вернулось на круги своя.

- Да почему не идут!?! – сказал я, буркнул, отвернувшись к окну. – Идут.

- Идут!?! – вцепившись в отца взглядом, мать стояла посреди балкона и мяла пальцами сигарету. – А ты чего, старый, молчишь, а!?

- Идут дела, идут, - прозвучал настороженный голос отца, я почувствовал, как его желваки напряглись. – Иди, давай.

«Это ты зря сказал», - понял я промашку отца. Мать ее и ждала, провоцировала, ждала нужного слова, чтоб зацепиться.

- Ты мне не идидай, давай! – вспыхнула она спичкой. – Понял!?! Ты!!

Мать, сцепив зубы, нависла над сидящим отцом.

- Тоже мне нашелся, бизмисмен сраный! Все мечтаешь, сидишь, никак не разбогатеешь! И никогда у тебя ничего не будет, вот посмотришь! Потому, что все люди как люди – и деньги зарабатывают, и детей и жен содержат и машины себе понакупили, а ты сидишь, жлоб, каждую копейку считаешь, все складываешь их куда-то! В гроб, наверное, с собой заберешь! – несло ее. Если мать прорывало, то несло безостановочно. Она быстро успокаивалась, если не отвечать на ее выпады. А не отвечать было тяжело. Я хорошо понимал отца и знал, что если тоже что-то скажу, то такие же слова будут сказаны и мне, но чуть с меньшей ненавистью.

- Ма, да хорош тебе! – я встал и направился мимо матери в свою комнату.

- Ты мне рот не затыкай, папин сыночек!! – взвилась она вмиг. – Сидишь тут у него на шее, пристроился! Я давно говорила, шел бы работать куда-нибудь! Нет,

околачиваешься тут, при папочке своем любимом! А мать так, прачка! Постирай, пожрать сготовь! И все! Только за этим мать нужна!

Я обернулся, невыносимо хотелось сказать гадость в ответ. Мать стояла и именно этого и ждала. Она будто питалась плохой энергией. Ссоры случались регулярно, после них мать довольная удалялась в свою комнату.

- Я и так работаю и зарабатываю деньги! – не стал обострять я. – А если не хочешь стирать или готовить, так и скажи, мы сами будем! Я не хочу слышать эти слова, типа «жрать» и все такое. Не хочешь готовить, не готовь! Только не надо орать тут!

- Все! Не нужна мать! Да!?! Пока был маленький, была нужна, а сейчас все, иди, мать нахер, да!?! – она подошла ко мне почти вплотную, и, глядя снизу вверх близорукими бесцветными глазами, добавила, пихая фигу почти мне в лицо. – Да вот хер ты угадал с папочкой своим заумным! Вот вам обоим! Выкусите! Что захочу, то и буду делать, это моя квартира и ты мне здесь не указ!

Ссора приобретала обычные гротескные формы. Мне нечего было ответить. Хамить матери я не хотел, слушать гадости не мог. Я глянул на отца, он сидел на балконе, закинув ногу на ногу, курил и ухмылялся. После трагедии начинается комедия – классика. Мать зыркнула на отца и медленно хищно двинулась обратно на балкон.

- А ты чего ржешь, старый козел!?! – зашипела слюной она. Отцовская ухмылка действовала на мать, как тряпка на быка. Отец это понимал, но таков был его ответ в этой неизвестно когда начавшейся взаимной травле.

– Жизнь хороша, да!?! Дура у тебя жена, да!?! Психопатка!?! А раз дура, что ж ты живешь с ней!?! Валил бы отсюда, покупал бы себе квартиру и жил, как хочешь! Чего ж не покупаешь-то!?! Ты ж бизмисмен! Крутой же! Денег дохера! Чего ж сидишь тут около меня!?! Да потому, что денег-то нет! Ничего не зарабатываешь! Только и разговоры одни – я самый умный, я самый умный! Да, где ж деньги-то!?! А нету их нихера, потому что ума-то нет, так, одни разговоры! А сам-то во!! – постучала мать костяшками кулака себя по темени.

Я стоял посреди комнаты, в который раз слушая такое. «Когда же это все началось? Не помню. Вроде было все нормально, была семья, жили, и вдруг раз, такое началось. Пойду я куда-нибудь, погуляю», - подумал я и, прикрыв за собой дверь, ушел на кухню. Поужинал, вышел на улицу, сел в маршрутку и поехал в центр. Погода стояла шикарная. Захотелось провести вечер в клубе. Но шел лишь седьмой час, и я часа четыре просто слонялся по центру. Настроение было гадкое. Вдобавок ко всему схватило желудок. Неприятная ноющая боль. Когда болит желудок, больше ни о чем другом думать не хочется. Я купил бутылку алкогольного коктейля, сел на лавке в парке и, закурив, стал заливать ноющий желудок светло-зеленым пойлом. Боль поутихла. Такое случалось не часто, я не придавал сильного значения этим болям. Понимал, они от нерегулярного питания и перекусов на ходу. Отец мне о желудке всю голову пробил своими нотациями. Ведь мой слабый желудок – наследие по его линии. Я воспринимал нравоучения отца, но ничего не делал. Мне было все равно.

В «Чистом небе», ожидаемо, в рабочий день посетителей было мало. Я уже знал весь персонал клуба в лицо, с половиной здоровался за руку. Денег с собой было немного. Я заказал «отвертку», прошелся по заведению и прилип к барной стойке. Накачавшись алкоголем, из «Чистого неба» я вышел в третьем часу ночи. Поднялся по ступенькам, толкнул тяжелую деревянную дверь от себя и оказался на свежем воздухе ночной улицы.

Я медленно пошел прочь. Хотелось прогуляться, подышать и немного отойти от алкоголя. Я перешел дорогу по «зебре» и двинулся обычным маршрутом к гостинице, туда, где дежурили «бомбилы». Через двадцать минут я был дома. Родители спали, я тихо разделся, лег в кровать. Едва голова коснулась подушки, как по всему телу пробежала приятная волна расслабленности и легкой усталости. Я сразу уснул.

Утром, еще пребывая в легкой дреме, я услышал отцовские шаги в комнате.

- Спишь? – произнес его голос.

- Нет, - ответил я, не открывая глаз.

- Я позвонил в Краснодар, - сказал голос, прокашлялся. – В «Люксхим». – Снова прокашлялся и цыкнул губами. – Они мне прайс вот скинули...

Остатки дремы испарились вмиг, я вскочил, разлепил глаза, сел на кровати и протянул руку к факсимильным бумажкам: - Дай посмотреть!

Быстро пробежал два листа сонными глазами.

- Отлично! Синька! Цена три рубля, супер! – пожирал я глазами буквы и цифры.

- И чистящая паста у них есть, - добавил отец.

- Классно! Паста! – я продолжал изучать названия и цены. – Цена не очень, надо бы подешевле немного. Ну ладно, это мы поговорим позже. Стиральный порошок дешевый, отлично! Чистящие средства дешевые, отлично.

Мы попали в яблочко! Мы нашли именно то, что искали. «Неужели это выход!?», - гулко стучало сердце, я был возбужден, почувствовав мгновенный прилив сил.

- Ну, чего, по условиям с ними поговорил!? – не терпелось мне.

- Условия прекрасные, - отец сел на стул напротив, закинул ногу на ногу и, не скрывая довольства, продолжил. – Отсрочку платежа дают до следующей партии, но не больше двух месяцев. Подвоз у них свой. Цена уже с учетом подвоза.

- Класс! – я откинулся на кровати назад, уперся спиной в прохладную стену и сразу отпрянул. – Если подвоз свой, то цены шикарные! Синька – три рубля! Мы уделаем этого «Пушка»! Да и на пасту цена нормальная выходит! Порошок еще есть, да и все остальное до кучи пойдет. Ассортимент ты видел, какой большой, и все, похоже, будет продаваться! Не то, что у этого, кроме синьки ничего толком не продается! Отличный производитель! А они ни с кем тут не работают!?

- Не работают, я все уже узнал, - отец откинулся на спинку стула, важно замотал ногой. – Я заикнулся про дилерский договор, они согласны на эксклюзивного дилера.

Я чуть не подпрыгнул на кровати.

- То, что надо! – выпалил я. – Ладно, я умываться, сейчас все обсудим.

Я выскочил из комнаты и скрылся в ванной.

Весь оставшийся день, катаясь с товаром по городу, мы с отцом обсуждали новые перспективы. Отец согласился с тем, что с нынешним производителем надо будет завязать и переходить на товар «Люксихима». Помимо синьки решался вопрос с ростовской пастой низкого качества, теперь мы могли заменить и ее. Отсрочка платежа в два месяца вообще выглядела манной небесной – мы могли бы завозить и продавать больше товара.

Август доживал последние дни. Я в очередной раз позвонил в Москву по поводу бартера и узнал неприятное – менеджер «Пушка» добрался и туда, предложив синьку по той же схеме, но по меньшей цене и даже уже успел завезти первую партию. Я, вроде как, должен был огорчиться, но этого не произошло. После случившихся новостей мне стало плевать на московскую фирму, на менеджера «Пушка», и на ложь владельца производства

с его новым «Пассатом». «Пусть трудятся», - подумал тогда я и с легкостью сообщил новость отцу. Тот отреагировал так же.

Сентябрь продолжился летним теплом, и уже в начале месяца мы получили первую партию товара из «Люксхима» - старый-престарый «МАЗ» приполз к воротам нашего склада и едва там не развалился. Давно не крашенная снаружи кабина внутри напоминала живой конструктор – от болтающейся панели приборов к рулевой колонке тянулись пучки проводов. Разноцветная их масса была связана и подвязана замусоленными веревками, шнурками и кусками изоленты. Позади кабины возвышался самодельный кунг. Обшитый снаружи листами железа, а изнутри подшитый досками, он походил на сарай на колесах. «Агрегат какой-то, а не грузовик», - подумал я. Водитель раскрыл задние двери «сарая», явив нам четыре тонны груза.

- А сколько ж ты максимально грузишь в него? – не удержался я от вопроса.

- Десять, - сказал тот спокойно, оттирая руки тряпкой от грязного масла.

- Десять тонн!? – застыл я в удивлении.

- Да, - не переменялся в лице водитель. – Еще прицеп есть. И в него десять.

- Нифига себе! – присвистнул я. – И далеко катаешься на этом чудовище?

- И в Москву ежу.

- Ого! Ты отчаянный! Это ж полторы тыщи в одну сторону! И не ломается!?

- Постоянно ломается, - водитель взял из кабины бумаги, отдал их мне.

- Ладно, начнем потихоньку, - сказал я, сунул документы отцу и пошел в склад.

Снаружи подъехала машина, захлопали двери, послышались приветственные возгласы.

- Добрый день! – вернулся из склада я и пожал руку невысокому мужчине со светлыми и седыми волосами, высоким покатым лбом и водянистым лукавым взглядом.

- Эдуард Дмитриевич! – ответил тот, пожал мою руку.

- Это мой сын Роман! – представил меня отец обоим гостям, поплыл в сдержанной улыбке. – Работаем вместе, можно сказать – семейный бизнес!

Я протянул руку второму гостю, произнес «Роман».

- Асланбек Ахмедович! – бодрым энергичным голосом ответил тот и крепко пожал мне руку. – Директор «Люксхима», компаньон Эдуарда Дмитриевича! Он у нас больше по коммерции, коммерческий директор, а я отвечаю за само производство!

В партнерах угадывалась внешняя схожесть – оба были около метра семидесяти, ближе к пятидесяти по годам. Разнило одно – Эдуард Дмитриевич своим заметным даже под рубашкой животиком и всем телосложением выглядел как человек далекий от спорта, в фигуре его компаньона, напротив, угадывалась физическая крепость и выносливость.

Началась выгрузка, водитель залез в «сарай» и стал подавать коробки мне и отцу.

- Давайте мы с Эдуардом Дмитриевичем вам поможем, Анатолий Васильевич! – раздался позади меня густой голос директора.

- Да, давайте, Анатолий Васильевич мы вам с Ромой поможем, - засуетился второй.

Директор меня удивил! Я понял, что человек, будучи собственником предприятия и не чурающийся физического труда, пойдет далеко. Он отмел наши с отцом возражения и взялся за работу. На лице Эдуарда Дмитриевича едва заметно мелькнуло недовольство.

Управились быстро, за час. После выгрузки мы заверили новых поставщиков в искреннем желании продвигать их продукцию. Те в свою очередь заверили нас, что мы будем единственными представителями их компании в регионе. Все четверо высказались за длительное и плодотворное сотрудничество, снова пожали руки – на том и расстались.

По дороге домой моя фантазия разошлась и рисовала самые радужные перспективы – я был на взводе и тархтел почти без умолка. Отец большей частью молчал, едва успевая в моменты моих пауз вставлять слово. Я фонтанировал энергией и жаждой деятельности. Путь из тупика был найден, оставалось лишь идти по нему.

За дело взялись сразу и энергично, в две недели раскидав новый товар по клиентам. Замена одной синьки другой ни у кого не вызвала вопросов, ход сработал полностью. Мы выправили свое положение, обезопасили себя от «Пушка», поставив на отношениях с ним крест. Продаваться начало все – дешевый стиральный порошок, жидкость для снятия лака, чистящие порошки. Мы накрутили на новый товар не скупясь, при этом сделав его самым дешевым в городе. Мы рискнули и выиграли во всем. Продажи пошли так бодро, что уже к концу того же месяца появилась потребность в следующей партии.

В то же время, вдруг, нашелся и субарендатор в наш склад. Знакомый одного из руководителей базы искал себе небольшую площадь и обещал подъехать.

ГЛАВА 7

Работа набрала такой ход, что я уже едва успевал писать накладные от руки – они стали большими и написание их занимало много времени. Вдобавок усложнился учет – требовался компьютер. Рост продаж потянул за собой и новый объем бартера. Куда его девать? «Пересвет» был загружен, «Пеликан» продавал слабо, оставался «Меркурий». В один из дней мы привезли товар в «Меркурий», отец закурил и остался около «газели» на стоянке, а я пошел на переговоры. По обыкновению дверь в кабинет коммерческого директора базы была распахнута настежь.

- Давай, заходи! – приглашая, махнул он мне рукой.

Арсений Михайлович – высокий мужчина под метр девяносто с хорошо развитой мускулатурой, угадывавшейся даже через пиджак, восседал за своим столом в тесной комнатке в шесть метров. Второй стол стоял встык напротив его, третий, загроможденный оргтехникой жался к боковой стене. Разговор вышел короткий и содержательный. Я сразу сказал о звонке Вовки. Выслушав меня и внимательно изучив опытным взглядом, словно просканировав в режиме «свой-чужой», Арсений Михайлович вынес быстрый вердикт.

- Да, поработаем, я думаю! – заявил он. – Надо будет определиться с группами товаров. Что вы можете возить регулярно? Потому что, ты сам понимаешь, если я начну брать у вас, то это должно быть регулярно и цену надо будет держать железно. По плохим ценам я брать не буду, мне проблемы не нужны.

- Цены у вас жестко отслеживают? – поддержал я завязавшийся разговор.

- Хох! Еще как! – Арсений Михайлович, слегка подпрыгнув на стуле, дернул шеей вперед, словно гусь и поправил руками пиджак. – У нас по городу бегают специальные люди, смотрят и переписывают цены на таких же базах. Хозяева все секут четко.

- Можно на «ты»? – уточнил я, чувствуя, что сделка у нас случится и, решив сразу похоронить все формальности.

- Да ради Бога! Можно, конечно! Можно просто Сеня, без всяких «Михайловичей» там! – расплылся тот улыбкой в два ряда ровных белых зубов.

«Вставные почти все, спереди точно», - отметил машинально я, улыбнулся следом.

Обсудив все нюансы, мы быстро пришли к согласию. Сеня мне imponировал все больше. Он определенно относился к тем людям, которые досконально знают свое дело, умеют его вести и того же требуют от других. К таким обычно сложно притереться, но если уж случается, то работа идет в удовольствие. В завершение Сеня сказал, что через два часа скинет по факсу первый заказ.

Я вернулся на стоянку в прекрасном настроении. Отец расхаживал подле «газели» и курил, выслушав меня, обрадовался, не вынимая сигареты изо рта, произнес «О!» и сильнее затянулся. Нервное напряжение переговоров спало и сразу захотелось есть. Тут же в ларьке заказали с отцом по стакану растворимого кофе и два шедевра фастфуда – сосиски в тесте. Желудок побаливал. Я надеялся унять боль едой. Не помогло. На десять минут боль почти ушла, но позже, едва мы поехали, желудок растрясся на ямах, и боль вернулась. Радость успеха в работе омрачилась тупой ноющей болью. Я дотерпел до стоянки и, идя домой, купил обезболивающий сироп и выпил пару ложек, боль отступила.

Под самый конец месяца мы, наконец-то, купили на склад тележку. Обошлась она в те же деньги, что и мобильный телефон и была очень нужна – бизнес набирал обороты. В начале октября пришла вторая машина из «Люксхима». Свободные дни ушли в прошлое, мы трудились ежедневно, радуясь работе, и уже все сильнее ощущая вечерами усталость.

В эти же дни в гости пожаловал и субарендатор – высокий мужчина лет тридцати пяти типично русской внешности с серыми живыми глазами и светлыми волосами. Его открытое лицо с прямыми чертами производило приятное впечатление. Занимался гость оптовой продажей мотоциклетных запчастей. Он осмотрел сдаваемую в аренду площадь и решили заезжать. Весь следующий день мы занимались развозом, а новоявленный сосед завозил свой товар в склад.

Октябрь прошел спокойно. Сосед быстро обжился и прижился – забил товаром всю свою площадь позади комнаты мотоциклетными шинами и камерами, вдоль стен комнаты поставил стеллажи с товаром, а посреди нее – стол со стулом, ноутбуком и принтером.

С началом ноября потянуло зимой. Световые дни быстро таяли. Мы возвращались с работы уже затемно. И заняться в это время дома было совершенно нечем. В квартире постоянно висела гнетущая атмосфера. Едва мать начинала очередную ругань, как становилось невыносимо и хотелось бежать из этих четырех стен. Мои вразумления и спокойный тон провоцировали ее злобу еще сильнее, чем молчание. Я не понимал, что происходит, и не знал, что делать. Нервничал, пытался понять причины такого отношения матери к отцу и мне, не находил их и бежал в «Чистое небо». Я не заметил, как привык к этому клубу. Меня стало туда тянуть. Я с нетерпением ждал выходных, и каждый вечер субботы проводил там. Иногда и пятницы. Денег было мало. На субботу мне их хватало. А на пятницу уже не всегда. Я как-то умудрялся выжимать максимум из того, что мог себе позволить тратить. Как? Я пил лишь «отвертку» – пятьдесят грамм водки и сто пятьдесят сока – самый дешевый алкогольный коктейль, какой только можно было придумать. Он стоил тридцать рублей. На вечер я брал около трех сотен, выпивал шесть-семь «отверток», аккуратно оставляя не менее семидесяти рублей на такси.

В одну из суббот ноября, я так увлекся алкоголем, что у меня кончились деньги. В десять вечера я уже стоял у барной стойки, тянул из пластикового стакана через трубочку первую «отвертку» и наблюдал, как народ заполняет клуб. «Через два часа будет битком»,

- прикинул я. Так и вышло. К тому времени я уже допивал третью «отвертку» и готовился к четвертой.

- Может, двойную!? – сказал бармен и показал поллитровый пластиковый стакан.

- Давай! Сколько!? – произнес я.

- Шестьдесят!

Я кивнул, получил коктейль и, покуривая, за полчаса покончил с ним. Похорошело сразу. Двести пятьдесят граммов водки в крови затребовали веселья, и я влился в тесный поток разгоряченных тел, плывущий на танцпол, который дрыгался в едином ритме. Обе зеркальные стены запотели снизу на четверть. Заразившись общим весельем, я скакал несколько минут в полном наслаждении, пока духота не взяла верх и не вытолкнула меня на свежий воздух улицы. Прохладно. В голову почти сразу вернулась ясность. Я закурил. Никотин усилил состояние легкости и безмятежности. Ничего не хотелось. Просто быть таким и здесь. «Все хорошо. Нет, все просто замечательно!» Я неторопливо прогуливался с сигаретой на зябком полуночном ноябрьском воздухе и разглядывал всех и вся вокруг. Продрог. Вернулся в душный подвал и заказал двойную «отвертку». Через полчаса повторил. Хотелось еще. В кармане оставалась жалкая тридцатка. «Отвертка»? Конечно! Ее я выпил быстро и понял, что хватил лишнего. Я был пьян. Захотелось обратно на улицу за глотком свежего воздуха и просто домой. Я медленно пошел к выходу, взял куртку в гардеробе и поднялся на улицу. Свежо! Два часа ночи. Я в центре города без копейки денег. Идти домой пешком? Это полтора часа по времени. Ноги гудели, хотелось спать. Я побрел по улице, закурив. «Больше всего таксистов около гостиницы, туда дойду, подышу свежим воздухом, может, кто и довезет так, а как приедем, я вынесу деньги из дома. Зачем все пропил? Жаль, что денег мало было, еще бы выпил. Набрался я нормально, все-таки шатаюсь, сейчас вертолётить будет в кровати, опять спать на животе. Может, выветрится хоть чуть-чуть, пока иду», - думал я, идя пошатываясь по ночному городу.

Группа таксистов, нахолившись стоявшая подле своих машин, разом потеряла ко мне интерес, едва узнала об отсутствии денег. Я понимающе кивнул и побрел вдоль ряда машин. Ряд кончился. Еще через пару пустых авто стояла белая «пятерка» или «семерка», сзади было не разобрать – вместо стандартных задних фар у нее горели два красных круга. Из приоткрытого окна с водительской стороны струйкой тянулся сигаретный дымок, и я решил снова попытать счастья.

Через двадцать минут я был дома, бегом поднялся на этаж, взял нужную сумму и вернулся. Парень-таксист стоял на улице подле машины и курил.

- Спасибо, что выручил! – протянул я ему деньги, пожал руку.

- Да не за что, с кем не бывает, - сказал тот, сел в машину, в лице его мелькнуло легкое удивление. – Если что, я всегда там стою, обращайся.

Так я познакомился с Эдиком, студентом, подрабатывавшим частным извозом.

Без компьютера уже стало невозможно. Но лишних тридцати пяти-сорока тысяч не было – недавно же купили новую складскую тележку. Я предложил оформить кредит, отец согласился. Мой паспорт в кредитной организации завернули сразу, пояснив, что безработным кредит не выдают. «Точно, я ж официально безработный, как-то и не думал об этом, работаю и работаю себе», - недоуменно осознал я и запихнул паспорт в карман. Кандидатуру отца – военного пенсионера и индивидуального предпринимателя – после часовой проверки одобрили, и уже через два дня я распаковывал новенькие компьютер с

принтером в своей комнате. Зв неделю я установил программу учета движения товаров, ввел туда наш ассортимент, и первые накладные бойко полезли из принтера наружу. Я был доволен. Отец тоже, его глаза растерянно смотрели на мои действия с компьютером. Каждый раз, подходя к компьютеру и наблюдая за моей работой, он смущенно кашлял, чесал в затылке и тихо уходил – компьютер был для отца «темным лесом». Я же засел за него с удовольствием и азартом.

- Ого! Растете! – воскликнул менеджер «Мангуста», увидев распечатанную на принтере накладную.

- Ну да! – расплылся я в довольной улыбке.

Менеджер написал в углу накладной привычное «принять», расписался и протянул бумагу мне. Выйдя на улицу, я пошел на склад под мерный скрип снега – начался декабрь. В работе все шло хорошо – продажи росли, мы сделали уже три завоза от «Люксхима», каждый следующий больше предыдущего. Отказавшись от всех прежних поставщиков, мы снова остались с единственным. Я усвоил предыдущий опыт и решил, что как только заработаем достаточно денег, тут же увеличим число поставщиков.

- Вам там факс пришел, бизмисмены! – сказала презрительно мать, едва мы с отцом вернулись очередным вечером домой, и удалилась в свою комнату.

Я взял со стола факсимильный лист и пробежал по нему глазами.

«Уважаемые партнеры... понятно... для повышения уровня продаж, предлагаем вам взять на себя обязательства на 2003 год по выполнению объемов продаж продукции ООО «Люксхим» на сумму 1млн. 600 тыс. рублей. При выполнении и превышении вами вышеозначенных обязательств, гарантируем по окончании 2003 года выплату вознаграждения денежными средствами в размере 5% от действительной суммы объемов продаж. С уважением, директор ООО... понятно».

- На, почитай! – протянул я лист отцу. – Какое нам предложение прислали!

Тот полез за очками. Чувство голода повело меня на кухню. Я заглянул в холодильник – пусто, посмотрел на плиту – пусто. В хлебнице лежала ржаная корка.

- Па, ну, у нас ничего нет из еды! – крикнул я злясь.

На кухню вошла мать.

- Ма, чего еды нет!? Что ты не приготовила ничего? – уставился я на нее.

- А из чего готовить? Ничего нет! – вызывающе резко ответила та.

- Ма, ну, сходила бы в магазин, купила! В чем проблема-то!?

- Вот сам и сходи! Бери своего папаню дорогого и идите! Я здесь причем!? – мать зыркнула на меня с вызовом, повернулась спиной.

«Началось, не прошло и недели с прошлой ругани, опять за свое», - понял я все:

- А ты не можешь, да!? Целый день дома была! Мы же только с работы пришли!

- Это не твое дело, где я была и чем занималась, понял!? – резко обернулась мать и пошла прочь из кухни, кинув через плечо. – Вон, руки в ноги и вперед! В магазин!

- Так я не понял, а еду готовить ты будешь или нет!? – чувство голода не оставляло мне сил злиться.

- Может быть, буду, а может, и нет! – донеслось из коридора. – Я подумаю!

- Понятно, - сказал я, но уже больше себе, чем ей.

На кухню вошел отец. В очках и с бумажкой.

- Да, интересное предложение! – глянул он на меня поверх очков, почесал под носом. – Мда! Что думаешь по этому поводу?

- Да ничего я не думаю! – бросил я, чувствуя, что на взводе. – Есть хочу! Еды нет! В холодильнике пусто! Матери все до лампочки! В магазин идти надо, вот что я думаю!

Отец уставил на меня удивленный взгляд.

- Хочешь, вместе пойдем в магазин, заодно по дороге и обсудим эту бумажку!? – смягчился я. – Могу и сам сходить! Смотри, как хочешь!

- Да нет, в магазин идти надо, - отец снял очки. – Сейчас, идем. Идем вместе.

По пути в магазин и обратно мы решили, что беря на себя обязательства, ни чем не рискуем: выполним – получим бонус, не выполним – ну и ладно. Попытаться стоило. Мы принесли два пакета еды и забили ею холодильник. Едва отец взялся готовить ужин, как на кухне объявилась мать и с недовольным видом сказала, что сейчас сама все приготовит. «Сама, так сама, не будем мешать», - подумал я и вышел прочь.

Отец весь вечер просидел над расчетами, что-то писал на бумаге, тыкал пальцами в калькулятор, а на утро разбудил меня фразой: «Смотри, я все посчитал. Не спишь?»

- Теперь уже не сплю, - сказал я.

Отец причмокнул и закричал – готовился начать говорить.

- Вот смотри, я посчитал все позиции, какие мы берем у «Люксихима» и примерный объем продаж. Просчитал его на год вперед, с учетом сезонов на синьку и все остальное и с учетом того, что Асланбек обещал начать выпуск новой продукции весной...

- Какой новой продукции? – спросонья удивился я, вспомнил. – А, да! Было дело.

- Я предлагаю подписать такое соглашение! – будто официально заявил отец.

- А кто против? – сказал я. – Я – за. Давай, подпишемся под эти объемы, все равно ничем не рискуем, а если выполним, так восемьдесят тысяч нам не помешают.

В тот же день мы отправили в «Люксихим» очередной заказ. Отец в телефонном разговоре дал Эдуарду Дмитриевичу согласие по объемам продаж на следующий год, тот, в свою очередь, пообещал приехать лично и привезти экземпляры соглашения.

С погодой в декабре везло, всю первую половину месяца температура держалась до пяти градусов ниже нуля при полном безветрии и ясном небе. День, когда должен был приехать дряхлый «МАЗ» из Краснодара, мы освободили от работ, были дома и ждали грузовик к полудню. Но случилась поломка в паре часов езды от города, и только в семь мы с отцом выехали на склад. И сразу же погода начала резко меняться. Небо заволкло тучами, и сверху мелкими зернами пенопласта посыпался снег. Я смотрел сквозь лобовое стекло на эту падающую из чернильного неба красоту и думал о близости Нового года. Едва мы подъехали к складу, как густо повалил снег, и поднялся ветер. Он закрутил снег вихрями и погнал поземку. Кожей лица ощутилось легкое похолодание. «Где-то минус десять, терпимо, лишь бы холодней не стало», - подумал я, ныряя в склад погреться. Минут двадцать скоротал за разговорами с отцом и снова вышел на улицу. Снег пошел сильнее! Его напало уже по щиколотку. «Кажется, еще холоднее стало», - подумал я, чувствуя мороз быстро подмерзшими щеками, и снова вернулся в склад. Через полчаса снаружи послышался гул и лязг работающей техники. Я вышел. Снег валил вовсю! Лицо сразу схватило морозом. Звук доносился со стороны главной дороги базы. Я юркнул в узкий проход меж складами и, утопая в снегу по колено, вышел на звук и замер – с неба

валила сплошная белая пелена. То тут, то там буксовали в сугробах или, застряв, стояли машины. Меж ними сновал трактор, распахивая ковшом снег в отвалы у складских стен.

- Там снег валит с жуткой силой! – почти крикнул я, вбежав в склад, обсыпанный снегом и держась за подмерзшую мочку уха. – Перед складом по колено! Надо чистить, а то ворота не откроем! И холодает там быстро.

- Придется чистить! – раздраженно сказал отец.

- Давай, позвони им! – предложил я. – Узнай, где они там!?

Отец позвонил. «МАЗ» уже тащился по левому берегу города.

Следующие полчаса мы азартно откидывали снег от склада и расчищали площадку под машину. Под ногами скрипело и изо рта валил пар. «Да уже и все пятнадцать точно», - озадачился я и активнее заработал лопатой. У отца в кармане зазвонил телефон – машина подъехала и стояла снаружи у ворот базы. Мы оставили лопаты, и пошли туда. Знакомый «МАЗ» стоял на обочине. «Хорошо, хоть без прицепа», - подумал я. Пассажирская дверь открылась, и из кабины в светло-коричневой дубленке, сером костюме и легких туфлях вывалился коммерческий директор «Люксхима». Ноги его сразу ушли по колено в сугроб.

- Ох, ничего себе! Ё-мое!!! – выпучил глаза Эдуард Дмитриевич, став в тот момент для меня просто «Эдиком». – Вот это у вас погода, Рома!

- Так зима же, Эдик! – сказал я, рассмеявшись. – А как ты хотел!?

- Так у нас зима! – пожал тот мне и отцу руки. – В Краснодаре сейчас плюс семь!

Эдик выбрался из сугроба и начал дрыгать ногами, вытряхивая снег из туфель.

Через пять минут «МАЗ» заехал на базу, ее центральная дорога была уже свободна от снега. Пока я и отец пыхтели и откидывали лопатами снег от нашего склада, объявился трактор, пыжась от натуги, он пронесся по соседней дороге, разом ее расчистил и унесся прочь. Обрадовавшись такой помощи, мы быстро дочистил проезд к воротам склада. Лицо отца стало красным от мороза, будто покрылось неподвижной коркой. «Я, наверное, такой же сейчас», - подумал я и, преодолевая замерзшую корку лица, с трудом произнес:

- Сколько времени?

- Без десяти десять, - сказал отец.

- Сколько же сейчас градусов!? Все двадцать!?

- Да, похоже на то, - отец, будто вареный рак, смотрел на меня красным лицом. – Облаков совсем нет. Небо ясное. Будет еще холодать.

Я задрал голову вверх. Небо высыпало огромными звездами. «Точно к морозу», - понял я, отгоняя мысли о теплой ванне и кровати. Снег почти перестал идти.

Через полчаса «МАЗ» уже стоял у нашего склада, раскрыв задние двери «сарая». Приступили к выгрузке. Я знал Эдика чуть больше трех месяцев, но уже понял главные особенности его характера – настырность, жуликоватость, хитрость и лень. Мороз имеет одно хорошее свойство – в холод начинают трудиться даже самые отъявленные лентяи. Едва я забрался в кузов и начал подавать коробки к краю, как Эдик тут же схватил одну из них и поставил на поддон. Работа закипела и начала согревать. База затихла и опустела. Водитель, выдержав минут двадцать в остывающей кабине, присоединился к нам.

Пританцовывая со скрипом в тоненьких туфлях, Эдик выведаль у меня, где можно купить сигареты и почти бегом скрылся в проходе меж складами. Я замер, втянул носом воздух – температура явно продолжала падать.

- Сколько же сейчас градусов? – посмотрел я на отца и водителя.

- Больше двадцати точно, - ответил отец клубами пара и шмыгнул носом.

- А времени сколько!? – выкрикнул я изнутри «сарая» не останавливаясь в работе.
- Поддвенадцатого, - глянул отец в окошко телефона, достал сигареты.
- Перекур? – сказал я.
Отец кивнул. Я полез за своими. Достал одну, предложил водителю.
- Не, я не курю! – замотал тот головой.
- Счастливый! – затаился я, выдохнул дым с паром. – Я тоже когда-нибудь брошу.
- Ты!? – отец замер с неверием во взгляде. – Не бросишь!
- Чего это я и не брошу!? – удивленно задрал я брови. – Я курю мало, всего-то пятьдесят сигарет в день. Это ты вот не бросишь! Куришь, потому что по пачке за день!
- Вот посмотришь! – заявил решительно отец. – Лет через пять брошу!
- Через пять? – прищурился я, прикидывая в уме. – Значит в конце две тыщи седьмого, ну, округлим до первого января восьмого, ты бросишь, да!?
- Вот увидишь! – презрительно глянул отец на сигарету. – Нечего делать брошу!
- Ну, ну! – ухмыльнулся я. – Посмотрим, посмотрим, кто еще бросит!

Из черноты прохода, поеживаясь и куря на ходу, прискрипел Эдик – продолжили работу. Выгружали товар быстро, почти в полной тишине, желая лишь скорей закончить.

Через двадцать минут Эдик снова убежал к торговым павильонам. Мороз не давал спуску, мы трудились без остановки. Оставшись один, отец уже не успевал принимать товар, и я спрыгнул к нему. Блестя глазами и глуповато улыбаясь, из прохода вразвалочку появился Эдик.

- Ты чего там, принял что ли!? – внутренне веселясь, сказал я.
- Не, не, не! – замотал руками тот. – Рома, как можно! Что ты говоришь такое!?
- Давай, лезь в кузов, там поможешь! – поплыл в улыбке я.

Кряхтя и прицельно задирая ногу, ища опоры, Эдик с трудом вполз внутрь «сарая», взял коробку, прижал ее к животу и, ступая враскоряку по скользкому металлическому полу кузова, запричитал: «Что это такое? Двести долларов! Костююм! Подааарок! Только неделю назад подарили мне...» Икнув, он чуть не выронил коробку, донес ее и поставил на край кузова, отдышался, поправил сползшую на глаза шапку и расплылся розовым лицом в счастливой улыбке. Остальные смотрели на представление молча и тоже улыбались.

- Я вам помогаю, Анатолий Васильевич! Вы заметили? – поднял драматично Эдик указательный палец вверх, икнул, развернулся и так же враскоряку потопал вглубь кузова. – Двести долларов! Костююм! Подааарок!

Эмоций ситуации хватило минут на десять, после все стихли, устали и работали уже механически. Эдик продолжал нечленораздельно бурчать, но тоже уже не веселился. Я промерз почти насквозь. Работа грела мышцы, но костям уже давно стало холодно.

Закончили в час ночи.

На базе стояла звенящая тишина. Эдик с водителем торопливо простились с нами и сразу полезли в кабину «МАЗа». Я закрыл склад и устало побрел к «газели». Через минуту стартер грузовика ожил, дизель схватился и бодро застучал. Настала наша очередь. Отец включил зажигание, вытянул заслонку, посидели в кабине с минуту так. Отец крутанул ключ, стартер закрутил бодро. Десять секунд. Без толку. Ни один цилиндр не схватился. Отец вывернул ключ на себя и подкачал бензин. Пытаясь согреться, я сидел неподвижно и апатично от усталости смотрел перед собой. Спать не хотелось. Каждая клетка меня думала о тепле: «Сначала согреться, а потом... а потом что угодно, но сначала согреться».

Отец повторил. Стартер почти также бодро начал, но замедлился уже быстрее.

- Этого еще не хватало, - озвучил отец нашу общую тревогу.

- Сейчас заведется. Давай посидим подольше, - подбодрил я его, начиная рисовать в голове картину, как мы оставляем «газель» на базе, а сами топаем до окружной дороги, по которой ночью мало кто ездит, и пытаемся поймать машину в полвторого ночи.

Третья попытка. Стартер три раза бодро крутанул вал, почти сдох на четвертом, и – о, чудо! – один цилиндр выстрелил раз, и двигатель замер.

- Есть! Сейчас заведется! – приободрился я, отец тоже.

Четвертая попытка. Двигатель схватил сразу и зарычал изо всех сил в ночной тиши, кутая «газель» в густые клубы выхлопных газов. Отец тронул рычаг заслонки, двигатель хватанул ледяного воздуха и заглох. Но уже было неважно. «Раз схватился, значит, точно заведется», - приободрил себя мыслью я.

Через сорок минут мы были дома – пока завели и прогрели машину, пока доехали по заваленным снегом дорогам, пока загнали «газель» на стоянку, вот уже и два часа ночи. От стоянки шли, чуть ли не вприпрыжку. Я махал руками, старался согреться, но тело не реагировало, подавая лишь сигналы о желании тепла. Дома я мигом набрал ванну горячей воды и залез в нее по шею. Я сидел несколько минут, но внутренний холод колотил меня не переставая. Набранная вода остыла, а я не согрелся. Открыл кран, кипяток пошел в ванну. Не помогало. Холод будто засел в моих костях. Тепло воды лишь грело мышцы, не в силах проникнуть глубже. Я просидел минут двадцать, без толку, вылез из воды, оделся во все теплое – толстые носки, военное зимнее нижнее белье и поверх спортивные штаны с легким свитером. Все равно холодно. Меня трясло. Сидя на кухне и прижимаясь ногами и руками к огненной батарее, я выпил чаю. Подействовало, холод изнутри вышел, и я перестал трястись. Сразу навалилась усталость, потянуло в сон. Я пошел в свою комнату, залез, как был под пуховое одеяло и, изредка вздрагивая остатками холода, уснул.

Соглашение, которое привез с собой Эдик, мы подписали на следующий день и отправили почтой в Краснодар.

Остаток декабря прошел спокойно. Вечера я проводил за компьютерными играми, а по выходным тусил в «Чистом небе». Я даже Новый год хотел встретить там, но вышло все буднично и бестолково. На праздник меня в компанию пригласила девушка, в которой я знал только ее. Новогодняя ночь вышла ужасной. Мой желудок и так уже давал сбой, а тут еще я наелся соленой рыбы и выпил отвратительного дешевого вина. За пару часов до полуночи у меня случился жестокий приступ изжоги. Аптеки, естественно, были закрыты, в квартире не оказалось даже соды. Все внутренности жгло, тяжесть в желудке мешала дышать. Время будто остановилось. Меня едва не вырвало посреди ночи. С рассветом и первыми автобусами, совершенно измученный, я поехал домой и выпил соды – изжога отступила. Меня вывернуло в унитаз. Первое января я проходил по квартире зеленый, питаюсь манной кашей, заботливо приготовленной матерью. Мне полегчало, и в субботу четвертого января я поперся в клуб.

- Ну чо, как сходил!?! – уставился на меня веселым взглядом черных глаз Эдик.

Я ввалился к нему в машину с привычным запахом водки, виноградного сока и отличным настроением. Вечер удался. Его не омрачили даже легкие ноющие боли в желудке, которые я залил изрядным количеством алкоголя. Я тяжело дышал от выпитого и выкуренного. Домой не хотелось, хотелось протрезветь. Клиентов у Эдика в тот вечер было мало, и мы завели разговор ни о чем. Оказалось, что он таксовал уже второй год, с

самого начала отношений со своей девушкой. Квартиру они снимали. «Семейная жизнь», со слов Эдика, ему нравилась, только ругались они с девушкой часто.

- А чего ругаетесь-то!? – уставился я на него. – Ты ее любишь хоть?

- Люблю, конечно, - кивнул Эдик, удивленно глянул на меня из-за вопроса.

- А она тебя? – продолжал я.

- Ну, любит, я думаю, иначе б не жила со мной, - ухмыльнулся тот.

- А раз любите друг друга, чего ругаетесь-то? – заулыбался я.

- Да все ругаются, - Эдик задумался. – Иногда она меня просто бесит, так тупит. Я ей говорю, зачем так делаешь? А она не понимает, делает все по-своему. Так мозг выносит. Постоянно ноет «вот, ты не мужик, денег нет, деньги не зарабатываешь!» А откуда у меня деньги!? Я студент! Едь, говорит, таксуй, зарабатывай деньги! Ну, я и сажусь в машину и вот, катаюсь по городу...

- Не понимаю я ничего в ваших отношениях, - сказал я, осознав, что ответы парня не внесли ясности в вопрос полов. – Но, если живете вместе, значит, все устраивает?

Эдик не успел ответить.

- Красивая? – копнул я глубже, задав откровенно тупой вопрос, будто найдется в мире мужчина, который скажет про свою девушку, что та страшная.

- Само собой! – машинально выдал Эдик, осознал наглость вопроса, уставился на меня удивленно, но следующий вопрос был уже тут как тут.

- А фигура, ну, внешне, в теле или стройная?

- Да как я вот, - Эдик ткнул руками себе в грудь и засмеялся.

- Да ты тощий как скелет, - засмеялся и я.

- Ну, не такая прям... стройная...

- А, ну это другое дело, - я театрально перевел дух и сказал, что мне нравится другой типаж – фигуристые смуглые девушки с заметными формами.

- О! Губа не дура! Всем такие нравятся! – заерзал в кресле Эдик, задумался вдруг, закурил и сказал, что такая знакомая есть, что девушка та умная, разборчивая, снимает вдвоем с отцом-дальнобойщиком квартиру где-то в моем районе и как раз сейчас в поиске нормального парня, а то отношения с нынешним ее не устраивают.

Я удивился наличию у девушки парня, раз она находится в поиске. Эдик успокоил, сказав, что тот парень несерьезный и ей не пара и предложил познакомиться с девушкой в общей компании в ближайшие дни, да хоть на Рождество. Я согласился.

Компания собрались 8 января в «Чистом небе». Я пришел последним. Эдик со своей девушкой и смуглая брюнетка с четвертым размером груди и парнем уже сидели за столиком. Я подошел, и Эдик меня представил.

- Инна, - сказала девушка, и я пожал красивую, но крепкую женскую руку.

- Саня! – сказал ее парень, долговязый худой молодой шатен лет двадцати двух с ниспадающими на глаза кучерявыми вихрами, конопатым носом и счастливым по-детски улыбочивым и беззаботным лицом.

Я пожал и его длинную «клешню».

Девушка Эдика – некрасивая угловатая брюнетка, с пустыми стеклянными глазами, жидкими прядями волос и недовольным заостренным лицом представилась последней. «Какая страшная... Если это красивая, то у Эдика в голове гайки вместо мозгов», - подумал я и сел пятым к столику.

Общение в незнакомой компании всегда складывается одинаково – формальные натянутые разговоры на общие темы и неявное изучение новых лиц. С девушкой Эдика все стало ясно сразу. Ее манеры общения и характер оказались под стать внешности – визгливая дерганая истеричка. Саня продолжал улыбаться. Общение с ним завязалось живое, но до жути примитивное. «Сознание, не отягченное интеллектом», - вынес я вердикт, и Саня принялся разливать водку. Я не хотел пить ее чистую. Зачем люди пьют водку? Ведь у нее нет вкуса. Но сразу выбиваться из компании не хотелось, и я кивнул утвердительно на предложение Сани. Рюмки быстро наполнились, глаза Сани заблестели. Мы выпили по первой. К этому времени Инна устала сверлить меня изучающим взглядом, и я смог украдкой ее разглядеть. Выше метра семидесяти, крепкая, плотная девушка с широкими плечами, развитыми бедрами и тонкой талией. Фигура ее была женственна, но не той слабой и слащавой женственностью, отдающей жеманностью и бесполезностью, а энергичной, той, что вызывает в мужчинах и желание, и уверенность в жизненной силе ее обладательницы. Смуглая. Смоляные прямые волосы в каре. Никаких украшений на длинных красивых тонких пальцах с плотными здоровыми чистыми короткими ногтями без лака. Чуть тонковатые плотно сжатые губы и цепкий взгляд черных внимательных глаз, выдавали в Инне девушку прагматичную, знающую, что такое житейские трудности.

Наконец, включилась музыка, избавив компанию от натужных разговоров. Клуб ожил, и на танцпол потянулись люди. Саня отработанным движением быстро налил всем по второй. В его суетливости и горящих глазах читалось непреодолимое желание выпить. Едва был сказан тост и подняты рюмки, как в долю секунды Саня запрокинул голову и плеснул в рот водку. Все выпили следом. От запаха водки меня передернуло, я принялся за салат. Инна откровенно паялилась. Глаза девушки ясно говорили, что она посвящена в скрытый смысл вечера. Неловкость от прицельного взгляда Инны подтолкнула меня на беседу с ней. Девушка Эдика флегматично жевала зелень. Саня улыбался и вожаделенно трогал начатую бутылку водки. Вялое общение тянулось еще минут десять, после чего Инна встала во весь размер груди – тонкий обтягивающий черный свитер, черная выше колен юбка, черные туфли на десятисантиметровой шпильке – и пошла танцевать.

На танцполе стало густо. Я вяло перебрасывался фразами с Эдиком и поглядывал в сторону Инны. Танцевала она пластично, откликаясь на ритм энергичными движениями тела. Пару раз призывно махнула в нашу сторону. Сидя спиной к танцполу, Саня разливал водку. Пить не хотелось. Я встал и, подбадриваемый сальным взглядом Эдика, двинулся к Инне, поймал ритм и задвигался ему в такт напротив девушки. Та улыбнулась крепкими ровными рядами зубов и сверкнула чернотой глаз. Движения Инны тут же стали активнее, грудь призывно заколыхалась. Я глянул в сторону столика – Саня пил, Эдик посматривал на нас. Мой взгляд упал на грудь Инны. Та заметила, улыбнулась ярче, взяла мою руку в свою и задвигалась энергичнее. «Фарс какой-то. Девушка при своем парне заигрывает с другим», - озадачился я, впервые оказавшись в такой ситуации.

Мы протанцевали две песни. Я аккуратно балансировал на грани приятельского поведения. Инна веселилась и открыто меня клеила. Мне надоела вся эта неловкость, и я вернулся к столику. Водка кончилась, Саня грустил. Желая передышки, я отправился к барной стойке, заказал двойную «отвертку» и остался трепаться с барменом, ощущая на спине внимательный взгляд Инны. «Цепкая подруга, а Саня тряпка, чего она с ним трется, от безвыходности что ли? Они явно не пара», - плавали в моей голове мысли.

Остаток вечера прошел также. Танцы, парочка медленных композиций, во время которых Инна сознательно прижималась ко мне грудью, я поддерживал ее за талию чуть сильнее, чем просто формально. Танец, как ничто другое передает энергетику партнерши – под рукой либо рыхлое и безвольное тело, либо упругое и пышущее жизнью. Тело Инны плавило мою руку грациозностью и силой пантеры. Ловкая цепкая пластичная сильная и умная. Опасный коктейль.

Слегка за полночь мы покинули клуб. Инна держала счастливого Саню под руку и многозначительно улыбалась. Распрощались на выходе. Я поймал машину и через полчаса был дома. «Не надо с ней связаться, сегодня улыбается мне, держа парня под руку, завтра следующему», - решил я и мысленно отложил девушку в раздел «ненужное».

После праздников работа закрутилась с новой силой. Едва мы загрузили клиентов товаром, как ударили «Крещенские морозы», температура в два дня упала ниже двадцати пяти градусов и держалась неделю. Каждый рабочий день превратился в отдельную битву на выживание. «Газель», первые два дня еще заводившаяся, на третий на потуги стартера ответила молчанием. Мы сняли аккумулятор и понесли домой, вынужденно устроив себе выходной. На следующее утро мы с трудом завели машину. Переждать морозы никак не получалось – заказы шли регулярно и в большом количестве. Работали быстро: подгоняли «газель» к складу, выскакивали наружу, бегом грузили товар в кузов и, успев промерзнуть до костей, ныряли в спасительное тепло кабины. Два рейса в день – норма. После снимали аккумулятор и несли домой. В квартире тоже стало прохладно. После работы я сидел по часу в горячей ванне, потом натягивал на себя теплые вещи, ужинал, готовил накладные на следующий день и ложился в одежде спать.

К концу января терпение кончилось, я возненавидел морозы всей душой, как вдруг небо заволочло тучами, резко потеплело до «минус» пяти, и пошел крупный мягкий снег.

ГЛАВА 8

Февраль выдался теплым, но все устали от зимы и ждали весны, замедлилась даже торговля. В начале месяца утром из «Люксихима» пришел факс:

«Уважаемые партнеры! Доводим до вашего сведения, что наше предприятие начало производство сантехнического средства для канализации «Ерш».

К новости я отнесся прохладно, а отец наоборот – он завтракал на кухне, и едва я принес ему факсимильную бумажку, как он округлил в удивлении глаза, почти перестал жевать, закинул ногу на ногу и задрыгал ею. Я глянул на ногу с болтающимся на пальцах тапком, вскочил со стула и заходил по кухне. Эмоция отца передалась мне.

С ближайшей машиной мы получили двадцать упаковок нового товара, и всех их заказал «на пробу» «Арбалет». Я несколько секунд переваривал итог телефонного звонка, вдруг осознал его, нашел отца в комнате на диване и в приступе эйфории выдал новость. Отец стоял и смотрел на меня бесстрастным лицом. Я ждал его реакции. Казалось, ведь ясно – мы получили еще одну сильную товарную позицию, это сулило нам увеличение оборота, а значит, и прибыли, а значит, и наших возможностей и перспектив, а значит... Это было причиной моей эйфории. Но реакции не случилось.

- Ты слышал, что я сказал!? – вытаращился я на отца от непонимания.

- Ну, - произнес он.

- Что «ну»? – начал я раздражаться.

- Ну, слышал! – с легкой эмоцией сказал отец. – Что дальше!?

Я сник. Разом. Как отрезало.

«Что ж он такой тяжелый на эмоции!? Или это он так выражает их? Или привык их так сдерживать, что на лице ничего не отражается? Разве можно быть всегда с каменным лицом? Не понимаю», - заворочались во мне тяжелыми валунами мысли. Я всматривался в лицо отца, пытаюсь понять, почему он такой, что с ним не так? «Откуда такая скупость на эмоции? Или я чрезмерно эмоционален, что радуюсь каждому, даже пусть маленькому, успеху нашего общего дела? Неужели успех его не радует? Или радует, но отец скуп на эмоции просто в силу своего характера? Непонятно». Понятно стало другое – отец, как никто другой мог одной фразой, одним унылым выражением лица отнять все желание полета, которое как раз рождается из положительных эмоций. Он словно боролся с ними, едва завидев их во мне, гасил не раздумывая. В груди стало тяжело.

- Да, ничего, - я развернулся, вышел из кухни и пошел одеваться.

Настроение испортилось на весь день.

Зима ушла. Март начался отвратительно – небо закрылось насыщенными влагой тучами, температура подползла к нулю, растворив снег в ледяную кашу, влажный воздух, срывающийся регулярно в грубые порывы ветра, неприятно колот лицо и выдувал тепло из тела.

«Сарай» из Краснодара в очередной раз приполз к нам с прицепом в четверг пятого марта и привез тринадцать тонн товара. Разгружали машину долго – начали в обед около часа и закончили с заходом солнца в семь вечера. Две трети прихода занимала синька, и потому работа быстро стала монотонной – сплошной поток однообразных синих упаковок превращался в одинаковые поддоны с ними. Мы закатывали их в склад по одному, пока последний едва поместился в нем.

- Все, наконец-то закончили? – ободряюще произнес сосед-арендатор, заглянув в очередной раз в нашу часть склада.

- Да, все, разделались, - сказал отец устало. – Теперь продавать будем.

По закрытым изнутри воротам снаружи пробежал порыв ветра и подергал их. В складе горел свет. Забитое товаром пространство создавало ощущение уюта. Мы с отцом сидели на упаковках, привалившись спинами к столбам из таких же упаковок, и медленно отходили от тяжелой выгрузки. Мышцы натружено горели. Я застегнул пуховик наглухо. Тепло мышц быстро нагрело одежду изнутри.

- У нас вот тоже скоро сезон начнется, - произнес сосед.

- А с чего ты вообще решил заняться этими мотоциклетными запчастями? – сказал я, погружаясь в легкую дрему. Тело отходило от нагрузки, требуя отдыха, желательно сна.

И сосед рассказал свою историю.

Был у него мотоцикл «Иж», сломался, и оказалось – запчасти в городе купить негде. Время такое было, девяносто пятый год. И решил он поехать за ними напрямик на завод в Ижевск. Знакомые, прознав, заказали запчастей и себе. Привез парень оттуда на поезде полный рюкзак и распродал его за один день и даже немного заработал. Знакомые сказали: «Вези еще!» И тот через неделю вновь поехал на поезде на завод, вернулся уже с двумя мешками. Вышел на рынок и продал товар в два дня.

- И ты опять...? – попытался угадать я ход напрашивающихся действий.

- И я опять! – закивал сосед, довольный историей и произведенным эффектом. – Короче, я так все лето отъездил! Поехал, затарился, привез, два-три дня постоял на рынке, продал и снова поехал.

Наценки выходили хорошие, десятикратные, а то и больше.

- И долго ты так с мешком катался? – раздался справа от меня голос отца.

Я чуть вздрогнул, глянул через плечо в ту сторону. Отец достал из пачки сигарету, сунул ее в рот, лихачески зажав меж зубами, улыбнулся.

- Па, ну в складе-то уж курить не надо, да!? – сказал я. Само вырвалось. И вышло довольно жестко, безапелляционно и неожиданно для меня самого. Был случай, когда мы только въехали в этот склад, я раз закурил в нем. Отец сделал замечание, чтоб не курил в складе. Я тогда затушил сигарету и, неосознанно для себя, урок усвоил. Ведь наша жизнь – постоянная учеба и развитие. А отец для сына – первый учитель и авторитет. Развиваясь, мы усваиваем уроки родителей. Я впитывал нравоучения отца. Для меня он всегда являлся непререкаемым эталоном правильного набора человеческих качеств. В отце их было так много, что в какой-то момент даже возникло ощущение их избытка. Идеальность отца казалась удивительной. Я никогда не видел его пьяным, отец почти не пил, употребляя лишь в праздники символические граммы. Он не сквернословил. Чему я удивлялся, мат слышался кругом и от каждого второго. Отец был педантичен в работе, надежен, честен и очень исполнительен. Если бы я захотел придрататься и найти в нем изъян, я бы не нашел. Естественно, я и не искал в отце отрицательные качества, не стремился оспаривать его авторитет. Что может быть комфортнее и важнее для формирующегося сознания сына, чем настоящий авторитет отца? Ничего. Но законы жизни тверды и ведут нас неявными путями мудрости. Что нас не убивает – делает нас сильнее. Это верно. Парадоксальным образом верно и обратное утверждение – что делает нас сильнее, то нас и губит. Именно то, благодаря чему отец являлся авторитетом для меня, и начало работать против него. Его пунктуальность, точность, педантичность – достойные черты характера, со временем перешли грань меры и стали вырождаться в щепетильность, дотошность, занудство по отношению к окружающим и особенно близким – ко мне и матери. Отец скрупулезно подмечал все мои промахи, ставил мне их на вид и занудно вычитывал целые лекции о том, как надо было мне поступить на самом деле. Как сын своего отца, искренне стараясь, я работал, тянулся к планке, установленной отцом, устранял все помарки и недочеты в своих действиях, согласно его замечаниям и наставлениям. Я нормально относился к критике и строгости отца, понимая, что так, пусть где-то болезненно, я учусь жизни. Чем сильнее я тянулся к обозначенной отцом планке, тем недостижимее она становилась. Мое желание делать все правильно по меркам отца выродилось в виртуальный бег к линии горизонта. Моя врожденная исполнительность стала подтачиваться раздражением от постоянных укоров и нравоучений. Будучи скупым на эмоции, отец не чувствовал и мои. Мое сознание, уяснив бесперспективность послушного исполнительства, адаптируясь к характеру отца, стало вырабатывать «антитела». Ведь не зря говорят – с кем поведешься, того наберешься. Мать в порывах очередных скандалов стала бросать мне в лицо фразу: «Ты становишься таким же, как твой отец!» Что было правдой, незаметно, день ото дня, я впитывал черты отца, становясь таким же жестким, требовательным, педантичным, сухим на эмоции. Черты отца, усвоенные мною, стали работать против него – я невольно начал подмечать все его промахи, замечать слабости. Я стал ждать ошибки отца, как он всегда

ждал мои. Я неумолимо трансформировался в отца, превращаясь в сухой, безжалостный «счетчик» его неудач, промахов, слабых проступков, неловких движений. Совместная с ним жизнь и особенно работа постепенно превращалась из связки «учитель отец – ученик сын» в жесткую связку двух «счетчиков» взаимных погрешностей. Один – изнашивался и старел, другой – мужал и креп. Точка равенства сил стремительно приближалась. С каждым днем я становился требовательнее и неуступчивее. Что посеешь, то и пожнешь. Нравилось ли мне это? Я не задумывался, я вырабатывал качества выживания. Первый ли это был раз, когда я отметил промах отца и сообщил ему о нем? Не знаю, но определенно первый, который я осознал. Я поставил непререкаемый авторитет отца над собой под сомнение. Бесспорно, лучше, легче и комфортнее, когда отец является авторитетом от начала и до конца жизни. Такое положение вещей снимает много болезненных вопросов личностного роста. Но чтобы оставаться лидером, авторитетом для сына, отец должен продолжать лично развиваться и сам. Подобные мысли в то время в моей голове если и родились, то пребывали в сыром зачаточном состоянии. Все, что я осознал в тот момент – я нашел брешь в «идеальности» отца и указал ему на нее.

Он так и замер с сигаретой в зубах. Довольное лицо отца вытянулось в удивленное. В глазах промелькнула растерянность. Крыть было нечем.

- Нда, точно... – выдавил из себя сконфужено отец и убрал сигарету в пачку.

Я всего лишь вернул долг. Требовательность на требовательность. Если требуешь соблюдения чего-то от другого, будь добр следовать этому правилу сам.

- Не, не долго! – продолжал сосед. – Я уже со следующей весны стал нанимать всякие «газели», «форды транзиты», ну, такие небольшие машины на тонну-полторы, а еще через год купил уже своего «бычка». Это девяносто седьмой год был, по-моему, как раз за год до дефолта! Помните же, дефолт был!?

На дефолте он и заработал хорошие деньги. Курс доллара начал расти, а цены на мотоциклетные запчасти на заводе оставались прежние, рублевые.

- И я понимаю, что это недолго так будет, что вот-вот и подорожает! А у меня денег было всего сто тысяч. Я, короче, беру все деньги, какие есть, прыгаю в своего «бычка» и еду в Ижевск на завод, покупаю там на все деньги запчастей, восемь тонн получилось! Как везти!? «Бычок» берет три с половиной тонны по паспорту, ну пять можно загрузить, мосты выдержат. А деваться некуда! Я, короче, грузу «бычка» битком восемью тоннами и еду назад! – распалился сосед в азарте рассказа.

- И чего!? – открыл я рот от удивления. – Доехал нормально?

- Какой там! – засмеялся парень с довольным видом. – Аж все болты на ступицах посрезало по дороге! Вес вон какой! По дороге пришлось купить и заменить две ступицы, но мосты выдержали, доехал! А через месяц на заводе цены повысили в пять раз! Так у меня как начали товар мести, все ж про запас начали брать, а вдруг еще подорожает! Короче, я продал весь товар за полгода, и у меня оказалось на руках полмиллиона рублей! И вот с них я себе квартиру купил в Приречном, знаете, где Приречный!?

- Это как на запад ехать, на выезде из города, - вставил отец.

- Круто, блин! – искренне восхитился я отчаянностью поступка. – Да! Не, я понятия не имею, где этот Приречный!

Отец пустился в нудные географические уточнения. Я их не слышал, думал о смелом и отчаянном поступке соседа – поездке полной приключений, длинной в три

тысячи километров в обе стороны, с товаром, купленным на все деньги, на перегруженном в два с половиной раза грузовике. Я был впечатлен.

Минут через десять разговор затух сам собой. Рассказывать было больше нечего. Я остыл и начал мерзнуть. Рабочий день закончился, пора было ехать домой.

Через пару дней после выгрузки нам сообщили неприятную новость – несколько складов руководство базы выставило на продажу и наш в том числе. Как ни крути, надо было искать новый склад. Размеренные рабочие планы разбавили беспокойные мысли о будущем. Вопрос с арендой склада не выглядел простым, арендные ставки в городе росли, нам снова предстояло извернуться и найти дешевый склад. Вдобавок у меня обострился гастрит – весь март желудок неприятно ныл, протестуя против уличной еды, которой я питался где попало и как попало. В ответ я заливал его обезболивающим сиропом.

Сезон синьки начался, но увеличение продаж случилось не таким сильным, как в прошлом году – все портила погода. Месяц оказался отвратительно серым промозглым и унылым, без единого ясного дня. Настоящей весны и тепла хотелось невыносимо. Зима достала. Сосед, зная о предстоящей продаже склада, съехал в последних числах марта. Сразу стало как-то пусто, скучно и неуютно.

Апрель начался все той же снежно-водяной кашей под ногами и колесами. В среду второго числа знакомый из администрации базы представил нас двум своим «друзьям», так он называл всех, с кем виделся хотя бы раз в жизни и даже мельком.

На встрече выяснилось, что владеют те консервным заводом в поселке Приречный; что складов на заводе свободных много и разных; что есть на территории завода офисное двухэтажное здание со свободными помещениями; и есть своя котельная.

На следующий день полдесятого утра мы уже тряслись в «газели» по здоровенным ямам окружной дороги в сторону Приречного. На Т-образном перекрестке после кольца свернули вправо на мост и выехали из города на запад. Примерно через километр и пару поворотов мы въехали в поселок, рассекли его по главной дороге напополам, свернули за церковью налево и покатали по дороге под уклон сквозь частный сектор. Через пятьсот метров асфальт дороги пришлось оставить и съехать на примыкавшую дорогу из гравия. Который кончился, не успев начаться. Следующие тридцать метров до железнодорожного переезда мы ползли еле-еле. Машину болтало по сторонам словно на родео. У переезда из земли торчал унылый желтый домик. За ним высился штабель старых промасленных и грязных шпал. У порога домика шныряла облезлая грязно-белая шавка.

Едва мы приблизились, как колокола переезда истошно забили, семафоры замигали красным светом, шлагбаумы опустились, собака заголосила. Из домика устало вышла женщина в желтой жилетке и подняла вверх скрученный желтый флажок. Пока колокола истерили, шавка тьякала. Но как только их трель прервалась, собака заткнулась, обежала домик сбоку и помочилась на какую-то корягу. Тетка держала флажок, пялилась на нас и переминалась с ноги на ногу. Мы стояли, двигатель работал.

- Это, похоже, надолго, - сказал я, крутя головой. – Где этот дурацкий паровоз!?

Отец заглушил мотор, приоткрыл окно и закурил. На улице было тепло и влажно. Я глянул вверх, низкие толстые от влаги облака висели сплошным одеялом. Очень хотелось солнца, хотя бы одного лучика на пять минут. Я распахнул дверь, свесив ноги наружу, сел вбок и закурил. «Будка какая-то», - подумал я, глядя на домик. Женщина, словно прочитав мои мысли, отвернулась. Слева, со стороны города, раздался гудок. Маневровый тепловоз

лениво прополз по переезду и укатил прочь, свистнув два раза. Женщина ушла в домик, шлагбаумы поднялись. После переезда дорога оказалась точно такой же и уходила влево вдоль путей. Еще сто метров родео и справа показались железные ворота консервного завода. Они висели между одноэтажной бледно-рыжей проходной справа и двухэтажным административным зданием слева. Здание выглядело облезло – двери центрального входа с улицы были заколочены, краска, что на них, что на бетонном козырьке сверху, выцвела и облупилась. Кирпичные стены здания, не крашенные изначально, от времени и весенней влаги приобрели цвет грязный в коричнево-зеленых разводах.

- Похоже, сюда, - сказал я безрадостно.

- Ну да, - шумно вздохнул отец, и мы въехали на территорию.

Из проходной тут же выскочила тетка и замахала руками. Мы остановились.

Хозяева завода ждали нас в кабинете на втором этаже здания. Оставив «газель» в сторонке, мы направились туда. Я потянул за ручку входной двери, пригнулся в низком проеме, вошел первым. В нос пахнуло чуть уловимым теплом и сыростью заброшенного здания. Справа на стене висела толстая труба-батарея. Я потрогал ее – чуть теплая. Три ступеньки, и мы на площадке первого этажа, влево и вправо от нее шли крылья здания. Мы поднялись на второй этаж и пошли в левое крыло. В здании стояла гробовая тишина. Под ногами захрустел песок, звук разнесся по крылу моментально, и в дверном проеме дальней комнаты показалась грузная фигура одного из владельцев завода.

Через несколько минут, вчетвером, мы вышли на улицу и зашагали по раскисшей снежной каше. «Развалины какие-то, а не завод», - подумал я, осматриваясь. Основных строений было шесть – административное здание, котельная, два производственных цеха и два складских здания. Прямоугольник территории завода очерчивал кирпичный забор. Между зданиями под слоем песка и земли кое-где проглядывались остатки асфальта. Оба цеха и одно из складских зданий стояли параллельно друг другу. От административного здания их отделял прямоугольный пяточок асфальта шириной метров в двадцать, справа на котором торчала из земли трансформаторная будка, а слева за ним высилась котельная – кирпичное красно-бурое здание с трубой. Все четверо направились вниз под уклон по дороге меж двумя цехами. Их окончание отчеркнула поперечная грунтовая дорога, за ней метрах в десяти параллельно тянулся поросший кустами забор. В нем, прямо напротив нас, зиял пролом шириной в метр. «Проходной двор», - уныло подумал я.

Слева в ста метрах виднелся склад, подле него почти совсем не было места. «Фуры не подъехать и не развернуться», - понял я и глянул вправо. Невидимое от проходной, здесь находилось шестое строение – одноэтажный склад, длиною метров в семьдесят, он тянулся вдоль забора в сторону поросшего травой угла заводского периметра. Сверху к складу параллельно двум цехам спускалось другое складское здание. Оно состояло из трех секций. Между складскими зданиями была большая ровная квадратная площадка. Я прикинул на глаз радиус разворота фуры – то, что надо, размер площадки давал двойной запас. Мы стояли посреди нее, я и отец осматривались по сторонам. Вроде как место было неплохим. Но с одним недостатком – к нижнему складу таявшая снежная каша стекала от проходной и скапливалась у стен. Верхние склады, что тянулись параллельно цехам талые воды не задевали, оставляя подступы к ним сухими. Эти склады были явно лучше нижних. Едва я заикнулся об аренде одной из секций, как услышал отказ со ссылкой на то, что эти помещения уже есть желающие. Наш выбор ужался до двух складов в нижнем здании.

«Сыро будет постоянно, внутри, наверное, тоже полно воды», - подумал я, глянул на отца, и согласился осмотреть нижние склады. Вся компания зашлепала по жиже вниз.

Одноэтажное здание из красного кирпича и шиферной крыши имело три секции. Левая и средняя были одинаковые, десять на десять метров площадью. Дальняя правая забирала всю остальную площадь. Стометровые секции представляли жалкое зрелище – земляной пол, протекающая крыша, стены в трещинах и кривые, не прилегающие плотно ворота. В левой пол оказался ровнее, но склад был затоплен по щиколотку. В средней неудобный земляной бугор перед входом оказался спасителем – он преградил путь воде, образовав перед воротами лужу, пол секции оставался сухим. «Телегу с поддонами тут не покатаешь, все придется таскать на руках... Два сарая, а не склады, один хуже другого, вот и выбирай», - начал я злиться на то, что мы в принципе поехали в такое место. Захотелось уехать домой, я совсем продрог от промозглой погоды.

- Ну, что! – обратился я к отцу. – Мы подумаем денек другой и позвоним, да? Отец затыкнулся сигаретой и сдержанно кивнул.

Мы согласились на следующий день. За аренду склада просили в два раза меньше средней цены в городе, дешевле и хуже было уже некуда. Товар перевозили постепенно – в день по одной полной «газели», управились за неделю. Жизнь дописала очередную свою страницу, перевернула ее одним махом вместе с погодой. Еще в понедельник и вторник я хлюпал обувью по луже у склада, рядом с которой лежали грязные кучи набухшего водой снега, в ночь на среду тяжелые облака исчезли, явив с утра нежно-голубое небо. Солнце припекло с такой силой, что в два дня растопило весь снег и высушило землю. В субботу, закончив переезд, навесили на ворота нового склада замок и поехали домой. После ужина я сидел на балконе, жмурился в лучах заходящего солнца и курил. Настроение было под стать погоде. Все было хорошо. Суббота. Вечер. Меня ждало «Чистое небо».

Под самые майские праздники мы получили факс, в котором «Люксхим» извещал, что снимает с производства две товарные позиции. Новость была не из радостных.

К маю 2003 года ситуация в бизнесе начала меняться. Рынок обозначил признаки уплотнения. И проявились они в потере прибыли на бартерном товаре. Если раньше на нем, хоть немного, но удавалось зарабатывать, то теперь стало сложнее. Самый ходовой товар, полученный в бартер, сбывался уже в ноль, либо в небольшой минус. Из каждой операции мы старались выжать максимум. Пока отец крутил руль, я трясся рядом и гонял в голове мысли о возможных комбинациях обмена и продажи товаров. Самые большие потери на обратном товаре мы несли в «Меркурии». Сеня жал цены сильно. Но мириться с таким положением дел было нужно. Во-первых, другого выхода не было. Во-вторых, Сеня исправно и стабильно качал через свою базу хорошие объемы. В «Пересвете» в бытовой химии продолжала царить анархия – рай для всех мелких поставщиков. Все они работали примитивно – привозили низколиквидный товар и сдавали на реализацию в оптовые базы города с большой наценкой. Как следствие – склады оптовых баз в несколько лет забились под завязку товарным шлаком, который лишь мешал обороту. Решение не замедлило себя ждать – крупные оптовые базы бытовой химии перестали брать товар на реализацию, выставив поставщикам условие бартера. То самое, на которое мы загодя перешли сами. Часть поставщиков отвалились, прочие вынужденно перешли на бартер. Нагрузка на базы подобные «Меркурию» и «Пересвету» резко выросла – поставщикам надо было «сливать»

бартерный товар. Началось давка по ценам. Оптовые базы бытовой химии пошли дальше – сократили и перечень товаров. Мелким поставщикам ничего не осталось, как грызться меж собой за товары из этого списка. И тут моральные принципы многих дали трещину. Мне категорически не хотелось у кого-то что-то отбирать, перебежать людям дорогу. Я понимал, что все поставщики такие же трудяги, как и мы, пытающиеся заработать «свою копейку» на жизнь. Не хотелось оставлять за спиной обозленных людей. Оставалось два варианта развития. Первый – полуфантастический – найти нового производителя товаров из перечня оптовых баз. Он должен был находиться как можно ближе к нашему городу, чтобы логистика не убила прибыль, товар должен был быть недорогим и качественным, производитель должен был работать только с нами. Такой набор условий был сродни чуду – это я понимал. Второй – реальный и муторный – открытие своих розничных точек. Мне он не очень нравился, но, в случае успеха, он становился максимально надежным. Риски лежали в выборе места торговой точки – можно было не угадать и понести убытки.

Во время майских праздников, покуривая под теплыми лучами солнца на балконе, мы с отцом завели разговоры на тему развития бизнеса. Отец слушал мою болтовню, был не против реализации любого из направлений или двух сразу, но энтузиазма не проявил – разговоры остались разговорами. Мне же хотелось действий! Я снова засел за журналы по оптовой торговле. Работая лишь с «Люксихимом», мы сильно рисковали – могли потерять весь бизнес разом. Нам нужен был еще хотя бы один производитель.

И снова все решил Случай.

В один из праздничных дней я оказался на соседней улице среди рядов торговых киосков и павильонов. Продуктовые ряды дополнялись с краю двумя линиями киосков хозяйственных товаров. Крайняя из них состояла из шести контейнеров. Я присмотрелся к ним. Внутри контейнеры делились на два киоска. Если киосками владел один хозяин, то перегородка меж ними отсутствовала, получался единый киоск-контейнер. Первые два такими и оказались – едиными и застекленными. В них торговали посудой и обувью. Третий и четвертый контейнеры имели отдельные киоски, да к тому же еще и открытые. Первый киоск торговал бытовой химией, второй – аудиокассетами. Киоски четвертого торговали бытовой химией. Пятый застекленный киоск-контейнер – бытовая химия, шестой – всякая домашняя утварь. Крышей контейнерам служил тент, натянутый на единый железный каркас. Соседняя линия выглядела солиднее – сплошь большие киоски, они стояли уже на цементном основании. Только один из них торговал бытовой химией.

Я не заметил бы всех особенностей, если бы не объявление. Белый лист висел на сдвижных ставнях третьего контейнера с напечатанным единственным словом: «Продаю». Я медленно прошел мимо, через пару минут вернулся, пообщался с продавщицей киоска, узнал, что хозяйка каждый день приходит к шести снимать выручку, и зашагал домой.

Отец полулежал на жарком от солнца подоконнике балкона, курил и наблюдал за жизнью двора. Влетев на балкон, я затараторил, рассказал о киоске.

- М! Интересное место, я понял, о каких киосках ты говоришь, - заинтересовался отец, затаился, затушил сигарету и развернулся ко мне. – Место проходное.

- Да, там оживленно очень! – идея покупки киоска будоражила мой мозг. – Я был там всего пять минут, и покупатели подходят и подходят. И, прикинь, это ж обычная чисто розничная точка, там цены неслабые. Мы, если купим, то сможем и цены понижее сделать. Просто, нам нужно наш объем товара прокручивать максимально эффективно. Если будем так и дальше гонять все через бартер, то скидки сожрут всю нашу прибыль!

- Да понял я! Что ты вот опять наседаешь с очередной идеей!? – возмутился отец.
- Думаю, надо сходить и поговорить с хозяйкой сегодня вечером! – фонтанировал эмоциями я, безапелляционно требуя действий.
- Ну, сказал же, сходим! Угомонись! Сядь вот! – указал отец на край диванчика.
- Да ну тебя! – отмахнулся я и вылетел с балкона на кухню. Поставил чайник. Через минуту в коридоре послышались шаги отца.
- Чего ты убежал-то!? – вытаращился удивленно тот на меня.
- Да ничего.
- Ну, что – ничего!? – примирительно добавил отец. – Такие вопросы просто так не решаются, увидел – прибежал, побежал – купил! Я же сказал – сходим! Вечером сходим.
- Сходим, сходим, - начал остывать я.

Киоск мы купили через несколько дней. Обошелся он нам в тридцать тысяч и достался с продавщицей – Надеждой Петровной – тщедушной, но крепкой и шустрой старушкой с врожденной интеллигентностью и живым ясным умом. Второй свой киоск – половину в соседнем четвертом контейнере, хозяйка решила пока не продавать. Из него, облокотившись на витрину и высунув лохматую голову, за нами с интересом наблюдала другая продавщица.

Покупка вызвала во мне сильный эмоциональный подъем. Ощущение свершения чего-то значительного и важного в нашем деле вновь всколыхнулось во мне. Наше шаткое положение обрело, наконец, первую точку опоры.

Внутри киоск выглядел жалко – квадратное пространство два на два метра было вертикально разделено деревянной стойкой-витриной. За ней как за ширмой находились полки под товарный запас киоска. Половину пространства передней части киоска забирал горизонтальный стеклянный прилавок в пояс высотой. В промежутке между прилавком и стойкой стоял стул. Если продавщица не сидела на нем, а стояла рядом, то свободное пространство в киоске на этом заканчивалось.

С продавщицей нам повезло. Она в два дня привела киоск в нормальный торговый режим, и уже с третьего он стал приносить прибыль. Ритм работы и жизни стал жестче – товар в киоск надо было подвозить через день, чтобы поддерживать ассортимент, иначе выручка сразу падала вдвое. Под конец первой недели нашлась и вторая продавщица – полная с одышкой глуповатая и визгливая тетка в очках. Она постоянно щурилась, эмоционально размахивала при общении руками, сверкала парой железных коронок на верхних зубах и мелко брызгалась слюной.

Все свободное время следующей недели мы занимались благоустройством склада. Первый же майский дождь залил его, напомнив нам с отцом о дырах в крыше. Переложив шифер на крыше, мы устранили течи. Местный электрик восстановил проводку, и вместо одной лампочки в складе заработали все четыре. Из-за киоска товар на складе разросся по ассортименту, лежал хаотично на поддонах, и их перестало хватать. В три дня из того, что удалось по-быстрому добыть на территории завода, мы напилили и сколотили два ряда стеллажей. Один поставили у левой стены, другой вдоль задней. На обоих сделали по три уровня полок. Едва товар для киоска оказался на полках, как склад сразу стал уютным и практичным на вид.

ГЛАВА 9

- Блять, я все-таки развожусь, Рамзес! – Вовка начал грубо тереть рукой глаз и яростно мотать распахнутой дверью нашей «газели».

- Вов, блять, оторвешь дверь нахуй! Хорош! – выкрикнул я, отца не было рядом.

- Приварим, блять! Будет как новая! У нас тут свои сварщики в «Пеликане» есть, целыми днями че-то варят тут, двери, стеллажи, хуйню всякую! – Вовка подугомонился, но не успокоился, продолжал внутренне кипеть.

- Блин, че ты разводишься-то!?! – я вылез из «газели» размяться, сидеть надоело, через стекло солнце пекло нестерпимо. – У тебя такая жена кайфовая! Мне понравилась!

- Да, блять, Рамзес, сложно там все! – Вовка затер глаз до красноты и взъерошил волосы на голове до состояния торчащей во все стороны соломы. – Хуй его знает! С тестем у нас заебись отношения, а вот с тещей... Ну, она этой дуре и ссыт в уши!

Я глянул на свои ноги в кожаных сандалиях. «Совсем грязные, по щиколотку все в пыли, пойти, помыть, что ли?» - подумал я, бросил взгляд на кран в стене в пяти метрах напротив. Наша «газель» привычно стояла у склада бытовой химии. Был конец рабочего дня. Покупатели разъехались. Лишь уставшие и потные грузчики слонялись по базе.

- Похуй, разведусь! – Вовка рубанул рукой воздух, лицо его застыло озадаченно с нахмуренными бровями и при этом упрямо поднятыми домиком вверх.

- Ну, а че, совсем прям невамоготу, не любите друг друга? – направился я к крану, бросил через плечо на ходу.

- Да, у нас вроде нормально все! Блять, да теща там все мутит! Постоянно меня пилит, вот, живешь у нас, своей квартиры нет, зачем ушел из армии, сейчас бы уже служебная квартира была, а потом бы и свою дали! Ей было бы заебись, если б мы с женой и дальше жили, блять, в Чите и только приезжали в отпуск, мамочка, мамулечка, ути-пути! – Вовка, кривляясь, изобразил томные фальшивые родственные поцелуи зятя с тещей. – А так, хуле там, живу, типа, у нее, на ее харчах, объедаю ее! Да ну ее нахуй!

За время эмоционального спича я вымыл ноги и пошлепал обратно к машине.

- Ладно, Вов, все, что не делается – все к лучшему! – попытался я хоть как-то его подбодрить. – Жаль, конечно, раз с тестем отношения нормальные, да и с женой тоже.

- Да как нормальные! – Вовка вспыхнул снова. – Лежим, спим на одном диване уже два года вот так и не трахаемся!

Вовка, вытянувшись в струнку, изобразил двух людей лежащих близко-близко друг к другу, словно на одноместной кровати.

- Как это не трахаетесь!?! – я аж забыл куда шел. – Все два года что ли!?

- Ну да, блять! Дваааа года!! Двааа! – Вовка растопырил V-образно пальцы на руке и сунул мне под самый нос.

- Хуясе! Жесть! – сформулировал я свое удивление и обернулся на шум шагов.

Со стороны офиса шел отец.

- Ну, чего, взял остатки? – сказал я.

Тот махнул рукой с бумажкой. Я кивнул. Отец прошел к «газели», выудил из-под руля сигареты, закурил. У меня заныл желудок. С утра ничего не ел, так, два стакана чая из киосков общепита и плитка шоколада. Я поморщился и полез в кабину на свое место. Заметил давно, когда сидел, желудок сдавливался и переставал болеть. Я так и устроился,

выбирая удобную сидячую позу. Свесил ноги наружу, обернулся назад. Отец отошел от кабины, курил, изучал бумажку.

- Ну, че там у тебя еще интересного? – сказал я негромко Вовке.

Тот снова начал дергать дверь, но несильно. Перестал.

- Да, Петрович, пидор, заебал... - раздалось мрачно в ответ.

- Да что это тебя все заебали? – я беззвучно рассмеялся.

- Сука, вот он поступает как мудака... - Вовка нервно затоптался на месте. – Блять!

Я молчал. Еще раз оглянулся. Отец был на расстоянии и не мог слышать нас.

- Я вот когда своё получаю с поставщиков или еще откуда, всегда с Петровичем делюсь. И он тоже со мной делится всегда. Делился. Ясно, ему больше, он же директор. А это утаил! Бабки получил с одного такого же жулика, как и вы... – ощерился довольно Вовка, выпятил нижнюю челюсть и засмеялся ехидно. – А мне хуй сказал, а я узнаал!

Вовка тягостно вздохнул, мотнул головой, словно сбрасывая наваждение, и замолк.

- Ну, как-то не очень хорошо он поступил, все-таки вместе работаете, - слепил я пресную фразу в попытке поддержать его.

Вовка молчал, стоял, уперев руки в боки, и зло вращал глазами.

- В пизду! – вновь рубанул рукой он по воздуху. – Сдам этого пидора к хуям Папе! Тот его выгонит нахуй! А меня на его место! Стану директором, Рамзес!

Вовка резко схватил меня за запястье своей грубой клешней, сжал и эмоционально затряс руку. Вцепился второй рукой и затряс сильнее.

- Рамзеес!! Директором станууу!! – завыл протяжно он, маленькие и цепкие глазки радостно сверлили мои зрачки.

- Да я-то тут причем!? – улыбнулся я и стал отдирать пальцы Вовки от себя. – Руку-то отдай, оторвешь же!

Тот отцепился, отошел, вроде угомонился.

- Заебись! – ответил Вовка своим мыслям и жадно потер руки. – Так и сделаю!

Я обернулся. Отец уже не курил, просто стоял и явно ждал меня.

- Ну, чего? – кивнул я ему.

- Поедем? – предложил отец.

Я кивнул и глянул на Вовку. Тот намек понял.

- Ладно, езжайте, жулики! – добродушно отмахнулся Вовка, скалясь и хихикая. – Денег, небось, заработали за неделю! Да заработали, заработали! Смотрел я ваши продажи утром! Хм, не ожидал, хорошо продается все это ваше говно.

Я протянул Вовке руку, тот пожал ее, затем пожал отцу.

- Давай, пока, - кивнул я, Вовка развернулся и потопал к офисному зданию мимо крана, истекающего тонкой струйкой воды на знойный асфальт.

«Газель» взревела, обогнала идущего Вовку. Я привычно глянул в боковое зеркало, Вовка махнул мне рукой. Выехав из базы, мы притормозили на Т-образном перекрестке.

- А Вовка-то пасёт наши продажи, - сказал я.

- Все он там смотрит. Должен смотреть, - произнес отец и повернул вправо.

«Чистое небо» продолжало затягивать. Я не сразу сообразил, что способствовал этому изменившийся режим работы – она стала монотонной: утром на склад, погрузка, сначала в кузов товар для оптовых клиентов, позади для киоска; выгрузка товара в киоск, остальное в опт и после домой. За весь день где-то как-то два-три быстрых перекуса.

Зачастую я обходился стаканом чая с шоколадкой. Позже прихватывало желудок. Отец, каждый раз наблюдая мое скривившееся лицо, либо недовольно отворачивался, либо выговаривал за столь пренебрежительное отношение к своему здоровью. Я все понимал, но нравучений хватало на пару дней, и я снова принимался лопать шоколад плитками. Боли сразу возвращались и усиливались. Я уже мог похвастаться многими практическими знаниями желудочных болей – выкуренная сигарета их притупляла, бутылка пива жарким летним днем боли возвращала. Я стал возить с собой обезболивающий сироп и принимать на ходу. Он притуплял боль, но появлялось чувство рвоты, ощущения непроходимости и тяжести в желудке. Через два-три дня боли отступали, я забрасывал прием тошнотворного лекарства, и они возвращались. Я понимал, что веду себя глупо, но упорствовал в своем идиотизме. Мать упорствовала в своем – ее ссоры с отцом стали нормой и усилились до ожесточения. Через раз доставалось и мне.

- Ма, а что у нас есть поесть? – сказал я с порога квартиры вечером, рабочий день закончился, в желудке сосало и ныло, думалось только о еде.

- В холодильнике посмотри! Не маленький уже! – рявкнула мать, проходя из кухни по коридору мимо меня и отца.

«Не в духе», - понял я, разулся и пошел мыть руки. Что меня напрягало в работе, так это одежда. Поскольку приходилось делать все – и общаться с управленцами и носить товар, то одеться адекватно было сложно. Одеться под работы, значило выглядеть весь день как грузчик. Совсем непрезентабельно. Одеться в расчете на общение с «белыми воротничками», означало угробить нормальную одежду на первой же погрузке товара. Переодеваться посреди дня? В машине? Утопия. Мы старались лавировать, разделяли рабочие дни и дни встреч. Получалось неважно, почти всегда дни выходили смешанными. Приходилось одеваться как-то средне. Если зимой выручал снег, то в остальное время одежда пачкалась быстро. Мать ворчала о «нескончаемой стирке». Если скандал доходил до криков, и мать в запале отказывалась стирать, я или отец, говорили ей, что стирать будем сами. Заявление всегда имело обратный эффект – мать умолкала и принималась закидывать наши вещи в барабан стиральной машины. До следующего скандала.

Я открыл холодильник. Котлеты и макароны. Две кастрюли. Я потянул их наружу.

- Дай сюда! – мать грубо отпихнула меня и выхватила кастрюли из рук.

Я пожал плечами и пошел в душ, на ходу снимая с себя пыльную майку. Когда я вернулся, отец ужинал. Матери на кухне не было. Моя порция стояла на столе. Все как обычно – наскоро вываленные в тарелку слипшиеся еще в кастрюле вчерашние макароны и две котлеты сверху. Вид еды не вызывал желание.

- Че смотришь!? Ешь! – раздался позади раздраженный голос матери.

Мне не хотелось говорить ей поперек. Хотелось просто куда-нибудь уйти. Я знал куда. Пятничный вечер был моим спасением. Я налил чаю. Мать покрутилась на кухне и, не получив ответа, вышла. Затолкав в себя ужин, я натянул джинсы и уже через час был в центре. Проболтавшись пару часов там, после захода солнца я спустился в клуб. Народу внутри было уже достаточно. Я протиснулся к малой стойке. Толчая кругом, очередь за спиртным. Получив двойную «отвертку», я с полчаса протрепался с парочкой знакомых девушек. Народ все прибывал. Музыка грохотала. Я дрыгал коленками в такт. Хотелось выпить как следует. Я закурил. Сигареты помогали алкоголю. Коктейль растворился во мне, зародил эйфорию, и я направился в бар.

- То же самое!? – вопросительно глянул на меня бармен.

Я кивнул и оперся о стойку. Сзади пихались подвыпившие девушки. Через минуту с коктейлем в руке и оказался в потоке тел, понесшем меня в темноту танцпола. Там я сел на свободный стул и налег на коктейль. Я почти его прикончил, когда на танцпол вошла Аня. Я заволновался и тут же закурил. Аня была шикарна. Природа моего интереса к ней была чиста в своей первозданности как слеза – сильное физическое влечение. Знали мы друг друга зрительно и пересекались лишь в клубе. Я помнил, когда она пришла в клуб в тонком темно-синем свитере и черных джинсах. Свитер убийственно для мужского глаза обтягивал достоинства фигуры девушки. Копна мелко вьющихся рыжевато-русых волос длинными упругими густыми пружинками спадала чуть ниже ее плеч. Аня, ростом около метра семидесяти, была склонна к полноте, но ее фигура находилась в той форме, когда едва уловимая полнота делала девушку максимально манящей. Обтягивающий свитер демонстрировал во всей красе самый сильный ее козырь – грудь. Налитая высокая упругая грудь четвертого размера. Она выглядела пышущим гимном жизни и удовольствия. При каждом общении с девушкой мне стоило неимоверных усилий смотреть ей лишь в глаза. Мой взгляд упорно стремился вниз. Я был готов смотреть на ее грудь вечно. И не только смотреть. Я хотел эту девушку. Она была словно создана для удовольствия. При виде Ани мой мозг разбивал паралич, и в нем оставалась пульсировать единственная непоколебимая мысль физического желания. Полные чувственные губы, широкая открытая улыбка, обнажавшая ровные и безупречные зубы, добивали мои жалкие попытки сопротивляться первородному зову плоти. Ее лицо было красиво. От уголков зеленых глаз при улыбке над скулами мимолетно разбегались тонкие морщинки, на чуть пухлых щеках появлялись милейшие ямочки, кончик языка игриво показывался меж рядами зубов. В такие моменты, загипнотизированный им, я медленно умирал. Аня это видела, знала и чувствовала. Она игриво посматривала на окружавших парней и, забавы ради, повторяла беспроегрышную мимическую комбинацию с ямочками и языком. Разговаривая, она едва уловимо столь мило шепелявила, что я переставал воспринимать женскую речь без такого дефекта. Аня являла собой удивительную смесь невинного взгляда ребенка, неумелого кокетства юной девушки и сексуальной привлекательности физически зрелой женщины. Ощущая флюиды мужского интереса, она упивалась своей игрой. Парней либо трясло рядом с Аней, либо охватывал столбняк. Меня начало трясти.

Но, будто подчиняясь могучему закону Вселенной, стремившему все к равновесию, Аня оказалась бестолкова. Не глупа, а именно бестолкова. Пока Аня молчала и улыбалась, обласканная вниманием парней, все было прекрасно. Но стоило ей открыть рот, как шарм физической красоты улетучивался. Для меня – так точно. В эти моменты я завидовал тем, кто воспринимал девушек лишь с плотской стороны. Мне же упорно хотелось видеть в них нечто большее, чем просто обещание физического удовольствия. «Вот дуреха!» - подумал я, в первый раз услышав ее бессвязное кокетливое щебетание. В тот момент я так расстроился, что почему-то сразу перестал иметь на Аню всякие планы. Раз и навсегда она перешла в категорию красивых, но бесполезных дурочек. Но я продолжал ее хотеть. Невыносимое раздвоение – физиологически Аня манила, интеллектуально претила. Алкоголь! Он спасал и подсказывал выход. Водка с соком разжижала мой внутренний конфликт, и каждый раз, встречая в «Чистом небе» Аню и будучи в серьезном подпитии, я забывал обо всем и продолжал счастливо пялиться на ее грудь. И в этот раз все шло по обычному сценарию – я был пьян, Аня прекрасна. Мы поздоровались – она со мной, я с ее

грудью. Аня кокетливо улыбнулась, игриво провела кончиком языка по граням верхних зубов, я же, туповато оскалившись, открыто уставился куда хотел. Я нервничал, срочно нужно было выпить. Очень быстро внутрь меня попала еще парочка двойных «отверток». Алкоголь сыграл свою злую шутку, и случилось чудо – провал в памяти. Мое сознание прояснилось от алкогольного дурмана около часа ночи в самый интересный момент – я стоял на улице в нескольких шагах от входа в клуб и... целовался с Аней! Взасос! Жадно! Аня отвечала взаимностью. Я протрезвел почти сразу. Никогда прежде я не испытывал таких наслаждений от поцелуя. Окружающий мир перестал существовать, я закрыл глаза и провалился в ощущения.

Одни хорошо целуются, другие – плохо. Кто-то рад бы хорошо целоваться, да не может. Поцелуй тонких губ не радует, даже умелый. Такие губы жестки, удовольствия от них никакого. Средние и полные женские губы – обещание хорошего поцелуя. Но, не все умеют. Умение поцелуя идет от врожденной чувственности.

Аня умела. Ее чувственность через поцелуй проникла в меня и закружила голову. Большие мягкие пухлые вкусные губы, я будто насыщался из бездонного источника. И чем больше пил, тем большая жажда меня одолевала. Я впился своими губами в ее, все мои органы чувств слились в один – губы. В этот момент в моем мозгу вспыхнуло, и наши сознания объединились – я понимал ее мысли и чувствовал ее ощущения. Мы стали единым целым. Мы не целовались, мы жили поцелуем. Я вдруг осознал, что у нас для обоих идеальный поцелуй, и возможен он только между нами. Лучше не было и не будет. Какое бы движение я не совершал губами и языком, Аня мгновенно откликнулась на него так, как я желал, чтоб она ответила. С каждым движением ее губ и языка мне становилось приятнее. И это не было животное удовольствие плоти. Наслаждение взрывало мой мозг с каждым ее движением губ все сильнее. Я весь превратился в одно чувственное сознание. Каждая клетка моего тела наслаждалась Аней. Девушка умопомрачительно пахла. Мягкий запах свежести обволок мой рассудок и ввел в состоянии транса. Мои руки обняли Аню за талию, пальцы слегка погрузились в манящую мягкость ее тела. Чуть погодя мое желание повело руки выше. Я накрыл ладонью грудь Ани и чуть сжал ее. Грудь не помещалась в ладони, мягко и упруго поддаваясь моим ласкам. Я окончательно потерял счет времени.

Мы оторвались друг от друга лишь тогда, когда лично у меня уже распухли губы, их щипало невероятно. Я просто физически не мог больше целоваться. Плохо соображая, я вернулся с Аней в клуб. Спускаясь по ступенькам клуба вниз, пошатываясь и дебилно улыбаясь, я спросил у первого попавшегося парня время. Два часа ночи. Мы целовались целый час! Я был совершенно трезв, адреналин накрыл меня с избытком и убил алкоголь. Я был настолько опустошен физически и где-то в бесконечной высоте эмоционально, что тут же снова вышел на улицу и заплетающейся походкой побрел прочь. Ничего лучше со мной в тот вечер уже случиться не могло. Я плелся по улице нарочито медленно, все еще пребывая сознанием в поцелуе. Губы опухли и болели. Теплый летний ветер их мгновенно иссушил, и они покрылись легкой коркой. «Оно того стоило, - подумал я и улыбнулся. – А может, не такая уж она и дурочка?»

Я вышел из-за поворота и сразу увидел красные круги задних фар машины Эдика.

- Ну, че, как там в «Небе»? – спросил тот, едва я плюхнулся на соседнее сидение.

- Да зашибись!! – гаркнул я, не сдерживаясь в эмоциях. – Красивые девушки там с грудью четвертого размера и шикарными фигурами!

- Ооо...! – вытаращился на меня Эдик, и глаза его сразу замаслились.

- Есть сигарета!? – Произнес я, поковырявшись в своих карманах.

Эдик протянул пачку, я вытянул сигарету и закурил, мечтательно пустив струю дыма вверх мимо открытой настежь двери. Эдик принялся тянуть из меня детали похода в клуб. Интересовало его одно – снял ли я кого-то там или нет? Мое настроение не могла испортить даже такая скучная пошлятина, а похотливое поведение Эдика дополнительно забавляло, и я решил подыграть его мужскому эго. Выяснилось, что отношения к «бабам» у Эдика простое – должен быть результат, бабу надо трахнуть, а для любви у него есть девушка. Я все еще ощущал на губах вкус Ани. Потрогал их тыльной стороной ладони, губы горели и щипали. К тому же женщины сами с ним заигрывают, просят подвезти, а потом говорят, что денег расплатиться у них нет. И случается такое в неделю из пяти дней так в трех точно. Поддерживая разговор почти машинально, я назвал Эдика Казановой, и тот хвастливо заявил, что девушек у него было уже почти двести, и стал выпытывать эту цифру у меня. Мое сознание все еще плавало в невыносимо волшебном и долгом поцелуе. Контраст между моими эмоциями и суетливым восприятием женщин Эдика мне нравился. Я сказал, что женщин не считаю, и предпочитаю общение с девушками в отношениях, а если выходят случайные связи, то просто как факт. Ответ вызвал непонимание, и Эдик с удивлением во взгляде неловко умолк.

- Слушай, ну, а че, Иннка тебе совсем не понравилась? – сменил он тему.

- Да почему не понравилась... - слегка растерялся я, почти и забыл уже думать о той, а тут вопрос. – Понравилась, красивая девушка. Просто у нее же парень есть...

Я понимал, что если бы между мною и Инной вспыхнуло что-то сильное, то парень исчез бы сам собой, но не вспыхнуло, и я нашел спасение в ее несвободном статусе. Эдика это не смутило, он сказал, я девушке понравился, а с парнем они недавно разбежались, и Инна, выходит, сейчас свободна.

- Ааа, вон оно что! – протянул я, но сути такой факт не менял, Инна мне не очень-то и нравилась, хоть и была девушкой яркой и эффектной. Меня интуитивно напрягала ее внутренняя жесткость, расчетливость и почти холодный мужской аналитический ум. «С такой не расслабишься», - помнится, подумал я и добавил: Это – уже другое дело.

- Появилось желание увидеться!? – обрадовался Эдик.

- Что-то вроде того, - кивнул я, и Эдик предложил вчетвером поехать на речку – я, Инна, он и его девушка. И я зачем-то согласился.

Я нашел! Невероятно, но я нашел в оптовом журнале маленькое объявление в две строчки – производитель дешевого порошка из Липецка приглашал региональных дилеров к сотрудничеству. В объявлении значилась цена – самая низкая, какую я только встречал в подобных предложениях. И до Липецка было чуть более ста километров. Идеально!

У меня тут же начался коммерческий зуд, и я сунул объявление отцу под нос.

- О! – произнес он через минуту и принялся чесать под носом. – Это интересно!

- Звони! – сказал я.

Следующим днем 3 июля мы поехали в Липецк, купив полторы тонны стирального порошка, выгрузили их на складе и вернулись домой. Я наспех поужинал и сбежал на все выходные в «Чистое небо». Новый товар начали предлагать клиентам с понедельника. Из крупных фирм в бартер порошок согласился брать только «Оптторг». Эта фирма работала с полунцимами райпо и сельпо, которые из-за вечной нехватки денег соглашались на товар почти по любой цене. Мы накрутили на порошок максимально, и дело пошло бойко – раз

в две недели мы катались в Липецк, а уже к концу лета – раз в неделю. Мы приловчились сразу выгружать всю машину в «Опторге», успевали возвращаться часам к пяти вечера. Склады базы работали до восьми, а товар принимали до шести. Раз мы припозднились и подкатили к складу «Оптторга» ровно в шесть. Кладовщица, тучная крупная женщина за пятьдесят, обладательница тяжелого, но справедливого характера, поворчала на нас для порядка и гаркнула вглубь огромного склада-ангара: «Так, где грузчики!?» В ожидании выгрузки я принялся слоняться подле машины, погода стояла тихая и теплая. Рядом курил отец. Мы перекинулись с кладовщицей несколькими фразами, терпение ее кончилось, она снова заглянула внутрь склада и крикнула: «Так, давайте, шевелитесь уже там, поставщик стоит, порошок привез! Чего расселись!?» На звук выползли два чумазых грузчика, взяли из кузова «газели» по коробке и понесли их в склад. Скоро коробки с краю кончились, и я запрыгнул в кузов и принялся подавать товар из глубины.

- Пррррраститутки!!! – донесся снаружи со стороны кабины голос, и послышался приближающийся звук знакомых шагов. Зная, к чему все это, я тихо засмеялся. Из-за края тента сначала показался погасший бычок папиросы, за ним закрученный лихо вверх чуб с заломленной на самый затылок кепкой, в кузов ко мне нырнула рука. Я пожал ее.

- Здравов! – буркнул нарочито серьезно Алексей Семенович, озорно подмигнул мне, расплылся в морщинистой резиновой улыбке и сунул голову в склад: «Прррраститутки, а!»

- О! Ты-то чего приперся!? – атаковала его тут же навстречу кладовщица.

- Я по делам! – не дрогнул Алексей Семенович.

- Да какие у тебя дела-то тут, а!? – засмеялась тетка. – Знаем мы твои дела!

Алексей Семенович, довольный услышанным повернулся ко мне, подмигнул.

- Виишь, знают! – сказал он, из-за бычка во рту зажевав слово «видишь».

- Иди уже, давай! – тетка наигранно серьезно выпихнула гостя из склада наружу и вышла следом сама. Алексей Семенович взял кепку за козырек, снял ее, надел, опять снял, и так несколько раз, пока не загнал ее обратно на самую макушку. Подмигнул мне.

- Какие дела? – уставился он на товар в кузове. – Чет новое привез.

- Нормальные дела. Да вот, - кивнул я на ближнюю коробку.

- Порошок какой-то, - присмотрелся Алексей Семенович. – Ох, твою ж мать!

- Пусть продают! – шутливо насел я на его претензию.

- Да пусть! Я-то что! – поднял тот обе руки вверх, пожал подошедшему отцу руку, брякнув привычное «Здоров!», тут же переключился на кладовщицу:

- Мне, это, накладную надо забрать, переделывать там!

Алексей Семенович злобно указал пальцем себе за спину в сторону офиса базы.

- Да чего там переделывать-то!?! – выпучилась на него кладовщица.

- Ой, да неси, давай, не нервируй меня! – Алексей Семенович смачно плюнул бычком в тут же стоявшую урну, в знак весомости своих слов. Снова подмигнул мне.

- На кого это ты так, Алексей Семенович? – кивнул я в сторону офисного здания.

- Ой, да! – махнул зло туда же он. – Прррраститутки! Понабьют накладных, сами не знают что, потом переделывают!

- На! – выплыла кладовщица из дверей склада, сунула накладную в замотанную тряпкой руку Алексея Семеновича. – Иди, чтоб глаза мои тебя не видели!

- О! Это другое дело! – приподнял тот кепку. – Благодарю!

- Иди уже, - буркнула тетка, нацепила очки на нос, глянула в нашу накладную.

Прощаясь, Алексей Семенович махнул мне рукой, я ему; тот попрощался с отцом и, зажав в левой, перемотанной тряпкой руке накладную, скрылся в том же направлении, откуда явился. «Прррраститутки», - донеслось приглушенно чуть погодя с той стороны. Я, сидя на коробке порошка, снова прыснул в руку.

Алексей Семенович был персонажем крайне интересным. Первый раз я его увидел примерно с год назад. Чудаковатый, он вел себя вызывающе бойко, много шутил, острил, часто на грани приличия, особенно с работницами «Оптторга», а иногда и за гранью. Был Алексей Семенович невысок - под метр шестьдесят пять, сух и жилист, с по-старчески сморщенным лицом и крепкими трудовыми руками. Ходил он всегда в кепке, будто даже в одной и той же, из-под которой во все стороны выбивались такие же шальные, как его действия и характер, курчавые волосы. Штаны у Алексея Семеновича будто бы тоже были одни. Менялись по сезону только куртки. Зимой им носилась замызганная старая дырявая дубленка, осенью и весной легкая ветровка, а летом рубашки. Их у Алексея Семеновича было две. Плотная темная в клетку носилась в прохладные дни лета и в остальные сезоны под куртками. Легкая светлая носилась в самые жаркие дни лета с закатанными по локоть рукавами и широко расстегнутым на груди воротником. Папиросу Алексей Семенович вынимал изо рта, наверное, только когда спал, ел и разговаривал. В последнем случае не всегда. Матерился Алексей Семенович густо и колоритно и, как не странно, не противно. Даже тем, кого он материл. Кладовщиц Алексей Семенович склонял прилюдно, девушек-менеджеров из офиса за глаза. Но на личности не переходил, отделяясь безличными обобщениями. Кладовщицы краснели, теряли дар речи, от чего Алексея Семеновича несло сильнее. Эпатировал публику он с удовольствием, и все выкрутасы сходили с рук. Никто никогда не жаловался на Алексея Семеновича. Его не штрафовали, ему не выговаривали. О том, чтобы выгнать с работы, не шло и речи. Алексей Семенович был неприкасаем и производил впечатление юродивого при фирме. Почему ему все было дозволено? Может оттого, что работу свою он выполнял максимально хорошо и честно? Алексей Семенович был трудягой. Он не отлынивал, не искал легких путей. Все, что поручалось, выполнялось им точно и без промедления. А поручалась работа самая нудная и тяжелая из всех, оттого и желающих занять его место не было. Алексей Семенович был водителем-экспедитором. Машина, на которой он возил товар по клиентам, была ему под стать – старый чадящий и тархтящий «ГАЗ-53» с самодельной будкой, размалеванной рекламой фирмы с большой надписью по диагонали «Оптторг». Машина пребывала в предсмертном состоянии. Мне казалось, чтобы перемещаться на ней в пространстве, нужно было знать некий магический секрет – Алексей Семенович его знал. «Газон» заводился с трудом, бился в судорогах оборотов, фыркал, изрыгал из дырявой выхлопной трубы черные бензиновые клубы, а на переключение передач соглашался лишь после дикого скрежета шестеренок в коробке. «Пепелац», - окрестил я сразу про себя этот самодвижущийся кусок железа.

Катаясь на «газели» по городу, мы почти ежедневно встречали эту машину. Увидев нас, «пепелац» начинал сигналить, из окна высовывалась рука экспедитора и яростно нас приветствовала. Мы отвечали тем же. Алексей Семенович работал один и успевал везде. Товар он загружал сам. Грузчики на складах «Оптторга» лишь подносили коробки на край будки, дальше уже Анатолий Семенович укладывал их сам. Выгружал товар он тоже сам. И так каждый день. Четыре тонны, туда-сюда. Я удивлялся, откуда в этом сухом мужичке столько сил. Он успевал все – и работать, и шутить, и ругаться.

В субботу утром 19 июля я оказался в машине Эдика, вчетвером мы ехали за город купаться на озеро. Оставив машину в ближайшем поселке, по тропинке пошли к пляжу. Инна вся светилась, беспрестанно улыбалась и поглядывала в мою сторону. При дневном свете девушка Эдика оказалась еще страшней. И с мозгами тоже была беда, девушка не закрывала рта и смеялась невпопад. Я и Инна отмалчивались, Эдик же виновато краснел. Будто примериваясь, Инна то держала меня под руку, то пыталась поймать мой взгляд в цепкие силки своих черных глаз. Ее внутренняя сила меня пугала. Я глянул на Инну, она улыбнулась и сжала пальцами мой локоть. Я ответил вымученной улыбкой.

Найдя тихое местечко на берегу озера, расположившись и расстелив одеяла, мы принялись нежиться под лучами солнца. Девушка Эдика все вещала в режиме «радио». Я делал вид, что слушаю ее, Эдик тоже, Инна даже не пыталась. Належавшись вдоволь, я и Инна пошли купаться. Я зашел в воду по грудь и обернулся. Инна стояла по бедра в воде, верх купальника совершенно не мог сдержать ее форм, от которых я старательно отводил взгляд. Прищур черных глаз внимательно наблюдал за мной, и едва мой взгляд упал на грудь, Инна улыбнулась. Я смутился. Через несколько минут мы уже плыли вместе – руки Инны обвивали мою шею сзади, и я слышал ее дыхание. После мы вновь оказались друг напротив друга по пояс в воде, и я задал простой вопрос.

- Мы расстались с ним, - ответила Инна, ничуть не смутившись.

- И давно?

- Около месяца назад.

- И по чьей инициативе?

- По моей, - произнесла Инна и с вызовом глянула на меня. Мне было безразлично и потому я не смутился, а лишь улыбнулся. Инна сказала, что Сашка много пьет и вообще парень не надежный, а она хочет нормальных отношений, семью, детей... Диалог зашел в логический тупик, и я предложил вернуться на берег.

Остаток дня прошел в жарке и поедании шашлыков. Внимания Инны ко мне было неявным, но тотальным. Это вызывало смешанные чувства: мое мужское самолюбие было довольно и сладострастно облизывалось при виде форм девушки; мозг подавал сигналы о том, что никаких чувств к Инне я не испытываю и напоминал о ее твердом и решительном характере. Я застрял на таком распутье, устал думать и решил пустить все на самотек.

Август мне напомнил лишь об одном – с начала истории с собственным бизнесом ни я, ни отец, так ни разу не имели отдыха в общепринятом формате отпуска. Поначалу у нас были свободные дни, но это другое. Единичные дни отдыха не дают психологической разгрузки, это как сон урывками, сумма которых не замещает целое. Ментально мы были всегда в работе, круглосуточно. Меня это не заботило, я горел работой и все, что делал, я исполнял с желанием и удовольствием. Интенсивная работа незаметно украла очередной август, а с ним и целое лето. Торговые обороты росли. В офисе «Арбалета» прибыло. В напарники флегматичному менеджеру добавился Илья – такой же внешне неприметный, уже лысеющий русоволосый парень лет под тридцать. Вел он себя скромно, но постоянно бегающие глаза новенького меня смущали.

Инна продолжила наступление – на следующей неделе мне позвонил Эдик и предложил той же компанией посидеть в кафе в центре. Из любопытства я согласился, и в субботу вечером мы встретились у кинотеатра. Инна выглядела шикарно. Она применила

самое эффектное сочетание себя и одежды – смуглая кожа и совершенно белое короткое облегающее платье. Без рукавов с максимально большим и при этом все еще приличным вырезом на груди, платье обтягивало талию и плоский живот Инны, уходя вниз по дуге широких и налитых бедер и сходясь и заканчиваясь к их середине. Нижний край платья был оторочен волнистой лентой, придававшей платью некую воздушность. Сходство фигуры Инны с формами Софи Лорен в лучшие годы поражало. Инна смотрела на меня тем же внимательным прищуром и широко улыбалась. Смоляное каре с челкой обрамляло ее лицо. Мы пошли по полному гуляющих проспекту, и Инна уверенно взяла меня под руку. Девушка Эдика продолжала нести херню, слушал которую только он сам. Я иногда поддакивал, Инна же предусмотрительно шла с противоположной стороны. Через полчаса мы оказались в уютном кафе на открытом воздухе, и вместе со всеми я заказал себе пиво. Жара. Вышло автоматически. Я знал, что пиво вызовет боли в желудке почти сразу. Зачем заказал? Стадное чувство. Сам дурак. Я и Эдик закурили. Разговор зашел про алкоголь. В первой же фразе Инна заявила, что никакой алкоголь ее вообще не берет. Я удивился, но Эдик, наспех прожевав горсть соленого арахиса, горячо подтвердил слова Инны.

- Я могу пить шампанское, но просто не люблю его. Водку без проблем. А вино на меня вообще не действует. Мы как-то с одним знакомым пили на спор, выпили на двоих семь бутылок вина, так мне его тащить пришлось. Он вообще был никакой, а я трезвая, - пояснила та, продолжая обстреливать меня взглядами и одаривать улыбками все больше.

- Круто! – выдал я. – Можно пить на спор с кем хочешь!

- Так я так и делаю, - улыбаясь, ткнула меня игриво под столом ногой Инна.

- Зарабатываешь что ли этим? – засмеялся я. – Шучу.

- А никто не верит, иногда лезут пить на спор. Я не отказываюсь. Их всегда потом уносят, а я трезвая остаюсь. Может еще по пиву? – Инна покрутила в руке пустой бокал.

Эдик оживился и поддержал предложение. Едва согласился и я, как заныл желудок.

Мы вышли из кафе в одиннадцать. Проспект кишел людьми. Инна взяла меня под руку и расчетливо ускорила, создав отрыв от второй пары. Сзади прозвучала сальность от Эдика, но Инна ловко отшутилась. Она так уверенно и со знанием дела держали меня под руку, что я ощутил себя кроликом рядом с удавом. Между нами начался разговор. Я продолжал поглядывать в вырез платья Инны, та все замечала и одобрительно улыбалась. Смуглая высокая брюнетка в облегающем белом платье в жаркий летний субботний вечер на центральной улице города – она шла походкой от бедра, цокая шпильками по тротуару и держа со счастливым видом под руку парня, у которого внизу грудины запульсировала тупая боль. Я выругал себя мысленно последними словами за пиво и соленые орешки, при этом поддерживая беззаботный и непринужденный вид. С каждым шагом он давался мне все труднее. Я закурил. В желудке что-то застряло урчало и не уходило ниже. От ноющей боли меня прошиб пот. Я глянул на Инну. Та искрила обаянием. Я улыбнулся как можно естественнее, даже почти рассмеялся. И тут время замедлилось. Мне начало казаться, что мы не идем, а едва плетемся. Вечер стал бесконечно долгим. Дальше – как в тумане. Мы дошли до гостиницы, простились с Эдиком и его курицей, сели вдвоем в такси. «Хорошо, хоть живем в одном районе – подумал я, едва Инна назвала адрес. – Довезу, отпущу такси, домой пойду пешком». От желудка начало подкатывать к горлу волнами. Держа меня за руку, Инна прижималась бедром и что-то говорила. Боли в желудке все сильнее туманили мое сознание. Я отвечал односложно, сквозь мучительную улыбку. Наконец-то приехали.

Я выбрался из такси, из-под горла слегка откатило, а боль в желудке стала невыносимой. Будто кто-то проткнул желудок шилом и ворочал им там убийственно монотонно.

- Зайдешь, чаю попьешь? – раздался голос Инны.

«Попробую залить чаем, может, полегчает», - подумал я и согласился.

Пока лифт мерными стуками отсчитывал шесть этажей, Инна смотрела на меня как кошка на сметану. Зашли в квартиру. Инна ловко спровадила меня в зал, посреди которого стояла большая двуспальная кровать. Изжога разъедала желудок уже невыносимо.

- Инн, у тебя есть сода? – произнес я.

Та, не сразу поняв, о чем я, выскочила на кухню. Пытаясь хоть как-то расслабиться, я машинально лег на кровать. Под горло накатило с новой силой, спёрло дыхание, во рту собралась слюна. Меня снова прошиб пот, я ощутил легкую панику, закрыл глаза и стал дышать как можно ровнее. Изжога свирепствовала. Слюна заполняла рот, я сглатывал ее, но слюна тут же выделялась вновь. Надо было уходить, как можно скорее.

- Нет, соды нет, - вернулась Инна.

Я открыл глаза. Она стояла надо мной – смуглая высокая брюнетка в облегающем белом с большим вырезом и дышащими налитыми грудями. «Напрасно я завалился на эту кровать», - сообразил я, но поздно. Инна присела рядом и подалась вперед, нависла надо мною, взяв за руку. Меня дико мучило, давление изнутри нарастало. «О, только не это!» Инна наклонилась и поцеловала меня в губы. Я не отпрянул, но и не подался вперед. Меня снова прошиб пот. Желудок дернул спазм, давление изнутри подперло горло. Я сглотнул. Еще раз. Тошнота отступила из-под горла на какие-то миллиметры. Я был на грани.

- Слушай, Инн, мне что-то не хорошо, желудок схватило, ужасно себя чувствую, - сказал я, сев на кровати и стараясь не смотреть ей в глаза. – Я, наверное, пойду домой...

- Ну да, раз болит, то конечно иди. Не мучиться же тебе тут...

Прощание вышло скомканным. Я промычал извинения. Инна деликатно кивнула. Я с трудом напялил ботинки, проямлил «пока» и вышел на лестничную площадку, вызвал лифт. Внизу заскрежетало и поползло вверх. Я обернулся. Инна стояла в двери и смотрела на меня взглядом, который лучше не описывать. Я коряво улыбнулся. «Да едь ты быстрее, кусок говна!» Наконец двери отворились, я торопливо улыбнулся, кивнул Инне и скрылся от ее жгущего взгляда в лифте. Снова дернуло горло. Я еле сдержал позыв, задышал чаще. Наконец, первый этаж. Я вышел на улицу, вытер со лба пот и глянул на часы – второй час ночи. Темно, кругом никого. Я расслабился, боль притихла и тяжесть отступила. Я пошел домой. Один двор, второй. Автобусная остановка. Киоски. Перейдя дорогу, я зашагал по грунтовой тропинке, увидел одинокий кустарник, понял – больше не сдержусь, в два шага преодолел расстояние до него и наклонился. Меня вывернуло наизнанку будто от самого паха. Ноги сразу стали ватными, тут же всего прошиб пот, я обмяк. Разом кончилось все – невыносимый огонь изжоги, изматывающая боль желудка. Я медленно выпрямился, стер испарину со лба и неспеша зашагал блаженной походкой. Спал я как убитый.

ГЛАВА 10

Твердолобость – штука страшная, но жизнь ее лечит настойчиво. На неделю после обострения я забросил алкоголь и фастфуд и честно пытался нормально питаться. Все это время мать, отбросив семейные дразги, ревностно готовила для меня диетически супы и

каши. Результат появился сразу, я оклемался, и дискомфорт в желудке пропал. Дальше все вернулось на круги своя – я забросил режим питания, гася боли сиропом и таблетками.

Едва я в очередной раз я оказался в машине Эдика, как взгляд его сразу замаслился.

- Ну, чего там у вас с Иннкой, как проводил? – произнес студент нетерпеливо.

Я отделался общей фразой. Эдик попытался ее обойти, но наткнулся на очередную и сник, сменил тему и сказал, что у него через неделю свадьба. Мне было все равно. Я не мог понять такого выбора, но признавал право самого выбора за каждым. Выбор сделан – живи с ним, не плачь.

- А жить-то где будете? Там же, на съемной?

- Да не. У меня есть своя однушка, от тетки досталась, в ней будем жить. Ремонт надо только сделать и можно заселяться.

- Класс! Своя квартира, круто! Поздравляю! – восторженно воскликнул я, едва разговор зашел о чувствительном для меня моменте. «Когда уже у меня будет своя квартира? Не понятно. Денег нет. Вроде и зарабатывать начали с отцом, но это все равно копейки. Мне двадцать шесть лет, время еще терпит, вот бы к тридцати свое жилье купить! Если куплю, то буду самым счастливым на свете! Обалдеть, своя квартира!» - думал я, провалившись в мечту.

- Спасибо, - вернул меня в реальность Эдик.

Мы заехали в мой двор. Тишина. В редких окнах бетонных коробок горел свет.

- Сколько с меня? – сказал я.

- Да как обычно! – Эдик рассмеялся. – Сколько не жалко.

Примерную таксу знали оба. Меньше я не давал, часто чуть больше. Я расплатился, мы распрощались. «Семерка» поползла прочь, подпрыгивая на дырявом асфальте.

«К тридцати будет у меня своя квартира», - твердо решил я и нырнул в подъезд.

Лето кончилось. Выходным бонусом к нему в первую субботу сентября случился День города. Народное гуляние на центральных улицах города продолжалось весь день и к вечеру скатилось в алкогольный угар. Венцом праздника служил салют. После которого праздная лавина устремлялась в ночные клубы, создавая у входа каждого столпотворение и давку. Зная это, ровно в 22:00, едва загрохотало, и зеваки задрали головы и загудели, я спустился в «Чистое небо». Клуб еще пустовал. Едва я заказал двойную «отвертку», как снаружи все стихло, и толпа хлынула в клуб. Через десять минут сплошная гудящая масса, заполнила каждый уголок клуба, закурила и потребовала спиртного. Танцпол загрохотал. Началось!

Безумный вечер! Через час на танцполе запотели настенные зеркала. В тот вечер я ожидаемо встретил всех завсегдатаев клуба. Вынырнув из водоворота тел, около меня вдруг объявилась Аня. Я кивнул ей. Чуть жеманно девушка начала что-то рассказывать окружившим ее подружкам. Я потягивал алкоголь, курил и вынужденно слушал.

- Да, девчонки, прикиньте, выхожу замуж через месяц! – донесся до меня ее голос.

Я смотрел на Аню – девушка мне нравилась.

- Он весь такой фээсбешный! – сияла та широкой улыбкой.

Через секунду человеческая масса колыхнулась и развела меня и Аню, радостный монолог девушки заглушила музыка. Настроение тут же испортилось, мне стало тоскливо. И я, словно протестуя, заказал очередную двойную.

Через час из толпы на меня вывалился подвыпивший вспотевший и всклокоченный Саня. Его лицо сияло почти детским взором и такой же открытой улыбкой. «Счастливым дурачок прям», - подумал я, глядя на долговязую покачивающуюся фигуру в распахнутой наполовину взмокшей рубашке. Саня радостно пожал мне руку, и я ощутил себя неловко. Вроде как дорогу не перебежал парню, не отбил у того девушку, пара сама разошлась, а я все равно чувствовал перед ним неловкость, будто действительно так поступил. Дурацкая ситуация. Саня продолжал искренне улыбаться. «Угораздило же на него наткнуться».

- А ты один, без Инны? – выдал я в лоб.

- Да, один. Мы расстались! – ничуть не смутившись, продолжал улыбаться Саня.

Его улыбка начинала бесить. Я не мог понять, он или был рад, что расстались, или ему было все равно, или он реально дурак и потому постоянно улыбается?

- Да я знаю, видел Инну, она мне сказала, - не стал темнить я.

- Ааа! – заулыбался тот сильнее, смотря неотрывно мне в глаза ясным взором.

Оба замолчали, и оттого возникла нелепая пауза. Надо мной нависала почти в два метра детина и улыбалась. Я же не знал, куда от нее деться. Словно почуяв мое состояние, Саня распрощался, радостно заявил, что пойдет пить дальше и скрылся в толпе. Едва он исчез, как я сообразил, что парень был пьян сильно. И все стало ясно – парень относился к тому типу людей, которые в сильном подпитии внешне почти не проявляли опьянения, но при малейшем превышении дозы принятого алкоголя просто валились с ног. В Сане жил опасный признак потенциального алкоголика.

Водоворот клуба крутил меня до самого закрытия. В три ночи центральные улицы города представляли собой ужасное зрелище. Почти сплошь ровным слоем лежал мусор: битые и целые стеклянные бутылки, пластмассовые «полторашки» из-под пива, жестяные пустые банки из-под коктейлей, рваные пакеты, бумажные упаковки от еды, мятые пустые сигаретные пачки и прочее. Содержимое всего этого было выпито, съедено, скурено. Но уже через несколько минут щетки тракторов коммунальных служб завертели и начали сгребать мусор к обочинам улиц. Эдика около гостиницы не оказалось, я поймал доехал домой на случайной машине. Долго не получалось уснуть, сознание крутило от выпитого и выкуренного. А когда стало легче, я провалился в сон и целовался там до изнеможения с какой-то девушкой, отметив про себя, что вкус ее губ, как у Ани.

Весь следующий день дико болела голова и мучила жажда. «С сигаретами вышел перебор», - решил я, вспоминая опустошенную за вечер пачку и принимая таблетку.

В самом конце сентября у той же тетки мы купили и второй киоск на рынке. Тетка похлопотала за продавщицу, и мы ее оставили. При одном взгляде на Полину становилось ясно, почему за нее просили – неряшливая невзрачная сутулая тетка невысокого роста и непонятного возраста, сильно припадающая на одну ногу и, судя по лицу, иногда пьющая. Она так жалобно смотрела в нашу сторону из-за прилавка киоска, что ее увольнение стало бы равносильным оставлению котенка на улице в зиму. Киоск достался нам дороже – за сорок тысяч. Торговал он хуже первого, но для прокачки бартерного товара был нужен.

Увеличение нагрузки ощутилось сразу: вместо одной заявки теперь я обрабатывал две; складские запасы под киоски выросли; по утрам уходило в два раза больше времени на сборку товара для них. Темп работы вынужденно возрос, и тут сильнее стали заметны особенности наших с отцом характеров. Ему, рассудительному и спокойному, требовалось много времени для принятия любого решения. Каждое действие он тщательно обдумывал.

Неплохое качество, но не для быстрой работы. С появлением второго киоска, времени для сборки накладных не стало больше, по-прежнему нужно было уложиться в час-полтора и выехать со склада. Иначе, задержавшись, мы начинали везде опаздывать. Моя природная расторопность тянула за двоих. Желая сделать любую работу быстрее, я сразу брал почти каждое принятие решения на себя – выдавал уже продуманное предложение, отец просто соглашался и все. Размещением и движением товара на складе занимался я. Перемещали товар мы вдвоем, но куда и что класть говорил я. Отец лишь носил машинально коробки и клал туда, куда я указывал. Он не помнил, где и что лежит, собирать товар приходилось тоже мне. Не мог отец запомнить или не хотел, я не знаю. Но он путался в товаре сильно. Если я его просил принести что-то, он некоторое время стоял молча, а после спрашивал – где же товар лежит на складе? Я стал конкретно говорить какой товар, в каком количестве и откуда надо принести. Отец шел и нес. Пока он отработывал одну товарную позицию, я успевал собрать их три-четыре. После чего все повторялось. Из-за темпа набора товара я иногда ошибался в количестве или пропускал в накладных одну-две позиции. Недостача выявлялась обычно уже вечером при закрытии киосков. Отец делал недовольное лицо и начинал мне выговаривать, что я плохо собрал товар, снова спешил и вот результат – киоски остались без товара, и мы не добрали каких-то ста рублей выручки. Я возмущался его претензиям, мы ругались. Наши мелкие стычки с ростом объемов работы участились, выросла и напряженность. Первое время я терпел обвинительные реплики отца, позже начал огрызаться. Бесконечные претензии отца по любому поводу точили мое терпение.

Начался октябрь. Летнее тепло безвозвратно осталось в сентябре, с ним уходило и беззаботное настроение, сменяясь легкой хандрой. В работе наступил период интенсивной монотонности. Новых событий не происходило. Вся торговля была отлажена, оставалось лишь без усталости перекидывать коробки с товаром и зарабатывать деньги. Киоски заметно повысили общую прибыль. Но самое важное, к осени 2003 года я уже ясно почувствовал – к нам привыкли, с нами считались, с нами общались и вели дела более-менее на равных. Мы прошли важный этап становления и признания в кругу себе подобных, мы выжили.

Едва я вышел из офисного здания «Пеликана», как на меня сзади с разбегу прыгнул Вовка, повис и, оттолкнувшись руками, отскочил вбок, пошел рядом.

- Вот ты чучело! – произнес я.

- Хы-хы-хы! – защерился тот, довольный своей выходкой, и тут же гаркнул чуть ли не в ухо мне. – Какие дела, буржуи!?

- Нормальные дела! Разгружаться надо, вот! – махнул я перед его носом накладной.

- А ну, че привезли-то!? – Вовка цапнул бумажку из моих рук, внимательно изучил за долю секунды и тут же сунул мне ее обратно. – Как всегда, говно всякое!

Я промолчал, улыбнулся, понимая и принимая корявые шутки Вовки.

- Ладно, пошли, побуду с вами, пока выгрузите свое говно в склад! – подтянул тот отвисшие джинсы. – А то скучно в офисе, делать нехер, всю жопу отсидел! Пошли!

За полчаса мы выгрузились. Рабочий день кончился. Отец докуривал, мы с Вовкой привычно терлись подле «газели».

- Слушай, а куда ты там вечно ходишь!? Как эта дыра называется? – выдал он.

- Какая это тебе дыра!? Самое лучшее заведение города! «Чистое небо»!

- Название-то, блять, дурацкое какое-то, «Чистое небо», «Небеса» какие-то! Значит, туда ты ходишь!? Все с вами ясно, молодой человек! Девочек, значит, там сымаете и трахаете, да!? – заломив брови, Вовка изобразил нравственную строгость.

- Фу, Владимир. Вы говорите как животное. Где ваша мораль? – дурачился и я.

- Хы-хы-хы... - засипел смехом тот. – Кароче! Я намерен посетить это, как его там, это ебучее «Чистое небо» и самолично убедиться, что там и как!

- Ты потусить что ли собрался!? – удивился я.

- Рамзес, ты на редкость сообразительный молодой человек! – воскликнул Вовка.

- Ладно, ладно, так уж и быть, свожу я тебя туда, проведу экскурсию! – засобирился я, едва отец закончил. – Ботинки начисть и трусы не забудь чистые надеть!

- Ого! А чего, там в грязных трусах не пускают!? – выкатил глаза Вовка.

- Фейсконтроль! Слышал про такое? Там с ним очень строго! – я открыл дверь «газели», сел в кабину. – Таких как ты проверяют серьезно.

- Ну чо, когда пойдём-то в твой этот сраный кабак!? – схватился Вовка за дверь, и начал ее мотать туда-сюда.

- Да оставь ты дверь в покое! – хлопнул я его по руке. – Домой придешь, откроешь входную дверь, станешь на площадке и мотыляй ей хоть до утра!

- Хы-хы-хы... - понравилась Вовке шутка, но он не отставал, вцепился и в меня как в дверь. – Ты меня не сбивай с мысли! Когда пойдём, я спрашиваю?

- Да без разницы, Вов! Там пятница-суббота самые жирные дни! Можно в пятницу, можно в субботу, выбирай! – сказал я.

Машина завелась.

- Так, когда лучше-то? Я чего-то не пойму, кто из нас профессиональный тусовщик, я или ты? – развел руками Вовка и удивленно сделал брови «домиком». – Я только развелся недавно, семейный человек, можно сказать!

- Был, - уточнил я, подняв указательный палец руки.

- Был, - поправился он.

- Ну, давай, в субботу сходим. Я тебе позвоню в обед и на вечер договоримся.

Вовка задумался.

- Все! Иди, давай! Работай! – отпихнул я его по-дружески и захлопнул дверь.

- Не, лучше в пятницу, - сказал Вовка.

- Хорошо, позвоню в пятницу, часов в шесть, - подытожил я. – Давай, пока.

- Поехали? – раздался голос отца слева.

Я кивнул. Машина тронулась. Я поднял руку, прощаясь с Вовкой. Тот тоже. Мы проехали несколько метров, и я привычно глянул в боковое трясущееся зеркало.

- В пятницу!!! – заорал Вовка вдогонку.

Я кивнул.

Третьего октября в девять вечера Вовка уже косолапо прохаживался на остановке у гостиницы, когда я вышел из автобуса. Он был в той же одежде, в какой ходил на работу – толстовка цвета хаки, темно-синие затертые джинсы и стоптанные пыльные туфли.

- Ну чо, показывай, где этот твой бордель!? – произнес требовательно Вовка.

- Там, - махнул я рукой через дорогу, и мы побрели к пешеходному переходу. – Интересно, Эдик сегодня работает или нет?

- Чо за Эдик!? Сутенер какой-нибудь!? – в предвкушении потер руки Вовка.

- Да не, таксист, - я всматривался в ряд машин, выискивая знакомую машину, ее не было. – Студент, подрабатывает извозом, вон там все время стоит на своем тарантасе.

- А чо у него за тачка? – семенил Вовка рядом по переходу, не поспевая за мной, и шарил глазами по ряду припаркованных машин.

- Белая «семерка», - сказал я, переходя на тротуар.

- А зачем он тебе?

- Да возит он меня домой все время после клуба.

- Ниче се, ты буржуй!! Личного водителя уже завел! – почти заорал Вовка, выпучив глаза. – Вы гляньте на него! Буржуй!! Продает какую-то херню и гребет деньги лопатой.

- Да хорош тебе! Какой водитель? – ощутил я неловкость от воплей. – Мы с ним случайно познакомились, теперь езжу с ним всегда домой, это удобно.

- Вы гляньте на него! – продолжал Вовка. – Познакомился с мальчиком, каким-то Эдиком! Нормальные мужики знакомятся с девками, а этот с таксистом.

- Да хорош тебе, Вов! У меня денег просто не было, а он выручил, - раздраженный дискомфортом, ответил я. – Орешь как потерпевший... Вон, народ оборачивается уже.

Вовка вмиг стушевался, заморгал часто и глупо, залился краской, вжал голову в плечи, виновато зажал рот рукой и, наконец, заткнулся.

- Вот ты олень, - сказал я тихо, с сарказмом глядя на друга.

- Хы-хы-хы... - засмеялся тот.

- О! Чис-то-е не-е-бо-о! – прочитал нарочито по слогам и с видом умственно отсталого Вовка, едва оказался перед вывеской клуба. – Это и есть что ли твои «Небеса»? Сейчас зайдем, посмотрим! Давай, веди! Ты тут уже свой в доску!

- Привет! – пожал я руку знакомому охраннику, курившему на улице у входа.

- Какие люди! Здорова! – расплылся тот в улыбке, пожимая мне и Вовке руки. – Сегодня там нормально, есть красивые девочки.

- Тогда мы идем к вам! – спародировал я известную рекламу и потянул входную дверь на себя, нырнул внутрь, Вовка за мной.

- Блять, тяжелая какая, сука, эта дверь! – раздался позади его сдавленный голос.

Мы спустились по ступенькам и направились в бар, по пути со мной поздоровалась девушка-администратор, два охранника пожали руку. Но едва пожилая женщина сказала «добрый вечер», Вовка не сдержался, прыснул в кулак и ошарашенно произнес:

- Блять, тебя даже уборщица знает!

Мы миновали большую стойку. Я пожал руку бармену, кивнул паре официанток. У малой стойки мы остановились, бармен флегматично пожал руки мне и Вовке, и я заказал две двойных «отвертки», достал сигарету.

- И мне, - потянулся Вовка к пачке.

Закурили вдвоем. Подоспел и алкоголь. Мы взяли по стакану.

- А я и не знал, что ты куришь, - удивился я.

- Да так, покуриваю, - Вовка затянулся, скривился, будто попробовал лимон. – Я бросал, потом с этим разводом опять закурил. А там чего?

- Танцпол, - ответил я. – Сейчас там пока народу мало, вот через пару часов будет битком. Пошли, посмотрим, может, кого знакомых увижу...

- Блять, Рамзес, да тебя тут каждая собака знает! – чуть не поперхнулся Вовка. – Я первые полчаса только и делаю, что здороваюсь! У меня уже рука отваливается нахуй, и голова кивать устала.

- Вов, отъебись, а!?

- Хы-хы-хы.

Мы зашли в темноту танцпола, знакомых я там не увидел, через некоторое время у меня закончилась выпивка, и мы с Вовкой вновь очутились около барной стойки.

- Повторить? – произнес бармен.

Я кивнул и глянул на Вовкин стакан, еще наполовину полный.

- Ты чего так медленно пьешь!?

- Ну, я не могу быстрее! Нет такого опыта, - возмутился наигранно тот. – Это вы тут, гламурные, хлестаете пойло ведрами, а мы, крестьяне, как умеем.

- Да ладно, не прибедряйся, - сказал я и достал сигареты, Вовка снова стрельнул одну. Закурили. В клуб повалило. Я глянул на часы, 23:10.

- О, народу прям, глянь, все больше и больше! Девочек сколько! – растерялся Вовка, не зная, что ему делать: пить, курить или крутить головой по сторонам.

- Сейчас начнется! – кивнул я.

- Слушай! – повернулся ко мне Вовка. – Я тебе официально заявляю, мне это место нравится! Как называется!? «Чистое небо», да!? Короче, я теперь тут постоянный клиент!

- Я ж тебе говорил, - расплылся я в улыбке. – Плохого не посоветую.

Я обернулся. В потоке людей в проходе показалась Аня с подружками. Ее лицо выражало вселенскую грусть и отрешенность. Изображая веселье, девушка тужилась в улыбке, но глаза ее не искрились. Я почему-то сразу подумал о не случившейся свадьбе.

- О! Аня пришла! – произнес я, кивнул той, девушка кивнула в ответ.

- Вот это сиськи!!! – чуть не заорал мне в ухо Вовка, схватил меня за руку и начал нервно дергать за нее. – Смотри!! Смотри!! Смотри!!

Мне стало жутко неудобно за вопли друга, я почувствовал, как заливаюсь краской от шеи и по самые уши. Аня приближалась, не слыша Вовкиных эмоций в грохоте клуба.

- Да видел я ее сто раз, че ты орешь-то? – отдернул я руку. – Сисек что ли не видел никогда?

- Рамзес, да ты глянь у нее какие! – лезли из орбит Вовкины глаза.

- Вов, да хорош тебе! – не сдержал я раздражения. Фраза возымела действие, Вовка заткнулся, продолжая страдальчески дергать меня за рукав. Мы пялились на Аню, как два кота на вязанку сосисек, разве что только не облизывались. Та остановилась в двух шагах от нас. Как по команде, подружки-«фрейлины» окружили Аню и стали наперебой галдеть. Я тянул коктейль через трубочку и наблюдал исподлобья. Аня старательно не смотрела в мою сторону. Я же пялился на нее в открытую. Рядом нервно кряхтел Вовка.

- Пошли на танцпол, - произнес я.

Вовка кивнул, мы стали пробираться меж людей, приближаясь к Ане.

- Привет, Ань! – сказал я, поравнявшись.

- О, привет! – натянуто изобразила та улыбку и радость встречи.

- Как свадьба? – вдруг вырвалось у меня.

- Не было свадьбы, - нервно произнесла девушка.

Магия ее обаятельности вдруг вмиг исчезла в моих глазах, мой интерес к Ане угас.

- Понятно, - бросил я в ответ. Поток людей подхватил меня и в несколько секунд унес в темное и душное пространство танцпола. Вовка не отставал.

Время перевалило за полночь. Клуб ходил ходуном. Мы с Вовкой уничтожали «отвертки» одну за другой. Его глаза ошалело вращались от происходящего. К двум ночи накал схлынул, посетители потянулись на выход. Через полчаса остались самые стойкие.

- В три закрытие, уйдем без пятнадцати, а то потом на выходе толпа будет, не люблю толпу, - сказал я Вовке, тот кивнул.

Через десять минут, в подпитии и счастливые, мы вышли на улицу.

- Прохладненько уже, - сказал я, пожившись.

- Блять, да, не лето! – рявкнул Вовка.

- Лето кончилось, даже не заметил его, пока таскал эти сраные коробки, - с грустью произнес я. – Ты хоть купался в этом году, загорал?

- Да было как-то раз, - отмахнулся Вовка.

- Я тоже купался всего один раз, даже не загорел, - кисло произнес я. – Так и жизнь пройдет, не заметим ее, как и это лето...

Мы перешли дорогу к кинотеатру.

- Ну че, давай, такси что ли ловить!? – предложил Вовка.

- Не, давай, дойдем до гостиницы, вдруг Эдик все-таки стоит там, - махнул я рукой, указывая направление. – На нем тогда и поедем.

Студент был на месте. Мы ввалились разом на задние сидения «семерки» и, после знакомства с Эдиком, Вовка принялся рассказывать тому о походе в клуб. Его ор заполнил салон машины и длился несколько минут. Наконец, Вовка выдохся и утомился.

- Куда едем? – тут же ввернул Эдик.

- Тебе куда, балда? – глянул я на Вовку, поняв, что не знаю, где тот живет.

Тот гаркнул, выкрикнув адрес.

Через двадцать минут мы притормозили на Т-образном перекрестке, примыкающая дорога которого уходила в темноту дворов.

- Это што ли твоя улица? – сказал я, всматриваясь вглубь очертаний домов.

- Может, его к дому подвезти? – добавил Эдик.

- Да не, не надо! Я тут близко живу, тут по переулку метров сто прямо и мой дом, - Вовка закричал и оказался снаружи.

- Надо будет как-нибудь к тебе в гости зайти, - сказал я.

- Рамзес! – развел руками Вовка. – Какие проблемы!? Заходи!

- Уговорил, зайду. Давай, иди спать, на работе увидимся, - кивнул я.

Вовка распрощался с нами, хлопнул дверью и косолапо зашагал в темноту старых дворов кирпичных «хрущевок». Через пятнадцать минут был дома и я.

Поздняя осень всегда одинаково уныла. 2003 год не стал исключением. Киоски торговали исправно. Складские запасы товара позволяли нам запустить еще одну точку. С деньгами был порядок, даже накопились пятьдесят тысяч, которые уже не требовались в обороте. Я предложил отцу открыть третью точку, он поддержал. Мне хотелось уже чего-то более значимого, чем примитивные киоски на рынке – тот же отдел в торговом центре. Все действующие торговые центры были заняты, а потому я принялся искать строящийся и нашел – центр планировался к открытию в конце года, приглашались арендаторы.

На следующий день мы посетили офис компании-застройщика. Там выяснилось, что самых маленьких отделов по семнадцать квадратных метров осталось всего два. Мы пообещали подумать и пошли на выход. По пути к «газели» я продрог и с удовольствием

забрался в кабину. Отец запустил двигатель, включил печку. Едва в кабине стало тепло, как, приоткрыв окна, оба закурили. Из кабины строящийся центр виделся как на ладони. Одноэтажный прямоугольник сто на тридцать метров – кирпичная коробка без изысков – он производил смешанное, даже скорее негативное впечатление.

- Дурацкая какая-то конструкция! – озвучил я мысль, рассматривая стройку, взятую в периметр бетонного забора. – Два неудобных входа, между ними стена без единого окна, а окна как раз по бокам от входов, там-то они зачем? И почему всего один этаж? Глупо не построить еще хотя бы пару этажей. И этот колпак стеклянный сверху, вообще идиотизм. Асфальта еще нет вокруг. Когда они его класть собираются!? Со дня на день снег пойдет!

- До снега если асфальт не положат, то в зиму и класть не будут, - произнес отец.

- Как это они хотят успеть открыться к Новому году? – удивился я.

- Не похоже, что успеют до Нового года, - поддержал отец.

Докурив, мы поехали домой. Там, сидя в кресле с кружкой горячего чая, я снова перебрал все «плюсы» и «минусы» увиденного. С одной стороны, аренда в новом центре была ниже, чем в действующих. С другой, дата открытия казалась нереальной. «И как-то глупо он расположен, за дорогой, дома жилые по эту сторону, а центр с другой стороны дороги, неужели туда народ будет ходить?» Минусы и плюсы застыли в моей голове на воображаемых весах в равновесии. Желание заполучить свой первый торговый отдел в приличном торговом центре перевесило. Мы с отцом посоветовались и решили совершить этот шаг.

В конце последней недели ноября мы заехали в офис застройщика и согласились подписать договор аренды на отдел площадью в семнадцать метров. Отец подписал его под ободряющие заверения об открытии центра под Новый год. На вопрос об асфальте, было безапелляционно сказано, что с понедельника следующей недели работы начнутся, и дней за десять его уложат.

По календарю на этот понедельник пришлось начало зимы, и выпал первый снег.

ГЛАВА 11

Уважаемые партнеры!

Извещаем вас, что в связи с условиями Дополнительного Соглашения от 01.12.2002 года к Договору купли-продажи от 01. 09. 2002 года для выполнения взятого вами на себя объема продаж в 1600000 рублей (один миллион шестьсот тысяч рублей 00 копеек), вам необходимо внести в кассу ООО «Люксхим» до 31.12.2003 года денежные средства в размере 256037руб. 48коп. (двести пятьдесят шесть тысяч тридцать семь рублей 48 копеек).

С уважением, директор ООО «Люксхим»

Я прочитал полученный факс несколько раз. «Бред какой-то! Быть того не может! Да нет, не могут они так!», - закрутились в моей голове вихрем мысли, усиленно гонимые прочь здравым смыслом. Я все понял сразу. Но не хотел верить.

- Это же дебилизм какой-то! – устался я на сидящего рядом на диване отца. – Они что, идиоты!? Зачем такое нам присылать!?

- Мда, - выдал отец и устался сквозь очки на протянутый ему лист.

- Не, я понимаю, что они не хотят нам выплачивать эти пять процентов с оборота! – развел я руками. – Но я этого не понимаю!

Отец подогнул одну ногу под другую и принялся чесать рукой кончик носа.

С извещением было все ясно – нам не хотели выплачивать причитающийся бонус и потому прислали такое. Естественно, мы не могли найти обозначенную сумму – у нас ее попросту не было. Я завелся, обозвал обоих владельцев «Люксхима» суками и козлами и ушел на кухню за чаем. Мы весь год тянулись, чтобы продать нужный объем товара, при этом лишились нескольких товарных позиций, снятых с производства, и все равно, почти смогли выполнить взятые на себя обязательства. И получили такое.

Через пару минут я вернулся с кружкой чая и почти спокойный. Устроив с отцом «военный совет в Филях», мы решили, что надо готовить ответный документ.

Через день он был готов. В письме мы сообщали – считаем снятие с производства после подписания Дополнительного Соглашения нескольких позиций форс-мажорными обстоятельствами, которые помешали нам выполнить взятые на себя обязательства, и выплату нам премиальных считаем справедливой.

Отправив бумагу по факсу, мы уехали работать. Таская коробки на складе, я вдруг понял, что оба мы – отец и я – настроены решить вопрос в свою пользу. Вплоть до отказа от работы с «Люксхимом». В тот момент отец меня приятно удивил, сказав, что намерен получить премию любым способом – товар «Люксхима» был у нас на складе, и мы могли забрать его на причитающуюся нам сумму. Отец сказал, что намерен так поступить, если понадобится. И в его словах я почувствовал твердость.

До конца недели мы отработали в обычном режиме. Ожидаемый звонок случился в понедельник утром 8 декабря на домашний телефон. Отец снял трубку. В метре от него я оперся о стену и весь обратился в слух. Диалог с Асланбеком вышел по существу – отец сказал, что мы не выполнили обязательства по объективным причинам, в ответ услышал, что премию нам выплатить все равно не смогут. Голос в трубке – слов я разобрать не мог – говорил что-то еще долго и пространно. Я разглядывал рисунок ковра на полу. Едва в трубке затихло, отец ответил – дал понять, что раз премии нам не видать, то, наверно, сотрудничество лучше прекратить. И посмотрел на меня. Я поднял большой палец руки вверх. Мне стало совершенно наплевать на то, что мы можем лишиться самого важного поставщика. Мы вложили много времени и сил в его товар, но всему есть предел. Нельзя позволять никому, чтоб об вас вытирали ноги. Я был готов к разрыву. «Пошли они нахер, найдем нового поставщика, этих производителей развелось как грязи, выкрутимся, лучше слупим с них причитающееся и быстро найдем другой товар», - решил я для себя твердо.

И настрой на том конце трубки изменился – владелец «Люксхима» спросил, какую сумму мы сможем перечислить до конца года, услышал от отца цифру – сто-сто пятьдесят тысяч, попросил постараться перечислить по-максимуму и распрощался. В прямую он не пообещал выплатить после такого причитающееся нам, но, поняли мы его так.

К середине декабря стало ясно – торговый центр не откроется перед Новым годом. Разговор в кабинете у застройщика вышел почти на повышенных тонах, нас заверили, что центр точно откроется к апрелю. Мы не поверили. Хотя убытков нам от задержки не было никаких, но я уже был не рад, что ввязались в такое сомнительное дело.

К концу третьей недели декабря мы перечислили «Люксхиму» сто пятьдесят тысяч.

Уважаемые партнеры!

Извещаем вас, что в связи с условиями Дополнительного Соглашения от 01.12.2002 года к Договору купли-продажи от 01.09.2002 года для выполнения взятого вами на себя объема продаж в 1600000 рублей (один миллион шестьсот тысяч рублей 00 копеек), вам необходимо внести дополнительно в кассу ООО «Люксхим» до 31.12.2003 года денежные средства в размере 106037руб. 48коп. (сто шесть тысяч тридцать семь рублей 48 копеек).

С уважением, директор ООО «Люксхим»

- Они там вообще ахерели что ли!? – вытаращился я на отца в понедельник, едва осознал содержание факса. Документ, ожидаемо, прислала секретарша, сказав, что обоих директоров нет на месте. Меня затрясло. Такое отношение переходило уже все границы.

В 9:00 следующего утра я стоял как штык подле отца и телефонного аппарата. Разговор вышел дипломатичным, но жестким. Отец с ходу напомнил Асланбеку его слова о том, что после нашей максимальной доплаты премию свою мы получим. Тот парировал – сказал, что ничего не обещал и договор по всей сумме надо выполнить. Отец сказал, что менять сказанное не хорошо, слово свое надо держать. В ответ был обвинен в хамстве. Я удивился, отец вел разговор столь деликатно, насколько я бы не смог и давно перешел бы на эмоции. Следом отец спарировал и фразу про возраст, сказав, что лет ему не меньше, и уважение должно быть взаимное. Выслушав новую тираду, наконец, произнес, что, по-видимому, согласия не случится и потому у него деловое предложение – причитающееся нам мы забираем товаром и заканчиваем сотрудничество, ищите других дураков. В ответ директор «Люксхима» сказал, что ему надо посоветоваться с компаньоном.

Через два дня мы получили факс:

Уважаемые партнеры!

Согласно Дополнительного Соглашения от 01.12.2002 года к Договору купли-продажи от 01.09.2002 года за выполнение объема продаж за 2003 год продукции ООО «Люксхим» в отпускных ценах на сумму 1493962 руб. 52 коп. (один миллион четыреста девяносто три тысячи девятьсот шестьдесят два рубля пятьдесят две копейки), ООО «Люксхим» премирует вас в сумме равной 5 (пяти) % от выше указанной суммы, а именно 74698 руб. 13 коп. (семьдесят четыре тысячи шестьсот девяносто восемь рублей тринадцать копеек).

С уважением, директор ООО «Люксхим»

Это была победа! Маленькая, но очень важная победа! Дело было не в деньгах. Мы отстояли главное – себя! Я едва не прыгал от радости. До Нового года оставалось три дня, мои эмоции смешались с общим праздничным настроем. Наши клиенты отложили заказы на будущий год, в работе наступила пауза, и дни вдруг оказались свободными. Захотелось запечатлеть праздник покупкой, и я принялся ходить по магазинам. Так уж вышло, что в нашей семье традиция дарить на Новый год подарки растворилась во времени. С каждым годом родители все сильнее отдалялись друг от друга, двигаясь к официальному разрыву. Я был вынужденным свидетелем, на котором процесс отчуждения родителей сказывался болезненно. Ища поддержки, каждый пытался переманить меня на свою сторону. Иногда косвенно отец, нет-нет, да и обвинял меня в потакании матери. Мать же в свойственной ей

грубой форме регулярно швыряла мне в лицо обидные реплики, дескать, я «весь уродился в своего занудного и правильного папашу» и «лебезю и шестерю перед ним потому, что сам ни на что не гожусь и не могу себе заработать денег». Если уж совсем просто сказать – плевки летели с обеих сторон. Я чувствовал себя отвратительно и, пытаюсь понять, где и что я делаю не так, разрывался на части все сильнее. Родители, отчуждаясь между собою, рвали меня пополам. Часть меня любила их. Вторая половина ненавидела. Часть любила мать просто за то, что она есть, а другая ненавидела за то, что та говорит и делает гадости. Часть любила отца за то, что он продолжал быть в семье, несмотря на трудности, другая ненавидела его за чрезмерное себялюбие, нетерпимость к слабостям других и абсолютную пустынную сухость в чувствах. Когда эти мысли накатывали, становилось трудно дышать. Хотелось свежего глотка, такого, как полученная под Новый год премия. Маленький, но так нужный глоток свежего воздуха в затхлом тесном пространстве мелкого бизнеса. Да и сами наши дела вроде как обрели стабильность. Было ощущение, будто несколько лет мы шли в болотной трясине по грудь, тяжело и аккуратно переставляя ноги в густой жиже, не чувствуя под ними хоть какую-то твердь. И вдруг нащупали под ногами узкую твердую полоску. Ступили на нее, перевели дух, понимая, что дальше идти надо выверено, не соскользнуть, не упустить шанс, который дала жизнь в награду за несколько лет мытарств.

Здрав голову вверх, я стоял в центре города и смотрел на медленно рождающиеся в ночном небе снежинки. Погода стояла шикарная – тихо, минус пять, падал мягкий снег – идеальный зимний вечер. Мимо меня в праздничной суете нескончаемо сновали люди. Я побрел и влился в людской поток. Через полчаса в витрине торгового центра я заметил мобильный телефон. Мне он сразу понравился. Я взял его в руки. Тяжелый и компактный, «раскладушка». Я раскрыл и закрыл его, дисплей смачно хлопнул и прилип к клавиатуре. Серебристый цвет. Антенна. Я выдвинул ее и задвинул. На нарочито толстой центральной оси «раскладушки» сидел вращающийся глаз фотокамеры. Красивый мужской телефон, я смотрел на него с восхищением. «Десять тысяч, дороговато, но очень хочется, спрошу у отца деньги, должен дать», - побежали в голове праздничные мысли. Я вернулся домой, и отец в тот же вечер без лишних слов выдал мне деньги. На следующий день, 30 декабря, я сделал себе подарок и отметил покупку в «Чистом небе». Вечер удался. Предновогодний день я просидел дома с раскалывающейся головой и мучимый постоянной жаждой. К вечеру мать приготовила праздничные блюда, мы с отцом закупили десертов и фруктов. Ближе к полуночи я объелся и за полчаса до наступления нового 2004 года уснул.

Мы с Вовкой так активно посещали в праздники «Чистое небо», что к Рождеству деньги у него кончились, а мне стало стыдно тянуть их из общей кассы. Оставшиеся два выходных дня я провел дома за компьютерными играми, обдумывая интересную мысль. Крутилась она в голове с лета, но созрела лишь в январе. В бартерной схеме участвовали только товары местных оптовиков. Но на рынке работали еще и прямые дистрибьюторы крупных международных компаний. Политика прямых продаж – единственный критерий, который они исповедовали. Бартера таких товаров не существовало в принципе. И они же были самыми востребованным на рынке бытовой химии. На них делался основной оборот. Но, из-за выверенной политики цен международных компаний, маржа оптовиков на их товарах была минимальной. Даже если бы какой-то ушлый оптовик и решился пустить в бартер такой товар, то ничего бы не заработал – скидки на обратном товаре съели бы всю

прибыль. Поэтому никто не «менялся» на товары прямой дистрибьюции. Получить такой высоколиквидный товар в бартер казалось невозможным.

И тут меня осенило!

«Пересвет»! «Как же я раньше о нем не подумал, вот балда, а ведь мысль дельная!» - завертелось в моей голове. Являясь, по сути, продуктовой базой, «Пересвет» попутным товарам придавал мало значения. И исключительность товаров прямой дистрибьюции там отсутствовала. И на этой особенности я решил сыграть. Озвучил мысль отцу. Подумав, он выдал свое «мда, мысль интересная» и одобрил.

Мы заехали в «Пересвет» сразу после праздников. Отец припарковал «газель» и полез за сигаретой.

- Здесь посидишь или со мной пойдешь? – уточнил я, берясь за ручку двери.

- Да здесь посижу, чего мне там делать? – сигарета в руке отца замерла на полпути ко рту. – Пообщаешься со своим другом...

- Да уж, - вздохнул я и мотнул головой. – Директор тут – это дааа...

Отец беззвучно засмеялся. Я оставил его в уютной натопленной кабине и пошел в офис. На территории базы было два главных здания: одноэтажный складской комплекс с торговым залом внутри и офис в три этажа с примыкавшим к нему двухэтажным складом. Второй этаж примыкавшего склада был отведен под бытовую химию, первый занимало пиво. Директор «Пересвета» – поджарый среднего роста брюнет с аккуратным пробором слева, цепкими злыми глазками, хищно приподнятыми плечами в сочетании с чуть впалой грудью и походкой с растопыренными руками характер имел под стать внешности. Признавая лишь выгоду, на прочие измышления и доводы, а тем более на сантименты он не реагировал. Поэтому общаться и договариваться с ним было почти невозможно.

Я вошел в коридор и очутился напротив распахнутой двери кабинета директора. «Главное – не ссы, удачный момент, он один», - настроил я себя мысленно и постучал в дверной косяк. Директор «Пересвета», как и любой прирожденный хищник, чувствовал кто перед ним – жертва или тоже хищник. Первых он сжирал морально сразу. Вторых уважал, но быстро определял «калибр собрата». Если крупнее – вел себя аккуратно, слабее – мог «куснуть» для порядка, но если получал ответ, то оставался «на своей территории». Мне он виделся шакалом. В нем ощущалась трусоватость, маскируемая рефлекторной наглостью и агрессией.

- Дээээ... - раздался голос изнутри кабинета.

Я поздоровался как можно бодрее и увереннее. Директор сидел за столом и глядел в монитор, перестал шевелить рукой мышку и нехотя бросил в ответ «Здрасьте».

- У меня к вам есть деловое предложение! – продолжил я тем же тоном.

- Предложение? – директор оторвал взгляд от монитора, глянул в мою сторону и тут же уставился обратно. – Что за предложение? Давайте!

- Мы же вам товар поставляем на реализацию... Получаем за него деньги...

- Дэээ... - среагировал директор, не отрываясь от монитора.

- Я предлагаю вместо денег за проданное брать у вас товар! – выдал я.

Осознав смысл услышанного, директор забыл про компьютер, сел на стуле ровно и вперился в меня взглядом. Я буквально видел, как алгоритм мозга проверял предложение на наличие выгоды. Мгновение – и глаза директора засветились интересом.

- А какой товар вы хотите брать? – изрек он.

Я назвал. Товар, который оптовики бытовой химии мечтали и пытались получить в обход официальных дистрибьюторов, теперь пытался получить и я. Мозг директора снова заработал, ища подвох и мою выгоду. «Не нашел», - понял я и улыбнулся внимательному взгляду директора.

- Да нет проблем, берите, - развел руками тот.

- Есть! – радостно впрыгнул я в кабину «газели». – Он согласился на бартер!

- О, как! – отец оторвался от сигареты, глянул на меня, снова глубоко затянулся, выдохнул сизый дым в окно, пульнул туда же бычок. – Мда! Это хорошо.

- Да какой – хорошо!? – удивился я, едва ли не подпрыгивая на сиденье от радости. – Ты че!? Это офигенно круто! Мы без денег получим такой товар по отличной цене. Мы сейчас его покупаем дороже! А теперь сможем пихать в «Пересвет» еще больше всего, а обратно забирать отличный товар! И главное, никакой привязки к объемам, бери столько, сколько надо, а цена всегда будет самая низкая! Супер!

- Остатки взял? – сказал отец.

- Да, вот! – сунул ему я два листа и закурил.

Отец надел очки и погрузился в изучение бумаг. Распирающая меня эйфория снова вырвалась наружу, и я затарахтел о том, как удачно все вышло и расчет оказался верным. Отец оторвался на секунду от бумаг, глянул на меня озадаченным взглядом. Я продолжал – радовался, что скидку нам дали больше, чем мы рассчитывали и вообще выбили себе без денег отличный товар!

Выговорившись и умолкнув, я глянул на отца, тот всем вниманием ушел в бумаги. Моя эйфория испарилась. Я обмяк и докуривал сигарету уже машинально, рассеяно бродя взглядом по зимнему пейзажу за стеклом.

- Ну что, поехали? – прозвучал через пару минут голос отца.

- Да, - сказал я, выкинул бычок наружу и прикрыл окно. – Поехали.

- Куда мы сейчас? – смотрел на меня отец, сидя прямо и держась одной рукой за руль, а другой за рычаг передач. В его позе сквозила военная выправка. В моей голове за долю секунды нарисовался и тут же исчез образ эдакого оловянного солдатика, готового ехать всегда и всюду, лишь бы ему говорили куда.

- В «Арбалет», - сказал я машинально, отвернувшись к окну, добавил. – Мыло там заберем и Сене в «Меркурий» отвезем.

- И все?

Я кивнул не поворачиваясь.

- Ответь что-нибудь! Что молчишь!? – раздраженно добавил отец.

- Да и все! – я повернулся, посмотрел на него. – Я ж кивнул, что «и все».

- Мало ли, что ты кивнул! – отец смотрел на меня, играя желваками. – Что, сказать «да» уже в тягость!? Я же не знаю, что ты там напланировал на сегодня!

- Почему это я напланировал!? – начал закипать и я. – А ты что, в планировании не участвуешь что ли!? Не знаешь, куда мы и зачем едем!?

Пауза. Отец молчал, вперившись в меня взглядом и сцепив зубы.

- Ты не умничай, давай! – процедил он и хлопнул руками по рулю. – Я кручу, вот, баранку! А все эти планирования маршрута, это твоя обязанность, я не собираюсь еще и это запоминать!

- Нормально так ты устроился крутить баранку и все! – ответил в пику я, понимая, что запахло очередной ссорой. Последнее время они учащались. Но мне было все равно. Я

хотел поругаться. Во мне все кипело, и я добавил: «Я, значит, и созванивайся со всеми, и заказы делай, и собирай заказы, и товар отслеживай, и накладные выбивай, и приходи, и на складе товар собирай, а ты только крути баранку!?»

- Я, когда надо, договариваюсь в самые важные моменты! – повысил накал и отец.
– Или ты забыл, кто договаривался с пивзаводами, кто звонил в Краснодар во все фирмы!?

- А кому еще было звонить туда!? Кто бы из директоров стал разговаривать со мной с двадцатипятилетним пацаном!? Никто! – развел руками я. – Там не было другого выхода кроме как тебе звонить, потому как ты взрослый мужик, с тобой элементарно бы стали общаться, а со мной нет! Вот и все! Если бы я был старше, я бы позвонил во все эти места сам! Кто нашел их!? Кто нашел объявления!?

Отец молчал. В воздухе явно ощущалась взаимная неприязнь. Со стороны отца я ощущал ее во всем: во взгляде, в интонации, в злобе, что вдруг выплеснулась наружу.

- Ты их нашел!? Нет! – понесло меня. – Сколько ты поставщиков нашел!? Назови! Молчишь!? Правильно! А ни одного не нашел, вот и молчишь! И даже не пытался искать! Всех их нашел я!

- И что теперь!? – процедил отец. – Надо будет, и еще найдешь! Я твой отец! Я тебя кормлю! А пока я тебя кормлю...

- Кто!? Ты меня кормишь!? – опешил я от услышанного. – Ты меня не кормишь! Я сам себе деньги зарабатываю! Я сам таскаю эти коробки и больше, чем ты таскаю!

- Помолчи! – рявкнул отец.

Я замолк. Мне казалось, я сплю и слышу все это во сне. Я смотрел на отца, хлопал глазами и беззвучно шевелил губами как выброшенная на берег рыба – не мог понять, зачем он говорит такое. Слова отца никак не вязались с тем образом, какой я видел в нем с детства – честного, педантичного и порядочного родителя, вызывавшего непререкаемый авторитет и уважение. Я слушал и не верил ушам своим. Отец грубо передергивал действительность под себя. Никогда прежде подобное не происходило. Да, мы ругались. Иногда, нечасто. Да и то, по каким-то мелочам. Сейчас же произошло нечто другое. Мы обозначили свою разность в видении совместной работы. Более того, отец явно искажал действительность. Случился нонсенс и прецедент одновременно. Я еще не осознал, но что-то важное внутри моего сознания безвозвратно изменилось, и возникла горечь обиды. Обиды на неправду. Все прежнее время я работал самоотверженно, насколько хватало сил и умения. Я не делился – кто сделал больше из двоих, а кто меньше. Просто я точно знал, что сделано мною, а что отцом. И когда в пылу ссоры я озвучил степень своего участия, отец бесцеремонно превратил ее в ничто. Я смутно понимал, что так он повышает степень своего участия, а через нее и собственную значимость. Нечестный ход. Ранее ничего даже близкого отец себе никогда не позволял. Я задумался. То ли мое знание об отце оказалось неполным, то ли я столкнулся с чем-то новым в его характере. «Конкуренция? С кем!? Со мной, с собственным сыном!? Это же глупо». Я гнал неприятную мысль прочь. Примерил ее на себя. Думал ли я когда-либо так по отношению к отцу? Нет. Ведь мы семья и делаем одно общее дело. Надо уважать и ценить труд друг друга. Так меня сам отец и учил. «Но почему он сам не следует своим же понятиям?» Я запутался. На душе стало гадко.

- Умник тут нашелся! – продолжил отец. – Сел бы и покрутил руль! А то устроился удобно, за отцовской спиной! Отец, как дурак, крутит руль, возит его целыми днями, а он только сидит рядом и критикует! Вот когда будешь сам деньги зарабатывать, тогда рот и начнешь открывать! А пока заткнись и сиди молча, пока родители тебя кормят!

В кабине наступила мертвейшая тишина.

- Мы можем поменяться, - негромко произнес я.

Отец зыркнул на меня зло.

- Мы можем поменяться, - повторил я спокойным тоном. – Я буду крутить руль и таскать коробки наравне с тобой. А ты будешь созваниваться со всеми, собирать заказы, бегать с накладными, вести учет на компьютере, приходовать и выбивать накладные, расставлять и собирать товар на складе. Я – за. Мы можем поменяться.

Несколько секунд меня пристально изучал колючий взгляд.

- Не умничай! Сиди, работай! Что делал, то и будешь делать! – отец снова взялся за рычаг передач. – Куда едем!?

- Ты отлично знаешь, куда едем, - спокойно сказал я, уже с осознанным интересом наблюдая за отцом, изучая его реакции.

- Я еще раз спрашиваю – куда едем!? Я не собираюсь тут догадываться! – процедил он сквозь зубы.

- В «Арбалет», - едва улыбнулся я, хотелось засмеяться в голос, но я сдержался.

- Вот так лучше! – отец воткнул первую передачу и «газель» тронулась. – Умничают он тут, сидит! С девочками, с подружками своими будешь умничать.

Я не ответил, отвернулся к окну. Мне было о чем подумать.

Остаток дня прошел напряженно и в скудном общении. Я механически выполнил все, что делал всегда. В «Арбалете» я пошел в офис и продиктовал заказ менеджеру, тот выписал накладную. Я отнес ее на склад кладовщику, махнул отцу – подъезжай. «Газель» подкатила задом к рампе склада и затихла. Я расчехлил тент, нырнул в кузов. Кладовщик подвез полный поддон товара. Отец принялся подавать коробки, я принимал их в кузове и укладывал. После выехали в «Меркурий» и через полчаса были там. Еще полчаса ушло на написание накладной в кабине. Нудное занятие. Отец сидел, опершись локтями на руль, и курил. Я же писал накладную от руки, подложив под нее на колени папку и высчитывая все цены на карманном калькуляторе. Закончив с накладной, я пошел в офис, поднялся на второй этаж к Сене, тот выписал разрешение на разгрузку. С этой бумажкой я обошел все службы базы и вернулся к «газели». Отец сидел в кабине и дремал. Разбудив его, я пошел на склад, занял очередь на выгрузку. Через полчаса предыдущая машина разгрузилась и освободила место. Отец подал «газель» к ленточному конвейеру, я снова расчехлил тент. Конвейер ожил, лента поползла вниз в подвальный склад бытовой химии. Я начал ставить на нее коробки, все подряд. За полчаса товар оказался в подвале. Еще десять минут сдачи мною товара кладовщику, и рабочий день закончен. Я прыгнул в теплую кабину «газели», и та повезла меня домой. Всю дорогу оба молчали. Я не знаю, о чем думал отец и думал ли, может он никогда ни о чем не думал, когда вел машину. Я думал.

До весеннего оживления в торговле оставалось переждать февраль. Месяц выдался солнечным и морозным, дни тянулись однообразно. В какой-то момент яркие лучи солнца вытеснили из кристальной голубизны неба холод, насытили цвет влагой и едва заметно стали пригревать. Утром 24 февраля я плелся на стоянку позади отца метрах в пятидесяти помня о том, что термометр за окном показывал «минус пятнадцать», и что впереди у нас очередной холодный рабочий день. Он таким и вышел. Я прискрипел к «газели», когда отец уже во всю обметал щеткой кабину от снега и при этом курил.

- Давай, я! – выкрикнул я и забрал у отца щетку. – Садись, заводи!

Тот глянул на сигарету, затянулся пару раз, откинул ее и полез в кабину. «Газель» завелась со второй попытки, зарычала громко, схватила холодного воздуха, но удержала обороты и заурчала тише. Работы предстояло много – три оптовых заказа и две накладные на киоски. Минут через сорок мы подкатили к складу. Масло в навесном замке примерзло, я с трудом провернул в нем ключ, со скрипом распахнул ворота и вошел внутрь. Насквозь промерзший к концу зимы, склад все равно создавал неувловимую иллюзию тепла и уюта. Подгоняемые холодом, мы принялись за работу сразу и, ни разу не передохнув, собрали и загрузили товар за час, заполнив кузов до отказа. Отец отогнал машину, я закрыл ворота и нырнул в уже почти остывшую кабину. Печка снова загудела на полную, силясь растопить иней, которым уже схватились все стекла. Я взял скребок и начал ей помогать.

Через сорок минут мы были у киосков.

- Скажи Надежде Петровне и Полине, что мы приехали, пусть приготовятся там, - бросил я отцу, выскочил наружу, расчехлил тент, откинул полог наверх, открыл задний борт, схватил ближнюю коробку и понес к киоскам. До них было метров пятнадцать, я нагнал отца у ближнего киоска Надежды Петровны, бухнул коробку на железный ящик, стоящий перед киоском как раз для таких целей, поздоровался с продавщицей и, сказав отцу: «Я буду носить, а ты помогай им разбирать приход!», пошел обратно.

Мороз не давал стоять ни секунды – я бегал с коробками от «газели» к киоскам, отец вынимал товар из коробок и подавал продавщицам, те рассовывали его по углам и полкам. Управились за полчаса и поехали по оптовым точкам.

В «Оптторге» румяная знакомая тучная кладовщица, завидев нас, рассмеялась.

- О! Такой мороз, а они работают! Толь! – обратилась она к отцу. – Ну, ладно мы, люди подневольные! Ну, а вы то чего!? Сидели бы дома! В такую погоду хозяин собаку на улицу не выгонит, а они прикатили!

- Ничего, ничего! – сказал я. – Работать надо, нечего дома жопу греть!

- Да это ты так миллионером скоро станешь! – рассмеялась та.

- А я и не против! – произнес я, открыл задний борт. – Стану миллионером, брошу все нафиг и уеду в теплую страну!

- Да чего ты там делать-то будешь!? – развела руками кладовщица.

- Да ничего не буду делать! – улыбнулся я, прыгнув в кузов. – Буду целыми днями в одних шортах и шлепанцах сидеть в кресле на веранде своего дома и смотреть на море!

- Давай! – махнула она рукой. – Подай, мечтатель!

Выгрузились. Кладовщица подписала накладные, я сбегал с ними в офис, поставил нужные отметки. На все про все ушло еще минут сорок. Поехали дальше. «Мангуст». Все, то же самое. Сбегав в офис, я получил на накладной в офисе визу на выгрузку, вернулся в «газель». Пропетляли меж складами и пристройками в дальний угол базы, остановились, я побежал искать и нашел знакомого кладовщика.

- Грузчиков нет! – сказал тот и махнул в сторону стоявшей рядом фуры. – Видишь! Мыло, двадцать тонн! А вон еще белизна стоит!

- И как нам быть? – задал я вопрос, ответ на который знал заранее.

- Если хочешь, выгружайте сами, - пожал плечами кладовщик.

Мы так и сделали и управились за полчаса. Едва закрыли борт, отдышались, отец закурил, я принялся зачехлять тент. На морозе он становился совсем негнущимся, дубел сразу. Через десять минут притрусил кладовщик, сунул мне подписанную накладную и побежал к выгружавшейся фуру. Отец докурил. Я нырнул в теплую кабину. Холодно.

- Куда теперь, «Арбалет»? – произнес отец.

- Да, там выгрузимся и загрузимся мылом для Сени и потом домой, - кивнул я и поёжился. Мороз уже начал проникать под одежду и забирать там тепло тела.

Двадцать минут, три светофора – и мы в «Арбалете». Отец притормозил у офиса, я выпрыгнул из кабины и побежал на второй этаж, попав там почти в зимний ботанический сад. В просторном помещении за столами, уставленными растениями в горшках и кадках, сидело с десяток менеджеров. Обстановка походила на санаторную. В неспешном режиме все занимались какими-то делами – один общался по телефону, другой копировал бумаги, большинство же сидело, уставившись в мониторы компьютеров. Флегматичный знакомый менеджер, размеренно кликая мышкой с резиновым выражением лица, играл. Илья сидел рядом и стеклянным взглядом наблюдал за происходящим на мониторе. Мой визит обоих вывел из ступора. Илья подписал накладную на разгрузку, и я побежал на улицу. «Газель» уже стояла у нужного склада. Я нашел кладовщика, тот был поддатый – торчать весь день на морозе, изредка заходя внутрь неотапливаемого склада, и не замерзнуть можно было только с помощью водки.

- Че привез? – глянул на меня кладовщик мутными глазами, услышал ответ, кивнул и ушел, вернулся с поддоном, швырнул его плашмя на пол, махнул мне. – Давай, подавай!

Я нырнул под тент и принялся метать наружу упаковку за упаковкой, радуясь тому, как в плечах зародилось спасительное тепло и потекло по телу. Закончили через полчаса.

- На ту сторону едь, мыло будем грузить, - сказал я отцу, спрыгнул с рампы и снова пошел в офис. «Газель» покатила через весь двор к складу напротив. Забрав накладную у скучающего подле монитора менеджера, я вернулся на улицу, нашел кладовщика нужного склада и сунул ему документ. «Сейчас соберу», - буркнул тот и ушел.

Прошло минут десять, я начал было подмерзать, как, наконец, кладовщик выкатил поддон с товаром. «Хоть покидаю коробки, согреюсь», - обрадовался я и нырнул в кузов.

Управились за пятнадцать минут. Отец подавал снаружи, а я укладывал. Закончив, вернулся на рампу, распрямился, спина натружено заныла.

- В «Меркурий»? – уточнил отец, едва я вслед за ним юркнул в кабину.

- В «Меркурий», - кивнул я.

Стекла изнутри успели подмерзнуть. Снова началась канитель со скребком. Отец вел машину, я очищал стекло. Полчаса и мы на месте. Внутренний двор базы был забит машинами, на выгрузку к ленте транспортера маячила очередь. Найдя свободное место, отец аккуратно вполз туда на «газели». Я выскочил из кабины.

- Ну что там? – произнес отец, едва я вернулся.

- Три машины перед нами, - сказал я, доставая чистые бланки, предстояла самая нудная часть работы – выписка накладной от руки. Два бланка, копировальный лист меж ними, калькулятор, ручка – я положил перед собой накладную из «Мангуста» и принялся писать свою. Отец глянул на мою возню и предложил помощь – принялся высчитывать на калькуляторе цены и сообщать мне. Он ткнул несколько раз в кнопки, экран калькулятора высветил цифру, отец замер.

- Черт, - выругался он тихо и отставил калькулятор дальше от глаз. У отца всегда было идеальное зрение. У меня же небольшая близорукость с середины школы. Она мне не мешала, но иногда я ощущал, что полноценное зрение – это здорово. В каком-то умном журнале я вычитал, что после сорока пяти глазное яблоко начинает усыхать, вместе с этим меняется и зрение. Нормальное уходит в дальнорукость, а у близоруких острота зрения

стремится к норме. Отец, услышав о статье, тогда посмеялся надо мною, а уже через год ощутил изменения и к своим пятидесяти двум годам уже не мог читать вблизи без очков.

Я глянул на отца. Тот отодвинул от себя калькулятор почти на вытянутую руку.

- Ничего не вижу, - буркнул он и нацепил очки на нос. – Еще раз, какая там цена?

Я терпеливо повторил. Отец стал тыкать в калькулятор заново, очень медленно и будто осторожно. Я ждал. Наконец, отец произнес итоговую цифру, которую я записал и тут же выдал следующую. Все повторилось так же старательно и так же медленно. Отец выдал итог расчета. Я записал и глянул на накладную, которую предстояло переписать – тридцать две позиции. Мы потратили около четырех минут на две из них. «Еще час писать цены в накладной, а после просчитывать построчно суммы и итог внизу? Нет уж, увольте! Так мы пропустим свою очередь точно». Я забрал калькулятор и принялся все делать сам. Отец подпер подбородок рукой и уставился сквозь лобовое стекло куда-то в одну точку.

Покончив с накладной за двадцать минут, я пошел к Сене. В шумном торговом зале народ сновал туда-сюда. Директор, бухгалтерия, служба сертификации – я обошел все эти кабинеты, пересек торговый зал и затопал по лестнице вверх. Дверь в кабинет Сени была открыта настежь. Оттуда несся его низкий голос, сообщавший с участием матерных слов телефонному собеседнику, что предлагаемая цена на сахар высока.

Минут через десять я вернулся в машину с визой Сени на «бегунке» и разрешением на получение денег, протянул бумажку отцу, произнес:

- На, держи! Сходи пока получи, наша очередь еще явно не скоро.

Минут двадцать я просидел один. От склада отъехала первая машина, на разгрузку встала следующая. Я глянул на часы – 17:20. «До шести не успеем, но до семи должны разгрузиться», - подумал я и почти задремал. Тут же вернулся отец.

- Получил? – буркнул я.

- Да, - сказал отец, полез за сигаретой, приоткрыл окно и снова закурил. Я глянул в сторону склада. Около транспортера крутилось подозрительно много людей.

- Что это там случилось? Пойду, схожу, – произнес я и вскоре вернулся.

- Что там? – сказал отец, едва я сел внутрь.

- Болт срезало, - выдал я зло, раздосадованный тем, что ремонт транспортера – это, со слов чинившего его рабочего, еще полчаса ожидания.

- Что за болт? – отец уставился на меня удивленно.

Я рассказал.

Отец выслушал и начал подробно рассказывать и доказывать, как неправильно устроена конструкция транспортера и как надо было сделать. Долго, подробно, занудно. Тут же жутко захотелось выйти из кабины. Но снаружи стоял сильный мороз.

- Пойду, посмотрю, что там и как, - не выдержал все-же я через минуту.

- Заканчиваю, минут через пять заработает! – ответил все тот же рабочий, усердно стучавший кувалдой по проблемному месту. К отцу возвращаться не хотелось, я поплелся в торговый зал. Потолкался там немного в тепле и среди толпящегося народа и вернулся к транспортеру. Тот уже во всю скрежетал, затягивая лентой в подвал коробки. Подмерзнув, я вернулся в «газель». Отец дремал. Я еще дважды подходил к транспортеру, в надежде, что вот-вот наступит наша очередь, но случилось это лишь в семь вечера. Солнце село, на город падала ночь. «Быстрее разгрузиться, и домой! Замерз как собака», - подумал я, едва «газель» подкатила к транспортеру. Тот закрутился, я открыл борт и принялся энергично набрасывать на ползущую в чрево склада ленту десятикилограммовые коробки с мылом.

Выгрузились за полчаса. Еще десять минут я сдавал товар, после пошел в бухгалтерию, отметил накладную там. Выйдя из офиса базы я почувствовал облегчения от окончания долгого холодного рабочего дня и направился к машине.

- Все! – гаркнул я, сев в кабину. – Домой!

Отец завел не успевший остыть двигатель, мы выехали из «Меркурия» в 19:55 при свете фар в уже опустившуюся на город ночную темноту. Сорок минут езды до стоянки, пешком от нее домой еще десять. Шли устало, почти молча, но радостно. Вся работа была выполнена, ушел еще один зимний и очень морозный день. Борясь с проникшим под кожу холодом, я шел по тропинке сквозь поле снега и рисовал в голове ванну полную горячей воды. Даже при отсветах городских огней, небо щедро искрило яркими звездами. Поодаль труба котельной выпускала белый дым вертикально вверх. «Завтра будет еще холоднее, хорошо, что сегодня все отвезли, и розницу завезли, завтра отсидимся дома, а через день может и потеплеет», - обнадеживая себя, подумал я и вдруг понял, что весь день ничего не ел. Сразу же занял желудок.

- Есть охота уже, - бросил я фразу в спину шедшего первым отца.

- И мне охота, - прозвучал ответ. – С утра все доели, но мать должна была сходить купить продуктов и приготовить что-нибудь. Я деньги оставлял ей.

«Скоро буду дома. Там тепло». Вошли в подъезд, уже тепло. Мы у лифта. Вроде бы шли от стоянки всего ничего, но у отца лицо снова красное. «У меня наверное такое же». Приехал лифт. Поднялись на нем на этаж. Отец нажал на звонок. За дверью послышались шаги. Дверь открылась. Мы устало вошли в квартиру. Мать молча повернулась и пошла прочь по коридору. Я принялся раздеваться, стараясь скорее скинуть холодную верхнюю одежду. Оставшись без нее, в теплых штанах и свитере я ощутил, как мелко трясусь всем телом, чувствуя холод внутри себя. Пальцы ног с трудом сгибались. Я промерз насквозь. «Скорей бы в ванну». Я принялся через свитер растирать плечи, и тепло медленно потекло по рукам. Отец снял пуховик, пошел на кухню, я следом. Думалось только о еде.

- Что там у нас есть поесть!? – бодро произнес я.

Отец глянул на пустую плиту, бросил взгляд на стол. Я посмотрел туда же. Деньги на покупку продуктов лежали нетронутыми. Отец открыл холодильник, закрыл и пошел в дальнюю комнату. Я за ним. Отец распахнул дверь комнаты, замер и удивленно произнес:

- А ты что, не ходила за продуктами?

- Нет! – прозвучал грубый и резкий ответ.

Я глянул в комнату через плечо отца, мать сидела на диване и смотрела телевизор.

- А почему!? – недоуменно произнес отец.

- Не захотела!! – почти выкрикнула мать.

Я смотрел на ее лицо, вмиг ставшее злым и обострившимся.

- Ма, а чего ты ничего поесть не сготовила? – добавил я.

- Вам только жрать готовить, да стирать, да убирать за вами!!! – сорвалась мать, вскочила и ринулась из комнаты, в проеме двери грубо пихнула отца в грудь, прошипела «пусти», и ушла по коридору на кухню.

Я застыл в недоумении. Лицо отца вытянулось не меньше. Случилось нечто новое. Мы уже свыклись с регулярными срывами матери в наш адрес. После них она отходила, и обычная жизнь возобновлялась. Но, чтоб мать не приготовила ужин к нашему приходу с работы – такого не случалось.

Мы с отцом переглянулись. Я пошел на кухню, отец позади.

- Ма, ты чего это такое говоришь? – сказал я. – Мы есть ходим, весь день работали. Что не так?

- Все так!!! – закричала та, мечась в тесной кухне. Схватила стул, приподняла чуть от пола и с грохотом поставила обратно. – Вам все так!!! Только и знаете, что жрать давай вам!!! Нашли повариху себе!!! Берите, вон, и сами себе готовьте, стирайте, убирайте!!! Я не собираюсь больше на вас горбатиться!!!

Я ничего не понимал. Стоял и смотрел, как мать заламывает себе в истерике руки.

- Да что случилось? – раздался позади голос отца.

- Да ты вообще заткнись, нахер!!! – мать несло. – Бизмисмен херов!!! Вон, другие уже давно себе «мерседесы» понакупили, квартиры пообставили, а этот все зарабатывает, да никак не заработает!!! Деньги выдает по копейке, только чтоб мать жрачку купила!!! А потом стояла весь день у плиты!!! И стирала трусы ваши грязные!!! Ремонт в квартире не можем сделать уже который год!! Все денег нет!!

- Ма, да ты чего? – произнес я, растерявшийся в сюрреализме происходящего.

- И ты заткнись!!! – заорала та на меня. – Такой же хитрожопый, как и твой отец!!! Устроился рядом с папочкой любимым!!! Нашел теплое место!! Нет, чтоб идти работать, бегаешь за ним, ни хера не хочешь делать!!

Во мне все закипело. Злость, обида. Все смешалось. Я не понимал происходящего.

- Ну все! Заканчивай, давай! – не выдержал отец и вошел, обойдя меня, на кухню.

- Ты мне не «всекай»!!! – бешено заорала мать. – Понял!!! Ты!!! Козел!!!

Отец попытался взять ее под локоть. Мать вырвалась резким движением, ударила его в грудь кулаком, отпихнула и снова заорала: «Не трогай меня!!! А то я сейчас!!!»

Глаза матери, будто загнанно, шарили по кухне, ища, чтобы схватить. Отец сделал движение ей навстречу.

- Уйди от меня!!! – заголосила мать.

«Болезнь что ли...?», - мелькнуло в моей голове. Мать замахнулась на отца, тот отпрянул. Она кинулась к выходу, отпихнула меня в дверном проеме и убежала к себе.

- Что это с ней? – уставился я на отца.

- Эх, - отмахнулся тот, заиграв желваками.

Кривая неловкость повисла в воздухе.

- Ну, чего, придется самим варить себе ужин, - сказал я.

Отец шумно выдохнул, почесал в затылке, растерянно закряхтел.

- Да уж, - выдавил он. – Теперь придется, конечно.

Снова возникшая пауза гнетуще давила тишиной.

- Ладно! – сказал я. – Давай, я схожу в магазин, ты пока иди в ванну, грейся там. Я вернусь, ты чего-нибудь сготовишь, а я полезу в ванну как раз.

Отец согласился. Я взял деньги, неохотно натянул все еще прохладный пуховик и вышел. Снова холод. Мысли замерли. Я пошел в темноту, вжав лицо в воротник. Мысли разрывались между едой и горячей ванной. Есть хотелось нестерпимо, заныл желудок. Я попытался проанализировать случившееся, но не смог. Настроение тут же испортилось. Я постарался отвлечься. Покупки сделал машинально и вернулся домой. Разделся. Отец уже вышел из ванной комнаты, распаренный и довольный. Я шмыгнул на его место. Разделся. Руки и ноги покрылись «гусиной кожей». Пальцы на ногах были иссиня-зеленого цвета и почти ледяные. Я заткнул ванну пробкой, включил напор горячей воды и, не дожидаясь, когда наполнится ванна, юркнул в нее. Непередаваемое блаженство! Спина коснулась дна

ванны, ее обнял тонкий слой горячей воды. Я старался вжаться в него как можно сильнее. Не помещаясь в ванне, ноги торчали синюшными коленками вверх. «Гусиная кожа» стала крупнее. Я закрыл глаза и откинул голову. Струя воды гулко била в дно ванны, вибрацией распространяя свою силу вокруг меня. Вода поднялась и закрыла уши, наступила тишина. Мерный гул и тепло обволокшей меня воды убаюкивали. Я задремал. Мне увиделось лето. «Всего несколько дней и весна, всего несколько дней и весна, всего несколько...».

ГЛАВА 12

- Сука, блять! – вырвалось у меня, когда мы с отцом покинули офис застройщика, узнав, что торговый центр откроется не в феврале, а возможно, в апреле. Внутри меня все кипело. Едва сели в «газель», отец сразу же закурил, я тоже. Спустя пару минут я немного успокоился и задышал ровно. Ситуацию принялись обсуждать уже дома за ужином.

- Можно остаться в этом торговом центре, а можно забрать аванс и поискать другое место, - произнес я, сидя за кухонным столом, ковыряя яичницу и кусая ржаной хлеб.

После демарша матери с едой у нас стало скудно. Если мы возвращались с работы рано, то отец что-нибудь готовил. Получалось очень вкусно, надо сказать. Я в это время занимался проводками накладных. Иногда мы брали по пути домой курицу-гриль с пивом. Если приходили поздно, сильно уставали и забывали купить курицу, то жарили яичницу и ложились спать, чтоб с утра тоже поесть яичницу.

Отец ел молча. Как всегда размеренно и качественно пережевывая пищу. Я глотал все крупными кусками, жевал наспех, запивал торопливо чаем. Отец всегда ел дольше. Я садился за стол позже него и все равно заканчивал первым.

- Вот у тебя всегда так, - сказал отец, прожевав. – Сначала весь загорисься – давай, давай! Потом, когда что-то случается, снова – давай, давай, но уже назад. Мечешься туда-сюда постоянно! Нет, чтоб нормально подумать.

- А о чем думать!? – вытаращился недоуменно я на него. – Я же тебя не заставлял, не принуждал. Мы вместе решили, что будем арендовать отдел в этом торговом центре! А теперь получается – я – давай, давай!? Интересно ты говоришь!

Я покачал головой и сунул в рот кусок яичницы.

- Думать надо сначала! – продолжал отец. – А то девять тысяч туда, десять тысяч сюда, так на тебя денег не напасешься!

- Каких денег!? – обомлел я. – Ты о чем!? Я сам деньги зарабатываю, я у тебя их не прошу, мы работаем пятьдесят на пятьдесят! Какие девять – туда, десять – сюда!? Если не захотим арендовать отдел, ну, пойдем и заберем обратно свои деньги и все!

- Таких денег! – отец вцепился в меня взглядом ментора. – Транжиришь деньги по своим этим клубам направо и налево!

- Ааа, вон ты о чем! – чуть не поперхнулся едой я.

- Да, все о том же! – жестко добавил отец.

- Ясно, - кивнул я и уткнулся в тарелку, от разговора стало противно. – Могу не ходить никуда, дома буду сидеть.

- Вот и сиди.

- Да куда уж там – сиди! – раздался за моей спиной голос матери.

Я вздрогнул. Мать словно дежурила за углом, вошла на кухню стремительно.

- Как ты что ли он должен сидеть дома!? – вперилась она злым взглядом в отца, нависнув над ним сидящим со своего невысокого роста. – Чтоб таким же как ты жлобом стал!? Какие он у тебя деньги берет!? Он сам зарабатывает! Может еще у тебя разрешения спрашивать!? Он уже взрослый! Пусть куда хочет, туда и ходит! Нечего ему дома сидеть! А то станет таким как ты! Каждую копейку сидишь считаешь как куркуль!

Напор матери привел отца в замешательство – он даже жевать перестал.

- А ты не слушай его, сынок! – мать отмахнулась от отца и глянула на меня. – А то так досидишься дома, станешь таким же, будешь сидеть с кислой мордой и забудешь, как улыбаться! Ходи, куда ходишь!

Мать рубила правду, отец был на редкость неулыбчивым и скудным на эмоции. Я почти не видел его смеющимся от души. Широкая и одновременно сдержанная улыбка – была максимальной его эмоцией. Появляясь на секунду, она сразу торопливо пряталась. Сдержанность отца проявлялась и в волевом контроле негатива. Но когда сила воли кончалась, наступала разрядка. Несколько раз я видел, как гнев буквально разрывал его пополам, перекашивая лицо в дикой злобе и тогда, всем, кто попадался на пути отца, я не завидовал. Раза три причиной гнева становился и я еще в школьные годы, тогда отец принимался бить меня иступленно, но всякий раз меня спасала мать, загораживая собой и оттаскивая отца прочь. Бил он сильно, по-настоящему, как взрослого. Я зажимался в углу с головой и ждал матери. Примерно столько же раз при мне мать и отец крупно ссорились. Однажды мать была особенно несдержанна на слова, отец распустил руки. Он отбил ей почки и что-то повредил, что называется «по-женски». После чего мать сказала, что если он еще ее хоть пальцем тронет, то она зарежет отца спящего. Я видел его глаза во время тех слов, наполненные неподдельным страхом и ужасом. Больше он мать не трогал.

Сдерживаемые эмоции копились в отце. Но яростно выплескивался лишь негатив, позитив же был способен максимум на редкую улыбку.

- Ходи, знакомься, развлекайся! – продолжала махать руками мать, бросая на отца уничтожающие взгляды. – А то молодость кончится, и превратишься вот в него!

- Слушай, ты! – встрепенулся отец.

- Ты мне не тычь!!! – взвилась мать. – Понял!?! Ты мне никто!! Заткнись!!

Отец умолк, заиграл желваками.

- Можешь сцеплять свои зубы! – смотрела мать на реакцию отца с нескрываемым удовольствием. - Хоть обскрипись ими, мне на тебя насрать, куркуль чертов!

Она резко повернулась к холодильнику, открыла его, поковырялась там, хлопнула громко дверцей и, уже выходя из кухни, бросила:

- Вот жрешь яичницу и хорошо! Вот и жри! Так тебе и надо, жлоб!

Я пил чай и ощущал как на голове шевелятся волосы. Семейный кризис грозился перерасти во что-то большее. Отец принялся жевать, задумчиво и медленнее обычного.

- Ладно, - произнес я, когда гнетущее молчание стало невыносимо. – Давай решим все-таки, что будем делать с торговым центром...

- Да что там решать, - выдал из себя отец, закинув ногу на ногу и начав ей нервно дрыгать. – Надо оставаться и все. Другое такое место мы не найдем, а метаться с места на место не лучшее дело.

- Согласен, - хлопнул я ладонью по столу. – Глупо выйдет, ждали столько времени и бросили на полдороге. А вдруг, там торговля хорошая будет. В общем, остаемся!

- Остаемся, - нервно произнес отец, явно думая о выходке матери.

Я допил чай и вышел из кухни, меня ждали компьютер и накладные.

Очередной весенний торговый сезон пришел и обнажил недостатки нашего склада – его крыша местами потекла, а снаружи у ворот собралась талая вода. Каждую ночь она замерзала, и по утрам мы выдалбливали нижние края ворот изо льда. Полчаса минимум. Лом и вперед. И так до конца марта.

Продажи резко пошли вверх. «Меркурий» и «Пересвет» принялись так поедать бартерный товар, что нам вновь его стало не хватать. И опять выхода виделось два. Либо включить в бартерную схему новых оптовиков. Но в городе таковых почти не осталось. Лишь «Родной край» приходил на ум. Фирма продолжала удивлять скоростью роста, ее будто накачивали деньгами. Либо найти нового производителя ликвидного товара. Таких я не видел, а снова раскручивать неизвестный товар не горел желанием. Мысли крутились в голове, но решения не было. Сеня, почувствовав вкус денег, разошелся не на шутку.

- Ты, давай, предлагай! – выдал он возбужденно, когда я в очередной раз прибыл к нему с визитом. – Что там у тебя еще есть, что можешь возить!?

Я стоял посреди кабинета. Сидя за своим столом и высунув от вожделения язык, Сеня торопливо оформлял мою накладную. Я назвал несколько групп товаров, которые мог поставлять кто угодно. Сеня поморщился, я тоже, видя его реакцию.

- Ладно! Мы, знаешь, как сделаем!? – Сеня поджал губу, побарабанил пальцами, раздумывая. – Ты вот сейчас разгрузишься и зайди ко мне, а я за это время тебе накидаю цены и ассортимент по этим группам. Ты и заберешь все сразу, лады!?

Я согласился и пошел на улицу. Наша «газель» уже стояла у склада. Я подошел в момент, когда отец только собирался поставить первую коробку на ленту транспортера.

- Давай, я покидаю, - оттеснил я его и принялся за работу.

Пришел грузчик, глянул в кузов «газели» и позвал из курилки еще одного.

- На, - сунул я ему в руки коробку, отошел в сторону. – Подай.

Едва разгрузка закончилась, я сдал на складе товар и снова пошел в офис.

- Дал мне Сеня бумажки по другим товарам! – выдал я, вернувшись в машину. – Дома посмотрим, что к чему, а завтра обзвоним всех. Цены узнаем, посчитаем, прикинем. Лишнего бартера у нас нет, но отказываться нельзя. Будем выкручиваться.

- Как мы будем выкручиваться? – уставился на меня удивленно отец. – Ты смотри, сейчас там наобещаешь ему с три короба, а потом не получится.

- Получится! – возбужденно возразил я. – Сейчас сезон, пару месяцев товар будет, а там, глядишь, и еще что-нибудь найдем! Может, тот же «Люксхим», наконец, разродится. Козлы, обещают уже целый год. Ладно. Выкрутимся, да, папаня!?

- Да, - бодро с улыбкой кивнул отец. – Куда теперь?

- На рынок теперь! – развел я руками. – Выручку снимем и все, домой.

Через полчаса тряски мы были на месте. 17:45, отец пошел к киоскам. Оставшись в машине, я понял, что устал сильно, обмяк в углу кабины и задремал. Любителя поболтать на пустопорожние темы я не ждал обратно скоро.

- Уснул!? – бросил отец бодрым голосом, через двадцать минут забираясь в кабину.

- Угу, - буркнул я, не открывая глаз.

- Поболтали с Надеждой Петровной! – сказал отец с довольным выражением лица.

Кабина завибрировала от ожившего двигателя, выведя меня из дремы, я сел прямо.

- Ну что, домой!? – радостно добавил отец.

- Ну да, - произнес я вяло.
 - Что-то ты невеселый прям такой!? – все улыбался отец. – Али не выспался!?
 - Есть хочется, желудок болит, - сказал я все так же вяло.
 - Желудок – это плохо, - помрачнел отец. – Сейчас дома супчика поешь.
- Мы поехали.

- Поем, конечно, - промямлил я, поджимая пальцами болевший желудок.

Раньше я не понимал, почему с гастритом или язвой желудка не берут в армию. А получив эти проблемы, все сразу уяснил. Постоянные трудно выносимые боли оказались столь неприятны, что я не мог думать ни о чем другом. Затмевая все, они забирали силы – сначала моральные, а через них и физические. Боли порождали раздражение от бессилия немедленно их прекратить, разве что только лекарствами.

Мы доехали до стоянки и прошли полдороги до дома в полном молчании.

- Сильно болит? – произнес отец.

- Так... нормально, - через раздражение выдавил я, чувствуя, как меня мутит.

Мать, едва открыв после звонка дверь, демонстративно ушла в дальнюю комнату. Мы с отцом разделились, помыли руки и пошли есть. Днем раньше отец сварил отличный суп. Он хорошо готовил, я же в этом деле был безрукий. Что-то простое вроде яичницы – было потолком моих поварских умений. В семье с последней ссоры произошли изменения – отец с матерью разошлись жить по разным комнатам. Отец остался в солнечной комнате с балконом. Мать перешла в бывшую детскую напротив. Шкаф, кровать, трюмо – все, что было из мебели в той полупустой комнате. Единственный телевизор, старый с подсевшим кинескопом, остался в комнате отца. В наше отсутствие мать сидела там и днями напролет смотрела в тусклый экран. Едва мы вечером возвращались, она, ворча, уходила к себе и ворочалась на скрипящей кровати до полуночи, пока не засыпала.

Я жил в зале. Линия раздела пролегла даже через холодильник. Мать стала хранить продукты и питаться отдельно. Мы же теперь убирались в квартире, стирали и готовили себе сами. Мать демонстративно с нами не общалась, заговаривая лишь по нужде. Я был согласен и на такое ее поведение, лишь бы в семье, наконец, закончились ссоры и дразги.

Меня мучило. Суп застрял посреди груди и никак не хотел уходить вниз. Началась изжога. Я некоторое время терпел, сидя за компьютером и занимаясь текущими бумагами. Через час тяжесть в груди ослабла, я выпил сироп, и меня замутило сильнее. Отец спал. Из комнаты матери тоже не доносилось ни звука. Мучительная изжога и подступивший под горло ком не давали заснуть. Я прошел в туалет, меня тут же вывернуло наизнанку. Боль и тяжесть отступили, стало легче. Я доплелся к кровати, обессилено лег на нее и уснул.

В апреле я снова вспомнил о «Родном крае», хотелось уже, наконец, увидеть его неуловимого директора. После очередной выгрузки в «Мангусте» мы нанесли ему визит.

«О, какой мелкий!» - подумал я, едва девушка из торгового зала откликнулась на мою просьбу и привела за собой директора. Ростом около метра шестидесяти, стриженный «под ноль» и с кислой физиономией, он был одет в кремовую тройку и белую рубашку без галстука. Маленькие пухлые ручки мужчины сжимали затертую черную барсетку, символ начавшей отходить моды. С грустными и воровато-стесняющимися бегающими глазками он подошел к нам и что-то буркнул. Я не расслышал, протянул руку первым и произнес:

«Здрасьте!» Мужчина снова буркнул и будто нехотя с ленцой протянул мне свою ручку. Я пожал ее аккуратно. Следом пожал отец. Директор вздохнул и произнес: «Что там у вас?»

Я достал прайс, вручил ему, поставил коробку с образцами товара на стол и минут пять активно рассказывал о нем. Директор лениво перемещал взгляд по прайсу, крутил в руках флаконы, его лицо скисало прямо на глазах.

- Ну хорошо, оставьте, - смирился директор с моей настойчивостью, всем видом показывая, что визит наш – пустое занятие.

Мы распрощались и вышли на улицу.

- Да, тяжелый случай, - выдавил я из себя. – С таким трудно будет кашу сварить. Ну, ладно. Будем долбить, приезжать каждую неделю, пока не согласится взять товар.

Отец промолчал. Мы подошли к «газели», сели внутрь, открыли окна, закурили. Я осмотрел двор. Суеты у складов стало больше. Объем товаров в складах вырос. Подле нас стояла пара новых фур.

- А «Родной край» растет потихоньку, - озвучил я мысли.

- Да, растет, народу трудится уже больше, - произнес отец и завел «газель».

- И откуда только деньги у него? – добавил я уже на ходу. – Не пойму.

Новый менеджер «Арбалета», тот самый незаметный Илья с бегающими глазками, открыл свою розничную точку. Он поделился секретом со мной полусшепотом, когда я в очередной визит ввалился в менеджерский офис и увидел сияющее лицо Ильи. Соседний стул его флегматичного напарника пустовал, тот ушел на обед.

- Да ладно!? Че, правда что ли!? – удивился я.

- Ну да, - с легким налетом ленцы и важности подтвердил Илья.

О! Ничего себе! Поздравляю! А что за розница? Магазин? Отдел? А где? – засыпал я менеджера вопросами, которые пришлись тому явно по душе.

С напарником, таким же менеджером той же фирмы, Илья арендовал магазинчик в центре города. Скучных сведений мне было достаточно, чтобы в секунду понять принцип работы его магазина. Илья пошел по самой простой схеме – брать товар с максимальной отсрочкой платежа и по оптовым ценам в фирме, где он работал, и сбывать его в розницу. Идея была незамысловата и пряма как лом, и оттого нежизнеспособна. Такой магазин мог давать прибыль только при условии высокой проходимости, даже максимальные скидки не позволяли получать прибыль с любой розничной точки уже при средней активности покупателей. На опыте с нашими киосками я знал это точно. Бартер был тем невидимым потоком, который питал наш бизнес. У Ильи его не было, парень явно ступил на хлипкую дорожку. Тем не менее, я искренне пожелал успехов.

Ага! – принял пожелания Ильи, кивнул, выпрямился на стуле, подмигнул мне и, чуть задрвав подбородок, добавил: «Не только же вам одним розницу открывать!»

Оба засмеялись, распрощались, и я пошел на склад. «Газель» уже выгружалась, из кузова по одной вылетали коробки, их ловил грузчик и укладывал тут же на поддон.

- Давай, я покидаю! – заменил я отца в кузове, всучил ему накладные. – На, держи. Разгрузившись, мы поехали к следующему клиенту. Я сообщил отцу новость.

- Да ты что!? – удивился он. – Вот так Илюха! Не ожидал от него! А с виду так не скажешь! Вроде сидит там на своем стульчике тихонько, а тут, раз, и магазин открыл!

- Так что, не нам одним магазины открывать, понял! – добавил я.

- Это точно! Видишь, как Илюхе в душу запали наши киоски! – произнес отец.

- Щас откроем третью точку в торговом центре, так он вообще от зависти опухнет!
– выдал довольно я, задумался и добавил. – Хотя, не! Не будем говорить... А то он спать еще перестанет!

- Ну, тоже верно, кстати, - кивнул отец.

Работы в новом торговом центре кипели, вокруг уже лежал асфальт – все шло к тому, что в конце апреля он откроется. Пора было подумать о торговом оборудовании.

- Закажем в «Оптторге» по бартеру, - предложил я отцу. – У них как раз есть своя столлярка, шлепают там из ДСП все подряд. И нам стеллажи сделают.

- Как они нам сделают стеллажи по бартеру, если мы работаем с ними по бытовой химии? – устался на меня отец, потягивая утром на кухне кофе.

- А какая им разница, что отдавать по бартеру!? – устался в свою очередь я на него. – Это их подразделение, по бухгалтерии провести они это смогут.

- С чего ты решил, что смогут? – пялился на меня удивленно отец.

Я начал раздражаться. Отец не впервые скептически воспринял очередное мое нестандартное предложение. В его голове будто стоял шаблон из наработанных действий, и любому новому там не находилось места. Всякий раз мне приходилось, словно насильно вживлять все новое в голову отца, тогда он, тщательно подумав, соглашался. Отец не был открыт новым идеям, принимал их с трудом. Отсутствие ли природной гибкости в мыслях породило в нем чрезмерную осторожность или наоборот, осмотрительность убила креатив – я не знал. Но особенность характера была такова – на дороге жизни отец пользовался лишь проверенными путями. Бизнес же наш требовал сплошь гибкости и оригинальности, только так мы могли удержаться на плаву и развиваться. Мы обязаны были использовать любую возможность увеличения дохода или сокращения расходов. Увидев возможность сократить расходы, я поделился ей с отцом. И мозги его в очередной раз туго закрипели. Сделав заказ через бартер, мы сэкономили треть суммы. К таким простым решениям отца нужно было подвести, он их не видел. Услышав же доходчивое разъяснение, отец начинал возражать, сомневаться и в итоге соглашался. Сначала я не замечал его тугодумия, позже стал неосознанно раздражаться в схожих спорах, а поняв причину своего раздражения и особенность характера отца, стал тяготиться споров. Они меня выматывали, каждый раз я тратил силы, чтобы сдвинуть отца, как камень, вперед. Моя ментальная усталость росла, и весной 2004 года в моем восприятии отца возникла критичность – я подверг сомнению его лидерство в нашем деле. Трещинки в образе отца побежали незаметно, и выводы меня не обрадовали. Я стал замечать, что отец нерасторопен, консервативен, негибок в мыслях и пассивен в генерации решений. И главный вывод, к которому я пришел – отец не являлся лидером по характеру, коим я его представлял. Он не вел меня за собой, а плелся рядом, периодически покрикивая и одергивая, если я переходил на жизненный бег.

- Да ничего я не решил! – вспыхнул я. – Просто надо пообщаться с ними и все!

- Ну, вот пообщайся, а потом уже говори! – строго посмотрел на меня отец.

- Ясен пень, пообщаюсь! – сдерживал я гнев. – Завтра поедем туда, я и поговорю.

Все получилось. Мы заказали изготовление торгового оборудования в «Оптторге» и сэкономили десять тысяч.

В середине месяца мы снова заехали в «Родной край», директор оказался на месте, и мы напрямиком направились в его кабинет. Прямоугольный, метров в тридцать площадью,

кабинет был занят длинным массивным столом, во главе которого на большом и солидном кожаном кресле восседал пухленький человечек. По обе стороны стола стояли стулья.

- Здрасьте! – гаркнул я с порога и плюхнулся на ближайший стул.

Человечек что-то буркнул и растерянно заморгал, словно попал в ловушку, забегал взглядом между мною и отцом, который сел по другую сторону стола.

- Мы к вам пришли вот по какому вопросу! – взял я, что называется, быка за рога, интуитивно выбрав единственно уместную тактику. – Неделю назад...

Я сжато выдал причину визита. В процессе монолога внешне человечек пришел в норму – расслабился и принялся рассеянно крутить в руках канцелярскую скрепку.

Я закончил.

- Хорошо, - еле слышно произнес директор. – Мы рассмотрим ваше предложение...

- Когда нам заехать!? – бесцеремонно перебил я.

- Где-то через недельку, - тем же тоном добавил тот.

- Хорошо! Через неделю мы у вас! – подытожил я, встал. – До встречи!

Отец тоже встал. Человечек что-то буркнул.

- До свидания, - выдавил отец и прокашлялся.

Мы вышли.

- Через неделю заедем сюда обязательно! – произнес, едва мы покинули кабинет. – Надо дожать этого упыря...

Растущий сбыт бартерного товара вынуждал нас вовлекать в обменную схему всех подряд. Я задумался об оптовиках средней руки. Самый интересный товар из середняков был у «Саши». Эта фирма была дилером нескольких крупных производств, в том числе «Аэросиба» – одного из трех крупнейших производителей аэрозолей в стране. Лидером же являлся «Арбалет», продукцию которого эксклюзивно продавала одноименная фирма. У «Саши» был эксклюзив на «Аэросиб». Продукцию третьего завода на равных условиях продавали обе фирмы. Когда я узнал все эти нюансы, стало ясно – самым жирным куском, на котором держался бизнес «Саши», был именно «Аэросиб». Из всего товара «Аэросиба» круглый год хорошо продавались лишь освежители воздуха и летом, в сезон, дихлофосы.

- Да, алло! – ответил я на утренний звонок мобильного.

- Алло, Ром, привет, - раздался на том конце приятный, немного вкрадчивый голос менеджера «Саши». Он звучал поразительно мягко. Казалось, его обладатель стесняется самого факта звонка и причиненного им беспокойства. Речь слегка запинаясь, голос чуть дрожал, ничего не требовал, а лишь стеснительно уточнял, могу ли я подвезти очередную партию товара, а то прежняя уже кончилась. Мне было удивительно слышать такой тон от менеджера более крупной фирмы. Я привык к холодному, иногда пренебрежительному, деловому общению. Хотя со временем с большинством менеджеров установились вполне теплые и доверительные деловые отношения. Но Сергей с первой минуты общения явил большую учтивость, чем расположил к себе лично меня сразу. Мой настрой сказался и на работе – поездки в «Сашу» были внутренне приятны. С фирмой хотелось сотрудничать.

- Привет, Серый! – бодро выдал я в предчувствии заказа.

- У меня тут синечка закончилась, у тебя есть еще? – продолжил голос мягко.

- Да, Серый, есть, полно! Тебе сколько надо? – уточнил я.

- Да мне бы коробочек пятнадцать...

- Хорошо, привезем! – довольно произнес я.

Сергей тут же предусмотрительно сообщил, что фирма «Саша» переехала на новое место и назвал адрес, который мне был совершенно незнаком.

- Я знаю, где это, - сказал отец. – Примерно представляю.

Во второй половине следующего дня мы с последним заказом покатали в «Сашу». «Гетто какое-то», - подумалось мне, едва мы переехали мост и углубились в жилые дворы одного из районов левого берега. За окном сплошь тянулись старые облезлые «хрущевки». Активный ритм жизни, бурливший на правом берегу, тут не чувствовался совсем. Время здесь словно замерло – мы будто вернулись на десять лет в прошлое. Полная разруха и удручающее зрелище. Дома по обе стороны дороги глазели на нас облупленными окнами с грязными стеклами и нависали над дорогой лохмотьями стен в старой краске. Метрах в пяти перед нашим капотом медленно, словно в фильме про зомби, прошел плохо и грязно одетый мужик со стеклянным взглядом. Отец сбавил скорость. Мужик брел в тот проулок, куда собирались свернуть и мы. Поодаль с разных сторон туда же волоклись еще трое.

- О! Какой бухой чувак! – воскликнул я. – Не иначе, как разливуха рядом!

Еще один алкаш сидел под стеной дома, двое валялись у лавки, один спал в кустах.

- Да, похоже на то, - задумчиво произнес отец, притормаживая.

- О! Вот и разливуха! – крикнул я, едва «Газель» скатилась с дороги вправо.

На дальней стене дома висела железная дверь, ведущая в комнатку с замызганными окошками – лавку по продаже алкоголя на разлив. Мы медленно проехали мимо, глядя на людей, потерявших в себе всякие остатки личности. Вместе с домом кончился и асфальт.

- Вон, похоже, бывший садик! – воскликнул я, увидев новый металлический забор и возвышающуюся за ним шиферную крышу здания. – Давай, туда, па!

Ворота в линии забора были распахнуты. Мы протряслись еще метров тридцать по земле и въехали внутрь территории. Двухэтажное здание с двумя мансардами по бокам по конструкции напоминало старую помещицью усадьбу. Правая мансарда была переделана под капитальную пристройку с глухими кирпичными стенами. Левая пребывала в ветхом состоянии. Кое-где на здании виднелись следы проведенных работ по его воскрешению – новые окна; новая, одна из двух, входная дверь; перекрытая лоскутами нового шифера крыша. Вся территория вокруг была с зачатками порядка и уборки. Перед зданием стояли две машины – новая «Audi A6» и подержанная «Toyota Corolla». Мы притормозили рядом, и я пошел в здание, поднялся на второй этаж. Внутри пахло краской. Миновав комнату, за распахнутой дверью которой мелькнули столы с компьютерами и сидящие за ними три девушки, я вошел в просторный торговый зал. «Неплохо», - подумал я, начал озираться, и уперся взглядом в подошедшего вдруг Сергея. Мы поздоровались. Я протянул менеджеру накладную, тот принялся изучать ее, а я его.

«Странно, какие у него непропорционально большие плечи», - подумал я, заметив, насколько пиджак из плотной ткани их зрительно увеличивает. «И голова...», - мелькнуло в голове следом. «И губы ужасно толстые и крупные». Я удивился новому восприятию Сергея, помня прежний образ двухлетней давности приятного подтянутого смуглого, даже красивого парня. А тут вдруг образ распался на отдельные фрагменты. Пиджак, в котором при своем среднем росте Сергей походил на квадратную тумбу. Крупная вытянутая вниз оплывшим двойным подбородком голова. Губы – большие, широкие, мясистые – они так сильно выпирали на лице, что казалось, есть они и все остальное. Средний аккуратный нос. Слегка раскосые глаза, великоватые относительно носа, но уступающие в пропорциях губам. Тусклый, будто потухший, взгляд в обрамлении серой радуги оболочки. Высотой в

три пальца низкий и покатый лоб. Сильно развитые надбровные дуги чрезмерно выпирали из зачаточного лба. Стриженные под машинку темные прямые волосы с легкой сединой на висках. «То ли он всегда так выглядел, то ли так изменился», - озадаченно подумал я.

- Что-нибудь брать будешь? – произнес Сергей, оторвав взгляд от накладной.

- Да, вот, - протянул я бумажку с заранее написанным заказом.

- Давай, сразу пробью, и пойдешь разгружаться, а кладовщики как раз соберут за это время, - сказал Сергей и сел за пустовавший в торговом зале компьютер. Я подошел ближе. Поерзав на стуле, Сергей стал вглядываться в экран, при этом будто осторожно трогая мышку рукой.

- Кать, а где у нас тут программа торговая? – крикнул он через минуту в сторону соседней комнаты, той самой, что я миновал ранее. – Ты из нее вышла что ли?

Подошла девушка. Взялась за мышку, покликнув, запустила нужную программу.

- Вот, - произнесла она и ушла обратно.

- А, да, - Сергей напряженно всматривался в экран. – Аха, понял, спасибо, Кать.

Рука его зависла над мышкой, мелко дрожа, чуть сдвинула ее в сторону, кликнула кнопкой. «И чего он так медленно все делает?» - удивился я.

- Так, сейчас, скидку тебе выставлю, - произнес Сергей, и его трясущиеся пальцы начали медленно тыкать по клавишам, в точности так, как если бы делали это впервые.

Устав стоять, я принялся слоняться вдоль витрин торгового зала.

- Так, выставил, аха, сейчас выбью тебе, что ты заказал, - донеслось от компьютера. – Освежители заказал. А что остальные не берешь аэрозоли, вот для кухни, для плит?

- А что, хорошо продаются? – уточнил я, стоя спиной к Сергею у дальних витрин.

- Да, хорошо. Можешь взять, попробовывать, в розницу поставишь, - произнес тот. – Пробить по коробочке?

- Да не, не надо, - не меняя позы сказал я, отлично зная, что предлагаемый товар – «висяк», который зависнет в обороте и не продается. – Пробей только то, что я написал.

- Хорошо, - донеслось в спину.

Я обернулся и неспешно направился к Сергею. Тот все продолжал медленно тыкать в клавиши, шевеля губами при чтении моего заказа.

- Так, пробил, - выдавил он из себя через пять минут, вытирая лоб ладонью, и снова крикнул в комнату. – Кать, а как из набора выйти в накладную и распечатать?

Девушка подошла, запорхала пальцами по клавишам, принтер засвистел, утащил в себя из лотка чистый лист бумаги и вернул его уже накладной. Девушка молча ушла.

- А, да, вспомнил, - замялся Сергей. – Да, так. Хорошо, аха, Кать.

«Странно, столько лет работать и не уметь набрать накладную», - снова удивился я.

- Подъезжай, пока разгружайся! – сказал Сергей мне, сгребая все документы вместе разом. – А я кладовщику накладные отнесу.

Я кивнул и вышел на улицу. Отец подогнал «газель» к окну выдачи и приемки, и я принялся выгружать туда заказ. Закончив, я едва успел сунуть накладную в карман, как мне в руки уже плюхнулись первые две коробки с освежителями воздуха. Я отправил их в кузов. Коробки пошли потоком. Снова две коробки освежителей. Еще две. Еще. Коробка антистатика и две коробки лака. Две коробки еще. «Это что за коробки? Непонятные какие-то», - мелькнуло в голове. Я принял их автоматически и поставил в кузов.

- Все! – гаркнул кладовщик. – Проверять будешь!?

- Да, подожди, сейчас быстро гляну, - озадачился я и достал из штанов накладную, пробежал по ней глазами, сверил с коробками в кузове. Я помнил свой заказ отлично. Все было верно, за исключением двух коробок. «Чистящее средство «Антипригар» для плит», - прочитал я наименование про себя.

- Все нормально!? – нетерпеливо произнес кладовщик.

- Сейчас, подожди, - замялся я.

«Я точно не заказывал эти две коробки... Это ж висяк... вообще не продается. Зачем он мне его пробил? Я ж не просил. Сказал же, что ничего, кроме заказа не надо! Странно», - путались в голове мысли. Я глядел на ненужные коробки и не знал, как поступить. Я впервые попал в ситуацию, когда мне подсунили товар. Непонятный ход. В нем не было смысла. Я же мог легко отказаться от этого товара. «Зачем?» - закрутилось в моей голове.

- Все нормально!? – снова раздался над моим ухом голос, кладовщик нетерпеливо забарабанил шариковой ручкой по металлическим перилам.

«Да ладно, заберу эти коробки... Поставлю в киоски. Ну, не продастся, верну, какая разница», - слепил мозг торопливо неудобное решение.

- Да, нормально все, - буркнул растерянно я и закрыл задний борт «газели».

- Ну, давай, пока! – махнул кладовщик рукой и захлопнул ставни.

Все еще находясь в легком недоумении, я сел в кабину и тут же произнес:

- Прикинь, Серый взял, зачем-то пробил две коробки «Антипригара»!

- А зачем? – удивился отец.

- Понятия не имею! – пожал я плечами. – Может, всем так распахивает на пробу?

- Ну, может, - покривился отец в непонимании.

- Да ладно! – отмахнулся я от странного события, кинул накладную на панель. –

Пробьем на розницу, посмотрим, может и продастся, а нет, так вернем ему назад.

- Смотри, как решишь, так решишь, - пожал безразлично отец плечами.

- Хорошо, - согласился я, и мы уехали.

Дней за десять до конца апреля неожиданно объявился коммерческий директор «Люксхима». Он позвонил рано утром и попросил о встрече. Мы встретились с Эдиком в кафе за обедом. Разговор вышел обыденный, о текущих делах. Упомянув «Родной край», я сказал, что переговоры идут тяжело, но мы все-же надеемся дожать директора этой фирмы.

- Надо будет мне заглянуть к нему, пока я здесь, - сказал Эдик.

- Да, заедь, попробуй договориться! – оживился я. – Тебя он может послушать и сразу согласиться! Начнем тогда поставлять ваш товар в «Родной край»!

- Хорошо, Рома, заеду обязательно сегодня! – расплылся в лисьей улыбке Эдик.

Последняя неделя апреля вышла суетливой – мы готовились к открытию торгового центра. В понедельник за два рейса привезли торговое оборудование – витрины-горки и стеллажи, занесли их внутрь вдвоем и установили. Во вторник на входе в центр повесили объявление о продавщицах в отдел, и в среду на него откликнулись две девушки. Среду и четверг мы завозили товар в отдел и готовили его к открытию. Другие арендаторы делали тоже самое. Под конец я обвел усталым взглядом помещение – некогда пустое, теперь оно было сплошь утыкано торговыми секциями. В 10 утра пятницы 30 апреля после получаса скучных официальных речей с трибуны перед главным входом, увешанным воздушными

шарами, торжественное открытие торгового центра свершилось! Толпа повалила внутрь, обеспечив празднично одетым продавцам хорошую дневную выручку.

- Поехали, сгоняем в «Родной край!» – предложил я отцу в полдень, когда первая волна эйфории схлынула. – Последний день перед праздниками же.

Отец согласился, и через полчаса мы были на месте.

- Здравствуйте, чем могу помочь? – улыбнулась мне менеджер торгового зала.

- Здравствуйте! Да хотел узнать ситуацию с нашим коммерческим предложением, ну, вы помните, которое мы делали вам, вашему директору!? – выдал я радостно, будучи в праздничном настроении. «Третью торговую точку открыли! И нее эти старые киоски, а полноценный отдел в новом торговом центре!» - радостно скакали в голове мысли.

- Да, мы будем работать с вашей продукцией, - произнесла девушка, и внутри меня все заликовало с удвоенной силой: «Вот это новость! Не зря заехали! Как чувствовал!»

- Мы уже сделали заказ производителю, - добавила менеджер.

- В смысле??? – оторопел я, уставился на девушку.

- Директор нашел ваше предложение интересным, - спокойно пояснила та. – К нам приезжал представитель производителя, мы заключили договор и теперь будет работать с ним напрямую.

Внутри меня все оборвалось. Я обернулся. Отец стоял позади и почесывал нос.

- Кто приезжал? – выдавил я из себя, понимая, что надо что-то говорить, понимая, что и говорить что-либо уже бессмысленно, а стоять молча, еще глупее. – Эдик?

- Ой, я не знаю, как его зовут, - сказала девушка. – Такой, невысокий, седоватый.

- Эдик, - глянул я на отца, тот кивнул, отвернулся и пошел медленно на выход.

- Хорошо, понятно, - произнес я, пытаюсь собраться с мыслями и угомонить гулко стучащее сердце. – Да, это был он. Надо будет ему позвонить, узнать, что и как. А то, видите, нестыковка получилась какая...

Я развел руками, девушка понимающе улыбнулась.

- Ладно, чего уж теперь, - тяжело выдохнул я, махнул рукой и пошел на выход. На улице солнце ударило в глаза ослепительной яркостью, заставив щуриться. Погода стояла шикарная – чистое и голубое небо, ни ветерка, тепло, чуть за двадцать. Идеально. И всего пять минут назад настроение было испорчено напрочь. Отец невдалеке уже нервно курил. Я закурил не раздумывая.

- Свинья этот Эдик! – выдавил из себя отец. – Больше мне нечего сказать.

- Ну, да, - кивнул я.

С минуту мы курили молча.

- Я не понимаю! – вырвалось у меня. – Как так!? Зачем они так сделали!? Они же нас рубят сзади! Мы так не сможем развиваться! Как же мы будем продавать их товар, если они клиентов отбирают!?

Отец молчал. Во мне все клокотало. Возникло жутко неприятное ощущение удара в спину, я рефлекторно встал ею к стене. Вспомнилась одна история из книги. Во времена Дикого Запада был в Америке бандит. Никак его не могли поймать. Он хорошо стрелял и всегда во всех заведениях садился спиной к стене и лицом ко входу, чтобы все видеть и контролировать. Естественно, его убили в спину, в тот первый и единственный раз, когда он сел ко входу спиной. Мораль – не расслабляйся и не подставляйся. Я докурил.

- Поехали? – выдавил из себя отец, со злостью отшвырнув бычок.

Я кивнул. Предстоящие праздники уже не радовали. Я чувствовал себя собакой, у которой изо рта обманом выхватили с трудом найденную кость. Урок жизни я усвоил.

Все майские праздники мы проторчали с Вовкой в «Чистом небе». Мое внутреннее состояние походило на «отвертку», коктейль, каким я накачивался вечерами в этом клубе: с одной стороны злость на Эдика, с другой – эйфория от открытия первого полноценного торгового отдела. Радость перемешалась с горечью, как водка с соком. Смешались и дни. Я вынырнул из алкогольного угара клуба в последнюю праздничную ночь, оказавшись на свежем воздухе в два часа ночи вместе с закрытием. Рядом дымил Вовка.

- Брошу я курить все-таки, - вдруг произнес он устало.
- Так ты ж уже бросал!? – хохотнул я и затаился.
- Снова брошу, - нахмурился Вовка, и мы побрели к гостинице.
- Да, сигареты – зло! – вздохнул я. – Тоже брошу курить когда-нибудь.
- Жрать охота! – сказал Вовка, и стал наводить рукой круги по пузу.
- И мне есть охота, - почувствовав тут же и я приступ голода.

Через несколько минут мы уже жадно уплетали еду, стоя у круглосуточного киоска фастфуда. Вовка жутко чавкал. Соус тек у него по уголкам рта вниз, крошки хлеба летели во все стороны. Я доел первым, гамбургер забил желудок и застрял, стало тяжело дышать. Я выпил кофе. Не помогло. Ком еды стоял под самым горлом.

- Ну че, поехали!? – гаркнул Вовка.

Я кивнул и глубоко вдохнул, бесполезно. Мы сели к Эдику и поехали. Всю дорогу, не умолкая, Вовка что-то громко тому рассказывал. Меня пробил пот и накатила тошнота.

- Тут тормози, бля! – заорал Вовка, едва мы оказались напротив его переулка.

Машина пискнула тормозами. Пыхтя, Вовка выбрался с переднего сидения, громко попрощался с нами и покосолапил в темноту. Поехали дальше. Я старательно делал вид, что мне нормально, но становилось все хуже. Ком в желудке в такт колесам подпрыгивал на разбитых дорогах города. Время таяло секундами.

- Ты меня к дому не вези, - произнес я буднично. – На дороге останови, я пройду, подышу воздухом.

Эдик кивнул.

Приехали! Я отсчитал деньги, простился с Эдиком, тот укатил. Я огляделся – ни души. Я шагнул к ближайшему кусту, и меня вывернуло фонтаном.

- Блядский желудок, как ты меня заебал уже! – выругался я, облегченно выдохнул и, утирая с лица пот, пошел на ватных ногах домой.

ГЛАВА 13

Торговля в новом отделе пошла туго. Весь май его ежедневная прибыль плавала чуть выше уровня рентабельности. «Ничего, точка новая, нужно два-три месяца, чтобы раскрутиться, надо потерпеть», - успокаивал я себя. Через два отдела от нас на площади в сорок метров располагалась еще одна точка бытовой химии. Я напрасно опасался, что она принадлежит одной из крупных фирм – хозяином отдела был мелкий торговец. «Этого мы должны задавить, через пару месяцев сам сбежит», - подбадривал себя я. Мне казалось, что самый трудный этап наших мытарств в бизнесе кончился и что дальше будет проще –

открывай отделы в торговых центрах и отдельные магазины и все, дело сделано. На волне таких мыслей я предложил отцу открыть еще один отдел.

- Можно открыть, надо только поискать хорошее место, не открывать где попало, - ответил он. – И чтоб не такая дорогая аренда была, как у этого.

- Да она и у этого не такая уж дорогая. Везде средняя цена полторы тысячи за метр, а тут тысяча всего, - возразил я, задумался, вздохнул. – Хотя, и это дорого, еле тянем пока. Ладно, поищем еще торговые площади.

- Только нормально надо искать, а то сейчас начнешь..., я тебя знаю! – сказал отец.

- Чего начну!? – устался я на него.

- Начнешь хватать все подряд, без разбору, первый попавшийся отдел!

- Я чего-то не пойму! – удивленно посмотрел я на отца. – А кто тебе мешает искать нормальный и не первый попавшийся отдел!? Ищи тоже!

Отец замер, переменялся в лице, уставился на меня жестким изучающим взглядом.

- И буду тоже искать! – повысил он тон.

- И ищи! – добавил я, не собираясь отступать.

- И найду! – еще повысил голос отец.

- Ну, и ищи! – рассмеялся я, поняв, что крыть отцу нечем, кроме беспомощного упрямства. – Найдешь, хорошо! Я тебе только спасибо скажу! Нам же лучше.

Отец обдал меня долгим недобрый взглядом, отвернулся, тихо произнес что-то матерное и закурил.

В конце мая мы заехали в «Родной край». Мною двигало желание своими глазами убедиться в том, что «Люксхим» отгрузил свой товар напрямую. Я убедился. Ходил один, отец, закулив, остался в машине. Я же нашел на витринах торгового зала весь ассортимент «Люксхима» и с повторно всколыхнувшимся ощущением предательства вышел на улицу.

Я нажал на звонок. За дверью раздалось топанье и сопение, замок провернулся, и дверь рывком распахнулась.

- Рамзес!!! – заорал Вовка на весь подъезд. – Заходи!!!

Поймав мою руку в рукопожатии, Вовка втащил меня внутрь и захлопнул дверь.

- Давай, разувайся, блять!! Посмотришь мою холостяцкую берлогу! – рявкнул он, уходя вглубь жилища. Вглубь – сильно сказано. Квартира была крохотной: кухня – четыре квадратных метра, комната – пятнадцать, тесная совмещенная уборная размером с кухню и мизерная прихожая. Всего не более тридцати метров.

- Вот моя комната! – Вовка вошел в нее, растопырив руки в стороны. – Тут я сплю!

Справа от входа треть комнаты занимала двуспальная кровать. Напротив нее на стеклянном столике стоял телевизор, полку под ним занимал музыкальный центр, на полу по бокам столика стояли колонки. За кроватью через распахнутую от жары дверь виделся балкон. Слева от входа к стене прислонился шкаф с перекошенными дверями, рядом с ним стоял такой же старый диван в грубой красной ткани с дырами в нескольких местах. Увидев диван, я скривился.

- Да, на нем ты будешь спать, если, блять, вдруг решишь после «Чистого неба» у меня остаться! – заметив мой взгляд, защерился Вовка. – Диван, блять – говно! Пружины, пиздец, торчат под тканью и в жопу впиваются сразу!

- Спасибо, Вова! – изобразил я во взгляде укоризну. – Ты настоящий друг!

- Хы-хы-хы! – закричал тот, одетый лишь в джинсы, смачно почесал нависающий над поясным ремнем волосатый живот и повернулся ко мне такой же волосатой спиной. – Пошли, блять, жрать на кухню и собираться будем в «Небеса»!

Я поплелся за Вовкой в кухню.

- Да это хозяйский диван! Он был тут уже вместе со шкафом! – отмахнулся Вовка и открыл холодильник. – Мое здесь только: кровать, телек и музыкальный центр! И пылесос еще! Чай с колбасой будешь!?

Я кивнул, уселся на стул подле столика сразу у входа в кухню. «Тесно-то как», - подумал я, оглядевшись, пока Вовка громыхал в холодильнике. Столик с двумя стульями, холодильник, кухонный гарнитур, угловая раковина, стиральная машина и газовая плита – места было так мало, что два взрослых человека с трудом могли тут находиться.

- Ну чо, какие там у вас дела!?! – сказал Вовка, поставил чайник и принялся за колбасу. – Как бизнес?

- Да нормально все, - зевнул я.

- Ну, отдел открыли-то!?! – развернулся Вовка ко мне, замер.

- Да, открыли, - кивнул я, почесав ногу у щиколотки. – С начала мая уже работает.

- Ооо!! Буржуи!! – зарычал Вовка, неистово кромсая колбасу и хлеб. – Растете!

- Растем потихоньку. Я вот думаю, еще точку открыть, - сказал я, выпрямившись на хлипком стуле. – Товар на складе есть, деньги позволяют зарыть в оборот еще тыщ сто.

- О! Опасные вы ребята! – Вовка затолкал в рот кусок колбасы, жевнул его пару раз и засмеялся с набитым ртом. – Вы так всех остальных по миру пустите!

- Да хватит тебе! – отмахнулся я. – Розница – для себя. Чем больше своя розница, тем устойчивее фирма.

- Ну, эт да! – прочавкал Вовка, вытер пальцы об пузо и выключил чайник.

Через минуту мы уже уплетали бутерброды из черного хлеба и вареной колбасы.

- Чо там, батя как? – произнес Вовка.

- Да нормально, чего ему сделается, - вяло сказал я, жуя. – Достает иногда своими нравами. Это не так сделал, то не так поставил. Все жизни меня учит.

- Ну, эт да, - смачно отхлебнул Вовка чай из большой кружки. – Отец у тебя такой, строгий, серьезный.

- Да какой он строгий и серьезный!?! – отмахнулся я. – Мораль любит читать, вот и все. Иногда такой нудный становится, ужас. Трудный он, тяжело с ним работать.

- Ну... - Вовка пожал плечами, силясь поскорей прожевать. – Трудный, не трудный, а все равно отец же. Бизнес семейный, это уже хорошо. Он перестанет делами заниматься, все тебе достанется. Тоже нормально!

- Да чему там доставаться!?! – отвел я кружку ото рта. – Можно подумать, он сам все создал, а мне все достанется!?! Я тоже в этом с самого начала принимал участие!

- Не, ну эт да! – Вовка поскреб в затылке. – Но он все равно старше, опытнее, он же у вас там голова и руководитель, так сказать!

- Блин! Да с чего ты решил-то, что он главный!?! – вытаращился я на Вовку. – Ты ж не знаешь, что внутри происходит. Ты вот в курсе, что из всех поставщиков, с какими мы работали за все время, отец не нашел ни одного!?! В курсе!?

Вовка пожал плечами.

- Вот! Не в курсе! – я отставил кружку в сторону и положил начатый бутерброд обратно на тарелку. – Всех производителей и поставщиков я нашел! Всех до единого! Он

их даже не искал! Я постоянно ковырялся во всех справочниках и газетах и приносил ему информацию! А он, да, он звонил уже туда и вел переговоры! Я не отрицаю – переговоры тоже надо уметь вести! Но я бы и сам их провел, если бы не возраст! Никто не будет вести переговоры с пацаном двадцатипятилетним! Вот и все! А когда начали пивом заниматься, мне вообще было двадцать два-двадцать три! Ну, ты бы вот стал вести переговоры с таким пацаном, если б тебе было, к примеру, сорок!?

- Ну, нет, не стал бы, - смутился Вовка.

- Вот, я о чем и говорю! – подытожил я и хлебнул чаю.

- Ну, Анатолий Васильич, все равно, производит впечатление делового серьезного мужчины, - добавил Вовка.

- Производит, производит, - задумался я. – Да я не против, что он производит такое впечатление, лишь бы оно соответствовало действительности!

- Ну, ладно, Рамзес, батя у тебя нормальный мужчина, - Вовка покончил с чаем и встал из-за стола. – Я ваших раскладов не знаю просто.

- Да ладно, проедем тему, - отмахнулся я и взял второй бутерброд.

Вскоре мы вышли на улицу и потопали к остановке. Вечер только начинался.

Киоски работали стабильно, подняв летом выручку в полтора раза. Отдел в новом центре торговал около нуля. Ему мешал конкурент – на пересекающийся с нами товар он держал цены низкие, а на прочий – высокие. Занимаясь целыми днями оптовым сбытом, мы не могли так же скрупулезно работать с ценами в отдельной розничной точке. На это у меня совершенно не было времени. Отец такими нюансами не интересовался в принципе. Конкурентную битву в торговом центре мы явно проигрывали. «Ничего, если следующий отдел заработает как надо, то этот прикроем и все», - думал я, листая газеты и журналы. К середине июня я нарыл нужное – крупный одноэтажный магазин в пяти минутах ходьбы от наших киосков.

- Ну что, место неплохое, давай прокатимся, узнаем, - сказал отец.

На следующий день, пока безмерно толстый владелец магазина рассказывал нам о прелестях сдаваемой в аренду торговой площади, я подсчитывал в уме стоимость затрат. «Аренда в десять тысяч, плюс зарплаты продавцам. Все-таки десять не семнадцать, даже при такой же выручке как в центре этот отдел будет приносить прибыль», - прикинул я.

- У меня в подвале есть торговое оборудование в отличном состоянии, - добавил хозяин магазина, видя наши колебания. – Если у вас нет своего, то могу его бесплатно вам предоставить в пользование.

У нас своего не было. Через пару дней раздумий мы согласились. На объявление о продавцах откликнулись две подружки возрастом чуть за двадцать. Глаза одной мне не понравились сразу – глупые холодные и вороватые. Вторую я так и не запомнил. Остаток месяца урывками от основной работы мы работали в магазине и первого июля, в четверг, открыли четвертую розничную точку.

Вечером того же дня, сняв выручку в четыреста рублей, я, сидя перед магазином на ограде палисадника, пребывал в состоянии абсолютного счастья. «Уже четыре розничные точки, растем», - думал я, неспешно затягиваясь и упражняясь в пускании колец сигаретного дыма. Я даже не ощущал накопившейся усталости от совершаемой ежедневно физической работы, которая за последние два месяца почти удвоилась.

Июль прошел в изматывающей работе. Целыми днями мы колесили по городу – с утра везли товар в розницу, после – оптовые заказы по базам. Домой приезжали не раньше восьми часов, обычно в девять. Отец становился к плите, я садился за компьютер и вел учет. Часов в десять-одиннадцать мы ужинали, после чего я возвращался к компьютеру и готовил накладные на следующий день. В час засыпал, в восемь вставал. Время полетело с бешеной скоростью. Дни мелькали один за другим. Отношения с матерью стали хуже, она замкнулась в себе, смотрела на нас враждебно. Стычки и перепалки случались регулярно раз-два в неделю. Я привык и уже не помнил, что когда-то в нашей семье существовала другая жизнь.

К середине июля стало ясно, что отдел в магазине торгует еще хуже, чем отдел в центре. Ежедневные выручки выходили мизерными, меньше тысячи. «Кошмар какой-то», - нервно думал я всякий раз, снимая выручку. Чувствовалось, что продавщицы работают как попало. «Может быть, даже воруют деньги», - появились в голове нехорошие мысли. «Что делать? Как быть? Стоять рядом весь день? А как же остальная работа? Не вариант. Менять продавцов?» Нормальное и естественное решение. Но мое желание что-то срочно предпринять разбилось о флегматичность отца. В тот момент я снова задумался о такой его особенности. Нет, отец не противился спасению отдела. Он лишь соглашался с моими предложениями, но свои не выдвигал, не брал инициативу на себя. Открытие отдела в магазине оказалось тем моментом в нашем деле, когда мои физические и ментальные силы достигли предела, и отчетливо обнажилась деловая пассивность отца. Оказавшись на пределе, я уже не успевал больше подумать, решить, сделать. Мне, как воздух, требовался деловой партнер, предлагающий решения и продвигающий их. Отец таким не был. Он качественно работал, дотошно обсуждал новые инициативы, вносил дельные поправки и улучшения. Отец отлично понимал «как лучше сделать», но совершенно не высказывал инициатив на тему «что лучше сделать» и «куда нам двигаться». И снова в моем сознании его позиции лидера пошатнулись. Восприятие отца, как человека знающего и умеющего все, дало новую трещину как раз в момент, когда моей неумной молодой активности остро потребовался зрелый наставник, видящий далеко вперед перспективу нашего дела, умеющий планировать развитие и ставить цели, а его не оказалось. Вдруг рядом с собой вместо надежной опоры я почувствовал пустоту. «А ведь отец и вправду не лидер. Да, он хороший работник, исполнитель, но совсем не ведущий в нашей связке. Ведь за все время работы он ни разу не предложил никакого толкового дела. Обдумывал и обсуждал только то, что предлагал я, а предлагал всегда я – куда поехать, с кем работать, куда звонить, где что закупить и куда и как продать», - вновь вернулись в мою голову крамольные мысли.

- Па, надо что-то делать с отделом в магазине, - выдал я, едва мы оказались дома и отошли от очередного жаркого трудового дня. Я уплетал на кухне и курицу с макаронами. Отец только вышел из душа и, с удовольствием отдуваясь, сел на стул рядом.

- А что с ним надо делать? – посмотрел он на меня, откинувшись на спинку.
- Да уже полмесяца выручки по пятьсот-восемьсот рублей, куда это годится?
- Ну да, маловато, - шумно выдохнул отец и почесал нос.
- Ну а смысл такой торговли? – уставился я на него.
- Да нет никакого смысла! Какой там смысл, - согласился отец.
- Ну, и что будем делать? – недоуменно смотрел я на него.
- А что надо делать? – произнес отец.

- Ну как что!? – растерялся я, пожав плечами. – Как-то решать этот вопрос. Я не знаю – продавцов менять, цены понизить, решать, в конце концов, будем мы арендовать дальше этот отдел или нет!? Как-то так...

- Придет время – решим вопрос, - закрыл глаза отец, откинулся на спинку стула, застыл расслабившись.

- И когда это время придет? – произнес я. – Как мы его решим? Закроем отдел?

- Если надо, закроем, - сказал отец, не меняя позы и состояния.

Какое-то время я сидел в ступоре и смотрел на отца, осмысливая диалог. «О чем он был? Что мы решили?» Как разговор глухого с неммым. «То ли ему все равно, то ли сейчас такое состояние у него, что не хочет думать о проблемах». Я запутался в неопределенных фразах отца, как в вязкой трясине.

- Ну, ладно, - буркнул я растерянно, доел и вышел из-за стола.

Превозмогая дневную усталость, я сел за компьютер и за час управился с текущими накладными и подготовил новые на завтра, после лег и мгновенно уснул. Звонок в девять утра дернул меня из дремы – Алексей Семенович сообщал, что в одиннадцать будет у нас на складе. Он всегда звонил перед каждым своим визитом. Выспавшись, я чувствовал, как налитое вчерашней усталостью тело гудит, не получив полного отдыха.

В половине одиннадцатого я снял замок, распахнул ворота склада и вошел внутрь. На меня пахнуло прохладой, будто из июльской жары я попал в середину осени. Оглядев плотно заставленный товаром склад, я продрог, поежился и вернулся наружу. Тело тут же обволокло тягучий зной, и я мигом согрелся. Отец стоял в тени склада и курил, мечтательно задрав голову. Я взял накладные из кабины и принялся собирать товар для розницы. Это нудное занятие мне удалось превратить для себя в подобие игры. Зная, где лежит каждая пачка, каждый флакон, я собирал очередную накладную и старался отметить и запомнить сразу несколько позиций из тех, что находились рядом. Так, оптимизацией своих действий я вытравливал из рабочих дней серость, будил в себе азарт, стараясь довести время сбора до минимума. Эта тактика приносила плоды. Накладные позиций в сорок я собирал минут за двадцать. Быстрее уже не получалось. Едва я еще ускорялся, начинал пропускать строки, не доносил товар отцу к месту упаковки и, как следствие, точки его недополучали. Отец недовольно ворчал и отчитывал меня за промахи.

Я отметил ручкой пять позиций, пошел вдоль полок и принялся собирать в охапку товар: десять штук, пять, снова десять, опять десять и еще двадцать. Набрал полные руки, положил все в одно место и вернулся к полкам. Подошел отец, оглядел образовавшуюся моими трудами кучу товара и произнес: «Так, что тут собирать? Это укладывать?»

- Да, - кивнул я. – Это собирай, упаковывай то, что я собрал.

Отец взял пустую коробку и начал размеренно ее наполнять. Я продолжал шустро снова в вдоль стеллажей и выуживать нужный товар с полок.

- Не спеши, нормально собирай, чтоб ничего не пропустить, - произнес отец.

- Стараюсь не пропускать, вроде все отмечаю и собираю, - ответил я, принеся ему очередную охапку товара и услышав знакомое тархтение приближающегося «газона».

В проеме показался Алексей Семенович, увидел нас и поднял приветственно руку: «Анатолий Васильевич, Рома, приветствую!» Услышав ответное приветствие, экспедитор кивнул, окинул взглядом стеллажи и поддоны, деловито добавил: «Склад полный! Это – хорошо! Бизнес идет?»

- Идет помаленьку, - произнес отец и пошел наружу, закурил.

- Какие дела в «Оптторге», Алексей Семеныч!? – спросил я, предвкушая ответ.
- Ой! Да какие там дела! – отмахнулся тот раздраженно. – Сидят там, пррраститутки! Нихера не делают! Гонять их всех надо, пороть каждую!

Я засмеялся.

- Ну что, мне подъезжать!? – поправляя кепку на затылке, произнес экспедитор.

- Да, подъезжай! – махнул я.

Скрежеча зубьями передач, «Пепелац» дернулся, сдал задом к складу. Алексей Семенович выскочил из кабины, прыгнул в будку и принялся подавать товар. Закончили. Я начал сверять товар с накладной. Экспедитор, спрыгнув на землю с ловкостью пацана, стал расхаживать по складу, то и дело поправляя грязную тряпку, которой были обмотаны пальцы его левой руки.

- Алексей Семеныч, а сколько ж тебе лет уже? – не сдержал я в себе в который раз возникшее удивление двужильностью этого человека.

Тот остановился, почесал под кепкой затылок, считая в уме, прищурил глаз, выдал:

- Да как и бате твоему! Пятьдесят два в этом году будет, да, Васильич!?

Отец, отдыхая сидя на упаковках с товаром, кивнул.

- Ого! – удивился я. – Да на тебя вся контора должна молиться, Алексей Семеныч! Ты один половину их товара развозишь!

- Да ну их к чертям собачьим! – сорвав кепку с головы, отмахнулся ею экспедитор и вернул на место. – Сидят там... пррраститутки!

Я тихо засмеялся, расписался в накладной и вернул ее экспедитору.

- Все, Алексей Семеныч. Все сходится, без недовоза. На.

- А склад-то уже маловат! – произнес тот, взяв бумагу и оглядевшись с прищуром.
– Расширяться вам пора, склад побольше искать, Васильич!

Закряхтев, отец встал, заходил по складу, сказал: «Да пока и этого достаточно».

- Алексей Семеныч, не переживай! – улыбнулся я. – Все у нас под контролем, склад новый мы уже присмотрели.

- Эт который же!? – встрепенулся тот.

- А вон! – махнул я на улицу. – Пойдем, покажу.

Все трое вышли за ворота.

- Этот! – указал я на склад напротив, куда мы хотели попасть изначально.

- Во! Вот это я понимаю! И побольше, и повыше! – развел руками экспедитор, замер на секунду и тут же засобирился. – Ладно, господа, поехал я дальше! Пока!

Едва «газон» пополз к проходной, мы с отцом закурили.

- Надо будет снова с хозяевами поговорить об аренде этого склада, - сказал я.

- Зачем? – удивился отец. – Мы ж уже с ними разговаривали раз, нам отказали.

- Как – зачем!? – упёрся я. – Затем, что если нам нужен будет склад больше, то надо будет снова разговаривать об этом складе. Или ты собираешься тут сидеть!?

- Вот когда понадобится нам новый склад, тогда и будем думать, а сейчас нечего себе голову морочить! – изрек отец и глубоко затянулся. – Пошли товар собирать лучше.

- Пошли собирать, - буркнул я недовольно и щелчком отправил окурок в сторону предмета спора. Загрузив розницу, мы взялись за оптовый товар.

- Давай, я носить буду, а ты укладывай в кузове, - произнес я.

- Хорошо, давай, - согласился отец, кивнул и остался подле «газели».

Временами меня мучила совесть за то, что отец таскает коробки наравне со мной. Я понимал, что мы не просто отец и сын, а и равноправные партнеры в бизнесе и нормально, если работа ложится на нас поровну. Но сыновние чувства все равно брали верх. Укладка коробок в кузове – работа более легкая, чем перенос их со всего склада к машине, потому я старался подгадать так, чтобы отец как можно скорее оказался именно в кузове.

- Служил со мной один товарищ... - начал он очередной рассказ оттуда.

- И чего? – заинтересовался я. Молча работать на складе было совершенно скучно. Отец любил рассказывать истории из своей военной жизни. Я любил слушать. Правда со временем он начинал повторяться и рассказывать одни и те же истории по нескольку раз.

- Так вот, один раз мы вместе также укладывали какой-то груз в машину, - донесся голос отца. – И сказал он, что со мной бизнес стал бы делать точно.

- Эт почему это? – произнес я, принеся две коробки и поставив их в кузов.

- Говорит, вижу, как Анатолий коробки укладывает, аккуратно, одна к одной, - сказал отец с довольным выражением лица, сидя на корточках. – Значит, говорит, и ко всей работе он так относится, основательно и аккуратно.

- Ааа... - произнес я, пошел обратно. – Ну да, ты такой, любишь порядок во всем.

- А разве это плохо? – донеслось со спины.

- Хорошо, я ж не сказал, что плохо, - добавил я, снова взял пару коробок и понес к машине. – Просто ты такой, хорошие качества для бизнеса.

- Очень хорошие, - самодовольно резюмировал отец.

- Ну да, - пожал я плечами, ставя в кузов коробки. – А где он теперь тот товарищ? Почему не начали дело вместе?

- Да он к отцу своему пошел в уже действующий бизнес, - смутился вдруг отец.

- Ааа... - протянул я. – Жаль, могли бы замутить вместе что-нибудь серьезное, а то вот тут толчемся, таскаем эти дурацкие коробки.

Отец ничего не ответил, и дальше работали молча.

Через час мы выехали, завезли товар в киоски и спустя еще сорок минут, словно в улей, вкатились в «Пересвет». Люди и машины сновали по территории базы беспрестанно. Одни разгружались, другие загружались. Шум, гам, суета, грохот двигателей, жарница.

Я выскочил из машины и пошел с накладными в офис. Через пять минут вернулся, наша «газель» стояла в стороне от склада. Отец сидел за рулем и отирал лицо от пота.

- Нет мест? – произнес я, глянув на рампу, плотно занятую машинами.

- Нет, - сказал отец. – Я очередь занял, мы вторые.

Я пошел на склад. Поднялся на рампу, лавируя между поддонами с пивом, прошел до конца к распахнутой двери. Кладовщица Галя – симпатичная, полноватая женщина лет сорока – устало сидела на лавке и курила.

- Привет, Ром! – сказала она. – Привез чего?

- Привет, Галь, да, привет, вот, - ответил я и протянул накладную.

- Туда, - взмахнула та рукой. – Наверх отнеси, на стол положи.

- Хорошо, - сказал я и направился по лестнице на второй этаж.

Кладовщица, пухнув бычок в урну, медленно встала и пошла следом. Два пролета бетонной лестницы и я в сплошь уставленном стеллажами складе. Положив накладные на рабочий стол кладовщицы, я развернулся.

- Привет, Ром! – раздался со спины голос второй кладовщицы.

- Привет, Кать! – не оглядываясь крикнул я и побежал вниз.

Единственным спасением от жары был шиферный навес над рампой. Я предложил отцу пообедать, и через несколько минут мы спрятались в тени навеса с бутербродами и парой бутылок холодного лимонада. Постелив на стопку поддонов чистый кусок картона, я соорудил подобие стола. В предвкушении желудок заурчал сильнее. Я затолкал в себя бутерброд и запил его. Началась легкая изжога. Поев, я закурил и уселся на «стол». Отец устроился с сигаретой на пустующей лавке, закинул ногу на ногу и затаился. В воздухе висело марево. Шорты, футболка – я был мокрым от пота даже в этом минимуме одежды. От жары страдали все. Отирая пот со лба, экспедиторы выгружали товар. Грузчик пыхтел, таская товар на второй этаж и тут же обратно принося заказы покупателей.

Через полчаса освободилось место у рампы. Едва отец подогнал к ней «газель», я нырнул в кузов. Жарища!!! Под тентом была настоящая баня! За десять минут я выставил на рампу коробки и вылез наружу совсем одуревшим от зноя. Теперь мы были третьими в очереди. Двигалась она медленно. Устав маяться в ожидании, я пробежал двадцать метров раскаленного асфальта и оказался в спасительной прохладе торгового зала. Мысль о том, что надо нам найти одного-двух хороших производителей, не давала мне покоя. Но как их найти, если все известные производители уже работали с более крупными организациями? Новые интересные товары на рынке не появлялись. Я сканировал витрины и склады – все зря, решение не приходило. И в этот раз, внимательно пройдя вдоль витрин, я вернулся на пекло улицы и разочарованно поплелся обратно к складу. Очередь сократилась на одного. Я прошел мимо отца, сидящего на лавке с очередной сигаретой, и пошел на второй этаж к кладовщицам. В тиши склада зной будто замер – новых покупателей не было, грузчик все так же лениво приносил коробки снизу. Катя обедала в подсобке, Галя принимала товар.

- Че, Ром, скучно там? К нам пришел? – раздался со спины голос Кати.

Я обернулся:

- Да, Кать, там жарыща жуткая, духота. У вас попрохладнее вроде.

- Эт только кажется, - вышла из подсобки та, крупная тетка моего роста и раза в два меня шире, направилась к столу с бумагами. – Это что ли твоя накладная? Принять товар?

- Кать, да грузчик все равно один, а старший больше не дает, все заняты на других складах, - отмахнулся я обреченно. – Так что поднимать товар все равно некому.

- Ну! – смахнула пот со лба кладовщица. – Тогда ничем помочь не могу! Стой, жди!

Иногда поставщики сами заносили свой товар в склад, когда его было мало или из-за спешки. Мы же привезли много, к тому же я и так натаскался за день достаточно, чтоб еще и работу грузчиков выполнять. Устал. Нет уж. Спасибо. И я продолжил слоняться по складу, меряя его шагами и пялясь на стеллажи и поддоны, заваленные товаром. И тут все было по-прежнему, ничего нового. Мимо снова прошла Катя, шаркая шлепанцами по затертому до дыр линолеуму.

- Скучаешь? – произнесла она.

- Кать, чего бы вам такого еще привезти, а? – вдруг выдал я.

- В смысле, чего бы привезти!? – уставилась та на меня удивленно, остановилась.

- Ну, товар какой вам привезти, чтоб и стоил подороже, и продавался хорошо!? – уточнил я и обвел руками склад. – Что вот из всего этого хорошо продается? Не тяжелое чтоб и денежное. Вот сейчас что хорошо продается?

- Ну, не знаю, - пожала плечами Катя, сделала пару шагов, замерла, задумалась.

- Дихлофосы привези, Рома!!! – выкрикнула из-за стеллажей Галя.

- Дихлофосы!??? – удивился я. – А почему дихлофосы?

- Кстати, да! – развернулась Катя. – Вези дихлофосы! Влёт сейчас уходят! Вон, вчера поставщик привез десять коробок арбалетовского дихлофоса, за день все забрали!

- Ничего себе! – прикинул я стоимость коробки – вышла тысяча рублей. В среднем с «Пересвета» в неделю мы получали под двадцать тысяч. А это – десять, и за день!

- Это что такой большой спрос на дихлофосы!? – озадаченно произнес я.

- Так сезон же, Ром! – донесся голос Гали.

- Сезон же, - сказала Катя, подойдя вплотную.

- А почему сезон? Когда он у дихлофосов? – продолжил я задавать вопросы.

- Так жара же, мухи кругом, - Катя замотала в воздухе руками, изображая борьбу с мухами. – Все лето сезон, да, Галь!? С мая и до сентября.

- Да, все лето!! – крикнула из глубины склада Галя. – С апреля даже!

- И весь сезон такие продажи!? – все удивлялся я.

- Да не, - отмахнулась Катя. – Весной так себе продажи, по чуть-чуть, а потом уже – больше и больше и вот сейчас очень хорошие продажи.

Я задумался.

- Так что – вези, - кивнула Катя.

- Так, все, закончила я с этим! – вышла из-за стеллажей Галя, смахнула пот со лба и бросила накладную на стол. – Сейчас тебя будем принимать, перекурим только!

- Ой, да приму я! – оживилась Катя, протянула руку. – Где твоя накладная?

- Тут она, Кать, на! – протянула Галя бумагу напарнице. – Все, пошла я курить.

- Слушай, Кать, так сколько дихлофосов везти и каких!? – загорелся я мыслью.

- Арбалетовские лучше всего продаются, их вези! – сказала та. – А вообще, любые вези, все уйдут, их сейчас прям метут покупатели!

- И сколько же везти?

- Ну, коробок по двадцать пару видов можешь смело везти, а можешь и больше, по тридцать, - уверенно махнула рукой кладовщица. – Все равно продастся.

Со стороны лестницы донеслись мерные шаги – грузчик нес наши первые коробки. Катя ушла принимать товар. Я же будто выпал из реальности – идея поставки дихлофосов в «Пересвет» заняла мои мысли. Дело выглядело срочным. Я спустился на рампу, оставил сдачу товара на отца и снова пошел в торговый зал. Там, на полке одной из витрин стояли два баллончика. Других дихлофосов не было. Сердце учащенно забилось, учуяв жирную и пустующую товарную нишу. Записав цены, я вернулся к отцу. Едва мы выехали из базы, я пересказал отцу разговор с кладовщицами.

- Ооо! – протянул задумчиво отец. – Это – интересно!

- Вопрос, где взять столько дихлофосов!? – возбужденно замахал руками я. – Даже двадцать коробок это двадцать тыщ! Бартер? Раз сможем взять, а потом не дадут, залезем ведь в долг! Завтра позвоню с утра в «Арбалет» и в «Сашу», больше дихлофосы никто не возит! Только у них можно взять!

- Позвони! – оживился отец и тут же закурил.

В половине шестого прохладные струи домашнего душа сбили с тела дневной жар, вернув, наконец, сознанию ясность мысли. Пора было идти за выручкой. Мы разделились – отец направился в сторону рынка, я – в торговый центр. «Да уж, третий месяц работает, а все болтается на уровне рентабельности», - подумал я, сняв с кассы отдела чуть менее двух тысяч. Про отдел в магазине не хотелось и думать. Неприятная мысль о том, что его придется закрыть, все настойчивее вертелась в голове. Угнетало еще то, что оба отдела мы

пустили на самотек. «Нанять работника? Бессмысленно. Вся прибыль уйдет на оплату его же работы. Да и то, если человек попадется толковый. Что вряд ли. Самим уделять больше внимания рознице, наняв водителя-экспедитора для развоза товара, освободив так себя от ежедневной рутины?» Нанять и посадить на нашу «газель», означало угробить ее за год. Я видел такие машины – громыхающий кусок битого железа. «Нанять водителя-экспедитора с машиной? Дорого. Его зарплата сожрет половину прибыли. Это еще полбебды». Важным виделось другое – я понимал, что прекратив появляться на складах баз, я потеряю «пульс» торговли. Я вертел ситуацию в поисках решения, позволившего бы сохранить и развить два отдела, и не находил его. Расчет на розницу как на локомотив бизнеса не сработал. Оставался избитый вариант – резкое увеличение оборота в опте. Нам жизненно был нужен сильный поставщик-производитель. Мы раскорячились между двумя ступенями бизнеса, и это злило. Я шел домой и злился. Двадцать минут я накручивал себя мыслями о нашей системной проблеме и близящихся непростых решениях. Все, вроде бы, так хорошо шло, развивалось, и вот, надвигался момент отступления, регресса.

Я вернулся домой в полдевятого. Закинув ногу на ногу, отец уже сидел за столом на кухне, ужинал, размеренно жуя котлету с недовольным лицом.

- Ну, какие там дела!? – нетерпеливо спросил я с порога. – Сколько наторговали?

Отец дожевал, зыркнул на меня внимательно, пару раз нервно дрыгнул ногой и озвучил суммы. Киоски выдали выше нормы, даже отдел в магазине наторговал за тысячу. Услышав такое, я ощутил подъем настроения и принялся наливать чай, глянул на отца. Тот все так же мерно жевал и пристально смотрел на меня.

- Чего ты так смотришь!? – удивился я.

- Ничего, - буркнул отец.

Я сел напротив с кружкой чая, прихватив кусок хлеба и котлету. Принявшись есть, назвал сумму выручки в центре. В коридоре слышались шаги, вошла мать, глянула на нас испепеляюще, налила себе кофе и ушла. Отец покончил с едой, принялся за чай.

- Надежда Петровна тебе опять написала, - произнес он сдержанно.

- О!? А что ж я там не доложил!? – удивился я, понимая, что мог и упустить что-то.

- У Надежды Петровны – три позиции и у Полины – одну, - сказал отец. – Записки у тебя на столе лежат около компьютера.

Я вскочил, пошел в дальнюю комнату и вернулся с записками обратно.

- Мда, жаль! Прозевал где-то, вроде все положил, но, проглядел, значит, - почесал я в затылке, неловко осознавая свою оплошность. – Надо будет довести завтра.

- Это – все твоя спешка! – произнес отец. – Я тебе сколько раз говорил – не спеши, собирай внимательно!? Все без толку!

- Да я и так нормально всегда собираю! – уловив смену тона разговора, опешил я и остался стоять посреди кухни. – Я по-другому не умею!

- А я тебе говорю, собирать надо нормально! – надавил голосом отец. – А не так, чтоб без конца недовозы были!

- Я собираю, как могу! – завелся я. – Не нравится, давай, поменяемся местами, ты будешь собирать, а я укладывать!? Я тебе уже это говорил!

- Это проще всего свалить работу на другого!

- Я не сваливаю! Я еще раз говорю, собираю, как могу! Я не могу, как ты, собирать по часу одну накладную, мы так до вечера со склада не уедем! Хочешь, собирай сам! А я буду укладывать и в машину носить!

- Нет, ты будешь собирать как надо! – зло уставился на меня отец и ткнул себя пальцем в грудь. – Это я тебе говорю! Понял!?

Я опешил. Стоял и растерянно смотрел на отца, понимая, что вижу что-то новое. Такого явного проявления менторских замашек с его стороны я не припоминал. Стычки были, но не такие. Упертый на характер, раньше отец довольно легко шел на компромисс, даже часто принимал другую сторону. Мы никогда не выясняли с ним, кто в нашем деле главный. Да и как выяснять? И зачем? Это же глупо. Начали вместе, с нуля. Все поровну. Но в тот момент я стоял перед отцом на кухне точно, как царевич Алексей перед своим родителем на известной картине, и мой растущий гнев мешался с растерянностью. Что-то едва уловимое мелькнуло в словах отца. «Дзинь», будто рыбацкий колокольчик, раздался в моем сознании сигнал. «Дзинь». И тишина.

И тут же внутри меня гнев накатил, я едва не взорвался. Но усилием воли затолкал уязвленную гордость в дальний уголок души и ответил лишь: «Ладно, давай, не будем».

Я отмахнулся и вышел из кухни. Настроение было испорчено. В коридоре миновал удивленную мать, учуявшую запах скандала и уже спешившую на кухню с интересом.

- Что случилось? – бросила она мне вдогонку.

Я не ответил, сел на балконный диванчик, закурил и уставился на улицу.

- Вот так ты все делаешь! – раздался позади голос отца.

- Как – так – я все делаю? – удивленно обернувшись и вновь закипая, произнес я.

- Работаете тят-ляп, спустя рукава, а потом нам приходится за тобой исправлять! – зашел на балкон отец, вытянул из пачки сигарету. – Постоянно товар не докладываешь!

- Слушай! Я не пойму! – меня понесло. – Тебе чего не нравится!? Не нравится, как я делаю!? Я тебе уже говорил – собирай сам! Не можешь или не хочешь – твои проблемы! Значит, не мешай мне собирать, буду собирать, как умею! Тебе чего не нравится-то!? Чего ты мне указываешь вечно!? За собой следи!

Отец на долю секунды опешил и тут же налился гневом.

- Я твой отец!! – рявкнул он. – Ты!! Сопляк!! И если я тебе говорю как надо делать, значит так и надо делать!

Я растерялся, точно не был уверен, но мне подумалось, что отец впервые за время нашей деятельности опустил до прямого оскорбления. Сердце гулко заходило в груди.

- Знаешь, что... если тебя что-то не устраивает в совместной работе, мы можем разделиться! – произнес я, насколько смог, спокойно. – Распродадим товар, продадим «газель», поделим деньги и разойдемся! Каждый в свою сторону! Без проблем!

- Ничего мы делить не будем! «Газель» вообще куплена на мои деньги с книжки, так что она моя! – безапелляционно заявил отец, да так быстро, будто принадлежность машины была определена им про себя уже давно.

- Ну, - запнулся я. – Да почему она твоя? Хотя...

- Потому, что я сюда вносил свои личные деньги с книжки! – продолжил давить меня отец. – Сначала восемьдесят тысяч снял, принес в том году и при покупке снимал и докладывал свои тридцать, забыл!?

- Почему забыл? – произнес я уже без энтузиазма, понимая, что против правды не попрешь, да и не имея такого желания, а имея убеждение, что любые прочные отношения могут быть основаны лишь на честности и порядочности. – Все я помню.

Мне не хотелось более препираться. И не потому, что отец меня прижал. Это для меня не имело значения. Противной казалась сама тема спора. Мелкая никчемная дележка между отцом и сыном – это отвратительно. Я обмяк и отступил.

- Ну, а раз помнишь, то и закрой рот и сиди, помалкивай! – добил отец.

- Хорошо, давай, оставим эту тему, - буркнул я, докурив, встал и вышел с балкона, столкнувшись в комнате с матерью, снова кружившей рядом подле скандала.

Внутри стало гадко. Нестерпимо захотелось уйти из дома, побыть наедине или выговориться. Я позвонил Вовке. Тот сказал, что голова у него болит и ноги отваливаются от усталости и потому в клуб со мной он не пойдет, но в выходные пойдет точно.

- Блин, жаль, - выдохнул я. – Ну, ладно, давай, в выходные. Отдыхай уж, лентяй!

Я несколько секунд смотрел в окно в зале и, пока отец не вернулся с балкона, взял немного денег, обулся и вышел из квартиры.

Я прослонялся по центру города с час, выпил два алкогольных коктейля и пошел в «Чистое небо». Там уже во всю грохотало. Я простоял два часа у барной стойки, поглощая подряд двойные «отвертки». Клубок нехороших мыслей в голове никак не расплетался. Я раздраженно утопил его в алкоголе вместе с начавшейся в желудке резью. К часу ночи я напился. Желудок мутило. Я проблевался снаружи заведения за самым дальним темным углом и кривой походкой пошел к гостинице, где ввалился в машину к Эдику, и тот отвез меня домой. Заснул я не сразу, меня крутило на кровати, я держался за ее края, чтоб не свалиться на пол, два раза блевал в туалете, после чего уснул мгновенно, провалившись в уже хорошо знакомую черноту.

ГЛАВА 14

- На! На! Тебе звонят! – грубо тыкал отец мобильником мне в лицо на следующее утро, стоя у изголовья кровати. – Из «Оптторга» звонят тебе!

Я разлепил глаза, с трудом понял, что происходит вокруг. Еще секунду назад я спал мертвецким сном, а через мгновение уже держал подле уха трубку телефона.

- Да, алло, - произнес я, пытаюсь заставить мозг работать.

Звонила менеджер базы, ей под заказ понадобилась тонна стирального порошка. И товар был нужен срочно – завтра, а значит, мы должны были его привезти уже сегодня. Мой мозг заскрипел, проснулся и принялся за работу. Отец позвонил поставщику – там сообщили, что товар есть, я набрал «Оптторг» и сказал, что заказ сегодня привезем. Пора было собираться в дорогу. Я встал с кровати и меня закачало от вчерашнего алкоголя. Я побрел в душ.

Через два часа, в одиннадцать, мы выехали со стоянки. Голова болела. Я достал из бардачка таблетку цитрамона, сунул ее в рот, запил и постарался расслабиться. «Два часа ехать, чуть поплю и голова, может, пройдет», - подумал я и закрыл глаза.

Я продремал всю дорогу. В офисе производителя нас ждала неприятная новость – порошка на складе не было, его должны были подвезти к нашему приезду с удаленного производства, но не успели. Как быть? Время – час, производство в девяноста километрах.

- Поедем? – скосился я на отца, стоявшего рядом.

- Поедем, конечно! Куда деваться! – раздраженно взмахнул руками тот.

В полвторого мы отъехали от офиса, пропетляли по Липецку, выбрались за город и покатали на север. За окном замелькал привычный пейзаж, посадки деревьев нескончаемо потянулись по обе стороны дороги. Головная боль ушла, и в мозгу зашевелились мысли. «Странно, работали-работали, и на тебе, началось. Зачем он так себя повел? Не понимаю. Тупо. «Газель» моя! Хотя, его конечно». Тут я снова вспомнил, что формально отец прав, ведь он вложил в наше дело за последние два года сумму примерно равную стоимости машины. «Ну, пусть «газель» его, я и не против. Но совсем не обязательно вести себя так агрессивно. Странно. Надо же, как он сразу кинулся делиться. И с кем, с сыном. Смешно. Интересно, смог бы я так же у сына отжать машину?» Я хмыкнул вслух глупости мысли. «Действительно глупо, зачем обозначать такой дележ? Я же, в конце концов, нормальный сын – не алкаш, тружусь, не ленюсь.» Тут же вспомнил, что машина оформлена на меня. «Может, он этого испугался?» Я снова хмыкнул, сильнее отвернувшись к окну. Общаться с отцом не хотелось. «Неужели он не видит, что три четверти работы делаю я, а ему остается только роль водителя и второго грузчика?» Что послужило толчком таким моим мыслям? Вчерашний скандал? «А может, все мое недовольство копилось постепенно, как и его недовольство?» Прошедшим вечером отец действительно выглядел злым. Я давно не видел его таким. В детстве только, когда редко порол или бил меня. «Он жестокий. Не жесткий, а именно жестокий. Всегда спокойный, а иногда очень жестокий».

После последней ссоры я стал еще более критичен к отцу. Дымка связи «отец-сын» улетучилась, и я стал беспристрастно анализировать его действия, и прошлые, и текущие. Выводы меня отрезвили. Я увидел другого человека. И досада в душе стала копиться.

На производстве мы оказались в начале четвертого. Это был обычный ангар среди прочих цехов и складов на окраине райцентра. Загрузившись, в обратный путь выехали в четыре. Проскочив без двадцати шесть Липецк, в семь тридцать мы влетели в «Оптторг».

- Вот кому не пропасть! – воскликнула знакомая тучная кладовщица, глядя на нашу машину, заложившую крутой вираж, пискнувшую тормозами и тут же покотившую задом к воротам склада. Я на ходу выскочил из кабины.

- Ром, что это значит!? – уперла наигранно строго руки в боки кладовщица.

- Только не ругайтесь! – подыграл я, поздоровавшись. – Время – полвосьмого! Мы прям с дороги и сразу к вам, ездили за порошком, срочный заказ!

- Да как это не ругаться!? – продолжала та. – Повадился под конец дня приезжать!

- Первый и последний раз! – принял я жалостливую позу. – Обещаю!

- Да ну тебя! – отмахнулась тетка. – Чего привез? Пятьдесят мешков порошка?

Я кивнул, задний борт «газели» приблизился к воротам склада, машина заглохла. Я расчехлил тент, открыл борт, прыгнул в кузов. Из склада подошли два грузчика.

- Так, порошок, пятьдесят мешков, туда несите! – скомандовала кладовщица.

- Здравсьте вам, - подошел отец намеренно расслабленной походкой, улыбаясь.

- И вам не хворать! – откликнулась тетка. – Толь, что это такое!? Время сколько!?

- Вот! – указал рукой отец на меня. – У меня директор есть! Все вопросы к нему! Я только руль кручу!

- Ох, директор! – посмотрев на меня, закатила иронично глаза кладовщица.

- Директор мешки таскает! – парировал я отцов перевод на меня, подавая мешок за мешком. – В нашей фирме сложно быть директором! Коммерция – штука такая!

- Ох, коммерсанты! – покачала головой тетка и пошла в склад.

Закончили ровно в восемь. Я выпрыгнул из кузова, кругом стояла тишина. Дневной торговый гам стих, покупатели разъехались, по территории базы бродили лишь ее усталые работники. «Хорошая тетка», - подумал я уже по пути домой, поняв одну из особенностей или закономерностей жизни – с кем отношения начались сложно, коряво, даже враждебно, с тем потом они станут наилучшими; и наоборот, смотришь вроде, замечательный человек и мягкий, и чуткий и вокруг тебя вертится, а позже понимаешь – такое говно. Кладовщица в душе оказалась теткой хорошей. Поначалу мы с ней ругались постоянно. Коммерсантов та презрительно называя «торгашами». И к нам по первому времени тетка относилась так же. А как увидела, что работу свою делаем сами и своими руками добываем кусок хлеба, то, думаю, после такого и сменила гнев на милость. До самого последнего дня ее работы на базе мы так и оставались в приятельских отношениях. А уволилась она не заметно году в 2008, наверное. Точно не помню.

- Надо дихлофосы везти в «Пересвет»! – заявил я отцу с утра, едва вышел из душа.

- Надо, - сказал тот, греясь в лучах солнца на балконе с чашкой кофе в руке.

- Мне кажется, Илюха в «Арбалете» нам не даст сейчас товар, мы и так по бартеру должны двадцатку, и так вперед выбираем товар, - высказал я сомнения.

Отец закивал и закинул ногу на ногу.

- Че ты киваешь? – удивился я.

- Я думаю, не даст, - произнес отец без какой-либо интонации.

- В «Саше» еще можно было бы взять дихлофосы, но сумма слишком велика, у нас там бартер вообще копеечный и всегда сальдо держим примерно нулевое, - продолжил я вслух искать решение, желая услышать и мысли отца. – А вперед «Саша» не даст тоже...

Отец снова кивнул, смакуя, глотнул кофе. Я уловил, что уже привычно начинаю раздражаться равнодушием отца в ответах. Нет, я не путал равнодушие со спокойствием. Я подметил эту особенность отца – отвечать уклончиво, обтекаемо, не выдавая никаких собственных решений. В который раз я пытался выработать общее решение, составить его из мыслей двух человек, но отец отработанно выскальзывал из такого диалога.

- Ну!? – нетерпеливо выдал я, разведя руками. – И что делать будем!?

- Ничего, - в том же тоне произнес отец.

- Как – ничего!? – едва не выкрикнул я.

- А что мы можем сделать? – посмотрел на меня отец. – Дихлофосы ведь не дадут?

- Не дадут!

- Ну? – произнес отец.

- Что – ну!? – вытарачился я на него.

- А от меня ты что хочешь? – глотнул отец кофе и задрогал ногой.

- Я посоветоваться с тобой пришел! – чуть не захлебнулся я негодованием. – Какое-то предложение от тебя услышать, а ты отвечаешь мне какими-то нейтральными фразами, типа тебе все равно, завезем мы в «Пересвет» дихлофосы или нет.

- А чего мне переживать? – удивился отец. – Дихлофосы же нам не дадут?

- Не дадут! – повторил я, чувствуя, как растущая внутри пустота остужает мой пыл.

- Ну, вот и ну, - произнес отец, отвернулся к окну и принялся любоваться пейзажем двора. – О чем разговор? Дихлофосы не дадут. Все.

«Так просто!!!???» – захотелось мне заорать, в секунду в голове случилась буря. Я не понимал откуда в отце такое безразличие, уставился на него растерянно. Отец глянул на меня, хмыкнул в улыбку.

- Что смотришь? – произнес он.

- Да так. Удивляюсь тебе! – сказал я. – Есть возможность заработать, а ты как-то так спокойно ее отфутболиваешь!

- Почему отфутболиваю? Дихлофосы же не дадут. Значит, и возможности нет.

- Да как нет!? – снова стал заводиться я. – А другие возможности рассмотреть или придумать!?

- Придумай, - пожал плечами отец, снова глотнул кофе, дрыгнул пару раз ногой и продолжил смотреть на меня с невыносимо вязким спокойствием.

- Значит, надо купить эти дихлофосы! – выдал я. – Просто взять и купить в деньги!

- Если надо, купим, какие проблемы? – произнес отец.

Я сдавленно вздохнул и попытался унять свое раздражение. Ругаться не хотелось. Возникшее меж нами взаимное недовольство и так росло гипертрофированно. Я насильно взял себя в руки, успокоился и стал думать только о деле.

- Сколько у нас налички дома? – выдавил я из себя.

- Надо посчитать, - так же вязко произнес отец и добавил с оттенком примирения. – Тысяч сорок есть, я думаю.

- Так, нормально! – переключился я на действие, забыв негатив и обиды. – Сейчас позвоню в «Сашу», если у них есть в наличии, то купим и сразу в «Пересвет» закинем.

Отец мерно закивал, но я уже выскочил с балкона. Дихлофосы были. Через полтора часа мы уже были в районе алкашей и наркоманов. Въехали на территорию «Саша». Отец остался в машине, я поднялся в торговый зал. Сергей встретил меня радушно.

- Что это ты решил затариться дихлофосами? – удивился он.

- Да вот, клиент заказал, - ответил я.

- Ну да, у нас тоже сейчас дихлофос влёт идет! – произнес Сергей. – Как раз, вот, фура пришла три дня назад, и за два дня расписали почти весь дихлофос!

- В смысле, расписали? – не понял я слова.

- Сезон же! – пояснил Сергей, приняв вальяжную позу. – Клиенты за дихлофосами в очередь! У нас машина приходит, бывает такое, мы ее еще в пути расписываем, кому и сколько отдать. Вот и эту уже почти всю расписали сразу.

- Ничё се! – удивился я и задумался. – Круто!

- Да! – С ленцой потянулся Сергей. – Тут у нас так! Фурами торгуем...

- Накладную я пробила, вот, - сказала подошедшая девушка-оператор, протянула мне документы. – Складскую накладную я передам кладовщику. Пойдемте в кассу.

- Ну, я тут тебе цену сделал самую низкую, в деньги ведь берешь, - добавил Сергей. – Цена хорошая, я тебе через пять процентов продал.

Я кивнул.

- Давай, Кать, накладную, я сам вниз отнесу! – сказал Сергей.

Я отсчитал в кассе двадцать девять тысяч и вышел на улицу, махнул отцу, «газель» подкатила к складу. Я открыл борт и стал принимать товар.

- А куда везешь-то? – произнес Сергея, оказавшись рядом. – В район, небось?

- Да, из области заказ, - соврал я.

- Ааа, - понимающе кивнул тот.

Я закрыл борт, пожал руку менеджеру и прыгнул в кабину.

«Знал бы ты, Сережа, куда я везу эти дихлофосы, прям тебе под нос, а не в район», - подумал я, не сдержался, улыбнулся и хмыкнул от удовольствия. Через двадцать минут мы были на базе. В кабине я выписал накладную, наценив на товар двадцать процентов, и пошел в офис. После заглянул на витрину – дихлофосов не было – и пошел на склад.

- Дихлофосов нет давно! – кисло сказала Галя. – Вот как ты в тот раз приезжал, так их как продали, так больше и не привозил никто! А сколько ты там привез?

- Тридцать восемь коробок! – выдал я возбужденно.

- О! Да это мало! За два дня продадим! – отмахнулась кладовщица.

- Да ладно!?! – открыл от удивления я рот.

- Вот посмотришь, - сказала та.

- Ну, как продадите, еще привезу! – обрадовался я, чуя запах прибыли.

Сдав товар, мы уехали. На календаре была пятница 23 июля.

- В понедельник привезем свой товар в «Пересвет», - сказал я отцу по пути домой. – Заодно посмотрим и продажи дихлофосов. Интересно!

- О! Да разобрали все за два дня! – фыркнула Галя в понедельник, едва я поднялся на склад. – Сегодня утром забрали последние две упаковки, так что, везите еще!

Я ошалел.

- Завтра привезем еще столько же! – заявил я отцу.

Во вторник с утра мы купили в «Саше» вторую партию дихлофосов – уже на сорок тысяч. Округленные глаза менеджера Сергея выдавали его удивление и интерес с головой.

- Неплохой у вас клиент в районе появился, растете! Кто ж такой-то!?! – произнес он, задумчиво пожевывая толстые губы.

Я не ответил, меня охватила коммерческая лихорадка. Мы покатали в «Пересвет».

- Не, кроме ваших дихлофосов так никаких и не было! – отмахнулась грустно Галя и радостно поинтересовалась. – Привезли еще!?

- Какой-то Клондайк, а не «Пересвет» прям! – очумело сказал я отцу уже по пути домой. – В четверг надо будет заехать, узнать продажи, вдруг еще придется везти!

- Так мы в пятницу заедем, как обычно, - произнес отец. – Какая разница?

- Большая! Тут счет на часы и дни идет! Сейчас сезон! Еще пару недель и дихлофос никому нафиг будет не нужен! Надо возить, пока продается! В четверг заедем! – отрезал я.

- Ну, заедем, - вяло согласился отец и потянулся за очередной сигаретой.

Четверг. Полдень. Мы в «Пересвете». На складе лежало две коробки из пятидесяти! Коммерческий раж завладел мною полностью, мысли сорвались с цепи.

- Сколько у нас денег дома!?! – вцепился я взглядом в отца, вернувшись в «газель».

Тот задумался, подсчитал, выдал: «Тысяч пятнадцать есть».

- И все!?! – удивленно вытаращился я.

- А что ты хотел!?! Выплаты почти везде у нас в пятницу! – пожал плечами отец. – Получим в «Пересвете», в «Меркурии», с розницы что-то набежит, тогда будет больше.

- Не, так не пойдет! – лихорадочно соображал я. – А на книжке у тебя сколько!?

- Нет! Вот с книжки я снимать не буду! – отрезал резко отец.

- Да какая разница!?! – недоуменно сказал я. – Снимешь, потом положишь обратно! Мы за то деньги заработаем!

- Я с книжки снимать не буду!! – отдельно, почти по слогам процедил отец. – Хватит! Уже и так без конца снимаю!

- Па! – улыбнулся я. – Куда ты эти деньги складываешь там!? Солишь что ли!? Они в банке лежат просто так, без дела. Лучше пусть крутятся! Никто не отнимает твои деньги. Заберешь их обратно, когда не нужны станут, и все! Какие проблемы!?

- Я сказал, снимать не буду! – отрезал отец.

- Ну... – озадачился я. – Раз так, то не знаю... можно попробовать уговорить «Сашу» на частичную оплату и отсрочку. Еще, можно в «Арбалете» попробовать дернуть сколько дадут без денег, а на имеющиеся деньги купим остальное в «Саше». Точно! Так и сделаем!

Я тут же из машины позвонил в «Арбалет». Менеджер Илья загундел в трубку, что сальдо на двадцать пять тысяч и так в нашу пользу, долг большой, и на дихлофосы сейчас сезон, их метут в деньги, а я хочу их получить в бартер... и бла-бла-бла. Отказ, в общем.

- Вот козел, - буркнул я, уже звоня в «Сашу». – Алло, Сергей, привет!

Но дихлофосов в этой фирме уже не было.

- Жаль! – поморщился я от досады. – Как придут, сразу мне позвони, ладно!?

- Хорошо, позвоню, конечно, - сказал менеджер.

Я отложил телефон на сиденье.

- Нет дихлофосов, блин! Вот это облом! В самый разгар сезона!

- Можно в «Арбалете» купить, - произнес спокойно отец. – Там же есть.

- Нет, у Ильи покупать нельзя! – отрезал я. – С ним работаем в бартер. Он привык к этому. Щас раз купим, и начнет руки выкручивать, предлагать все в деньги. Не вариант!

- Ну, тогда все, - сказал отец, заботливо протерев руль тряпкой.

- Тогда все, - кисло согласился я.

Июль кончился. Август начался с закрытия отдела в магазине. Впервые за три года мы сделали шаг назад. Неприятно. Впереди маячил и второй. Отец недовольно ворчал.

- Видишь, к чему приводят твои – давай-давай!?! – поучал он меня в понедельник. – Вот результат непродуманного открытия розничной точки, вывозим товар обратно!

- Да, а почему это мои непродуманные решения? – уже не удивился я заранее известному сценарию диалога. – Мы же вместе работаем, вместе и решения принимаем. Ты же не был против открытия этого отдела.

- Я был против, но я же знаю твой характер! – продолжал отец выгораживать себя. – Тебе же если в голову что-то придет, то все, тебя отговорить невозможно.

- Да почему это невозможно? – возразил я, понимая бесполезность разговора и ведя его из другого интереса. – Ты и не пытался меня отговорить, согласился сразу.

- Я потому и не пытался, что тебя отговаривать бесполезно, - разводил демагогию отец. – Ты же упертый как баран!

- Не, баран это ты у нас! – улыбнулся я, довольный сказанным.

Отец опешил, остановился с коробкой в руках, лупая на меня глазами.

- Ну, ты же по гороскопу овен, так? – продолжил я с улыбкой. – А овен, это баран.

Отец смотрел на меня внимательно. Я на него, не отводя взгляда. Через мгновение, не сказав ни слова, со злостью в глазах отец продолжил работу. «Проглотил? А ты как хотел, срать на меня просто так? Нет уж, папаня, нет желания слушать весь твой бред», - подумал я и, злорадствуя, понес очередную коробку из машины в склад. Остаток выгрузки мы провели в густом негативном молчании. Все люди разные – одни сразу дают отпор любому, кто посягнет на их личность; другие терпят все подряд и всю жизнь, теряя в себе человека; третьи отступают, пока не упрутся в предел терпения. Первым я завидовал, по воспитанию будучи довольно мягким. Вторые вызывали во мне физическое отторжение. Я

отступал, не отвечая на нападки отца до тех пор, пока не уяснил очевидное – прикрываясь «отцовством», он распространял свое положение главы семьи на общий бизнес, подавляя мое равенство, принимая мою активность как должное и скрупулезно подмечая промахи. И в этот момент наступил предел. Я более не желал мириться с таким положением дел.

- Вов, ты заебал уже! – гаркнул я на друга, предварительно оглядевшись, нет ли рядом отца. – Ты эту дверь скоро нахуй отломаешь!

Мы стояли на внешней стоянке «Пеликана», заехали, как обычно за остатками. Я позвонил Вовке, тот и пришел, начав возбужденно рассказывать очередную историю из своих будней, по привычке принялся мотать дверью.

- Блять, Рамзес, прости! – заржал он и отпустил дверь. – Не знаю почему, прихожу к вам и всегда эту дверь кручу! Чо, как бизнес у вас!? Все жиреете!?

- Вов, да какой жир!? – отмахнулся я, ступив из распахнутой кабины на гравий. – Я тебе говорил, что точку одну собрались закрывать?

- Не, не говорил! – мотнул Вовка головой, едва снова не схватившись за дверь.

- Закрыли с первого августа, месяц поработала – минус десять тысяч, - сунул я руки в карманы и захрустел мерными шагами по гравию. – Такой вот жир, Вован!

- Ничё се! – вытаращился тот. – Деньги что ли пиздили продавцы!?

Я кивнул.

- Пидорасы, блять!!! – взорвался Вовка. – У нас такие же работают! Глаз да глаз нужен! Пиздят вся подряд! И чо теперь, у вас сколько, три точки осталось!?

- Ну да, три, - кивнул я, заведя отца, идущего с продуктами в руках к нам. – Да нормально! Точка же прибыли не давала, только убытки, так что стало даже лучше.

- Сок принес, булочки и тебе шоколадку, - произнес подошедший отец и положил продукты на сиденье. – Я не знал, какой сок ты любишь, купил мультифрукт.

- Спасибо, па, - буркнул я.

У Вовки затарахтел сотовый на поясе.

- Да! – гаркнул он в трубку и понуро добавил. – Иду.

- Куда ты? – поинтересовался я.

- Да, вызывают, блять, на работу! Заебали! Ой! – Вовка осекся, вспомнив, что мой отец уже рядом, залился вмиг в лице пунцовым цветом и только и смог выдавить. – Пойду я, надо сходить, вызывают, сейчас приду, вы не уезжаете еще?

- Не, не уезжаем, - сказал я, с трудом сдерживая улыбку, косясь на жующего булку и улыбающегося отца. – Я с тобой пойду.

Миновав ворота, мы пересекли главную асфальтовую площадку базы до конца.

- Я тут тебя подожду, - сказал я, оставшись снаружи под навесом у входа в офис.

- Я быстро! – гаркнул Вовка и, косолапо шаркая сандалиями, нырнул в здание.

На улице под навесом стояли три кресла. Из тех, что раньше были в актовом залах и кинотеатрах – строенные с откидывающимися сиденьями, обтянутые темно-красным дерматином. Я плюхнулся на одно из них, обвел взглядом базу, по территории которой под палящим солнцем нехотя перемещались люди. Минут десять я созерцательно сидел, стараясь не двигаться, чтоб не потеть. Со стороны въезда из-за угла появилась большая синяя «пежо». «О, эта женщина приехала!» - оживился я. Машина плавно подкатила к старому офису напротив складов, дверь открылась. «Джина Лоллобриджида», как я ее

прозвал про себя, вышла из машины. Обтягивающее пышные формы темное синее платье сильно выше колен, шпилька, черная копна мелированных коричневыми «перьями» волос...

- Все, Рамзес, пошли! – рявкнул за спиной Вовка.

Я глянул на друга, тот в три шага оказался рядом.

- Чего расселся!? – рявкнул снова он, вцепился в свободное крайнее кресло и затряс его, вся тройка кресел задергалась вместе со мной. – Вставай, давай, буржуй!!

Я встал, глянул в сторону «пежо», женщины не было, зашла в здание. Мы побрели обратно к «газели». Прошли мимо «пежо», свернули за угол, вошли в узкий проезд между зданиями. До «газели» оставалось два шага, когда Вовкин телефон снова затарахтел.

- Да! – гаркнул тот в трубку.

- Чего там? – произнес я.

- Блять, да опять это ебаное вино, как оно меня заебало, - тихо выругался Вовка, косясь на стоящего в нескольких метрах моего отца.

- Обрато вызывают?

- Ды да! – Вовка провел рукой по лицу, взъерошил волосы и тряхнул головой.

- Не грусти, Вован, на выходных сходим в «Небо» наквасимся там до соплей!

- Не получится, Рамзес! У меня отпуск начинается со следующей недели. Поеду к родителям. Присмотришь за квартирой? Я тебе ключ оставлю?

Я ответил согласием, и мы распрощались. Вовка шмякнул мою ладонь с размаху своей жесткой рукой, пожал ее и побрел в офис.

В пятницу 6 августа я получил ключ.

Впереди маячили выходные, и я уже мысленно радовался перспективе захватить с собой из клуба девушку в пустующую квартиру друга. Но оказался я там в понедельник, после очередного напряженного трудового дня и легкой ссоры с отцом. Настроение было гадкое. Я переступил порог квартиры и сразу понял, чего мне жутко не хватало – личного пространства, возможности побыть одному. Я медленно обошел квартирку. Внутри было тихо. Мне понравилось. Никого. Я один. Полная свобода действий. Снаружи раздавались звуки улицы. Я вышел на балкон, облокотился на перила, закурил. Даже сигарета казалась особенной, будто наполняла мои легкие не никотином, а волшебным дымом свободы. Я докурил и нырнул в прохладу комнаты. После принял душ и, натянув лишь трусы, смачно плюхнулся на Вовкину двуспалку, растянулся звездой во все углы и замер, уставившись в облупленный потолок. Тут же стало тоскливо. Я осознал, что хочу собственную квартиру. «Двадцать семь лет, я живу с родителями, своей квартирой и не пахнет», - подумал я и отчетливо понял, что жизнь с родителями тяготит ужасно – постоянные ссоры, гнетущая атмосфера, которой мне становилось все труднее дышать. Я задыхался там. «Сколько еще так протяну, год, два, три?» - тоскливые мысли склизко вползли в душу. Решив отвлечься, я включил телевизор. Полегчало. Через полчаса воздух с улицы нагрел комнату, высушил мою кожу, и я задремал. Проснулся, когда за окном уже угасал день. Я прошел на кухню, сделал себе чаю и пару бутербродов. Поужинал и поехал домой. Странный вечер, но мне понравился! Как глоток свежего воздуха. Всю неделю я провел в таких поездках – сидел после работы в маршрутку, ехал в пустую квартиру, пялился с кровати в потолок и думал. Мысли бродили в лабиринтах мозга, ища выход и ответы на сложившиеся обстоятельства.

«Странная ситуация, все тяжелее и тяжелее. Мать становится просто невыносимой. Я понимаю, она мстит отцу за совместную жизнь. Надо же, я всегда считал нашу семью

образцовой – у меня самая-самая мама, лучший папа, как мне повезло с родителями. Я так думал, до... Даже не знаю до каких пор. До сегодняшнего момента? Пожалуй, года два назад я стал задавать себе неудобные вопросы и вот, ответы на них. Мать ненавидит отца, причем столь сильно, что желает ему смерти. Эти ее эмоциональные выкрики о том, чтоб он скорее сдох, и что она не даст ему жизни до конца дней, вгоняют в ступор. Перепадает и мне. Мать считает, что я отцовский прихлебатель, держусь за «папеньку» только из-за денег и неумения самому что-то решать в жизни. В ее глазах я вижу полным говном. И отец ведь так считает. Голова человека удивительно устроена. Его оскорбляют, мешают с грязью, и из всех оскорблений человек выбирает то, что относится попутно и к другому. Еще и поддерживает. Так, наверное, он пытается сохранить свое самоощущение в норме. Вот и отец со спасительным удовольствием поддерживает выпады матери в мой адрес, что я совершенно бесхребетная амеба, что не пытаюсь заработать денег с отцом на равных, а повис на нем от бессилия и не умения реализоваться самому. Заколдованный круг. Мать считает меня неудачником. Отец ощущает себя моим благодетелем, а сына трусливым лентяем. Неужели я действительно кажусь таким со стороны? Жуть, если так и странно. И где выход? Купить квартиру я не могу, нет денег. Даже если мы продолжим трудиться в том же темпе, не раньше, чем через пять лет я наскребу на однокомнатную квартиру. Если только не случится маленькое чудо. Уйти на съемную квартиру сейчас? А толку? Пустая трата денег. Да и отец не одобрит такое, скажет, что я трачу общие деньги. Я работаю каждый день, и у меня нет своих денег. Парадокс. Отец и так постоянно с недовольным видом выделяет мне те крохи, что я просаживаю в клубе. И ведь это действительно крохи. Мы с Вовкой умудряемся напиваться за смешные суммы. Наши отношения с отцом явно портятся и, что самое неприятное, кажется, необратимо. Отец из-за природной упертости, даже в ситуациях, где он неправ, не отступает. А моя природная мягкость стремительно уходит, я становлюсь жестче».

Я открыл глаза. Потолок. Мысли продолжали кружиться в голове, но уже устав, вяло докучали мне откуда-то из глубины. Полусонное состояние. Внутренний протест, ворочавшийся в груди последние дни, чуть ослаб. Я втянул воздух всей грудью и шумно выдохнул. Пятница, поздний вечер, пора было собираться домой. Я выпил чаю и, уже обуваясь в коридоре на затоптанной циновке, снова ясно услышал свой внутренний голос: «Квартиру куплю ровно в тридцать лет и чудо случится!»

Вовка вернулся воскресным утром, разбудил меня своим ором и вынудил ехать к нему. Остаток дня мы провели у него в квартире: пили чай, курили, чесали языками обо всем подряд. А вечером поехали в «Чистое небо». Жизнь вернулась в привычное русло.

В середине августа подумалось о приближающейся осени и стало грустно. Дни текли однообразно. Тема с дихлофосами стихла окончательно. «Арбалет» не давал их в бартер, в «Саше» дихлофосы так и не появились. Я названивал менеджеру Сергею, тот извиняющимся тоном мямлил, что ничем помочь не может, товара нет, весь продан. Я некоторое время нервничал из-за упущенной возможности заработать, но к концу августа успокоился и твердо решил следующим летом заняться дихлофосами основательно.

23 августа я позвонил в «Арбалет» по поводу очередного заказа. Трубку взял Илья. Его голос показался мне чрезмерно вежливым и даже заискивающим. Я удивился этому, но не придал значения. Илья торопливо озвучил заказ и поинтересовался, когда привезем товар. Я сказал, что часа через два-три. Менеджер обрадовался и положил трубку.

В офисе «Арбалета», увидев меня, Илья засуетился – вскочил со стула, энергично пожал руку и быстро оформил накладные. Не заметить чрезмерной прыткости менеджера было сложно. Я простился и вышел в коридор. Где меня и нагнал Илья, пугливо озираясь, сказал: «Ром, у меня тут сложилась ситуация, можешь помочь?»

- А что случилось? – остановился я в конце коридора у самой лестницы.

- Я тебе расскажу, только не здесь, - еще сильнее забежал глазами Илья. – Давай, ты разгрузишься, позвонишь мне, я выйду вниз к курилке и там поговорим, хорошо?

Я согласился и пошел на склад. Через полчаса на улице Илья, все так же озираясь по сторонам, рассказал мне о том, что с магазином у него и напарника не вышло, прибыли он так и не принес, и решили магазин закрыть. Непроданный товар девать было некуда, и время оплаты за него близилось, а денег у горе-бизнесменов нет.

- Могли бы вы товар выкупить по оптовой цене за наличку? – подвел Илья к итогу. Помочь я согласился. Отец тоже сказал, что выручить Илью было бы хорошо и правильно. В конце той же недели мы забрали из уже закрытого магазина товар. Илья, получив сорок шесть тысяч на руки, просиял от счастья, рассыпался в благодарностях, долго тряс нам с отцом руки и едва не прослезился. Его поведение вызвало у меня улыбку, а на душе стало приятно, все-таки выручили знакомого человека. Возможно, и он нам поможет когда-то?

Лето пролетело, словно и не было. Первая неделя осени традиционно прошла под знаком Дня города. 4 сентября мы с Вовкой напились в «Чистом небе». Заведение снова лопалось изнутри от количества людей. И остальные выходные сентября мы проторчали в клубе. И выходные октября. И ноября. И всю зиму. И весну.

В октябре я случайно встретил в центре Аню, ту, с которой вышел лучший поцелуй в жизни. Увидев меня, она даже будто загорелась глазами. Но встреча меня не обрадовала, я даже на мгновение обозлился, вспомнив все выкрутасы и жеманство Ани. «Поползла», - мелькнуло в моей голове, когда я заметил, что та все-таки не удержалась в своих самых привлекательных формах, располнела и подурнела.

- Привет, - буркнул я, идя мимо.

- Привет, - пискнула чуть растерянно фальцетом девушка.

Я прошел не задерживаясь, не оборачиваясь и больше Аню не встречал.

В тот день Вовка допоздна дежурил на базе, и вечером я оказался один в «Чистом небе». Меня настиг осенний сплин, и не хотелось ничего. Алкоголь не разогнал хандру, а лишь усилил. Я механически бродил по клубу, по очереди подпирая обе барные стойки. После часа ночи охрана положила прибор на свои обязанности, и в заведение потянулся всякий сброд. Вновь захотелось выпить. Я пошел к малой стойке, где бармен уже общался с какой-то посетительницей. Миниатюрная брюнетка покачивалась, ее голова свисала к стойке, и всклокоченная копна вьющихся волос закрывала лицо посетительницы. Перед ней в развернутой упаковке лежала плитка шоколада. Посетительница вскинула голову и уставилась на меня мутным взглядом. «Ого!» - подумал я, увидев изможденное лицо неопределенного возраста. Ей можно было дать и тридцать пять и на десять лет больше. Лицо женщины носило отпечаток сильного и регулярного употребления. Ее джинсовый костюм выглядел неряшливым и таким же засаленным, как и копна местами слипшихся волос. Передо мною стояла алкоголичка.

- Хошь шоколадку? – с трудом произнесла она, покачиваясь на тощих ногах.

- Нет, спасибо, - мотнул головой, поморщился и отвел взгляд в темноту танцпола.

Женщина пару секунд разглядывала меня, повернула голову к бармену, хмыкнула, неухоженной рукой с грязными обломанными ногтями заторможено зашуршала в фольге, наткнулась пальцами на дольку шоколада, произнесла: «Ну а я съем», и потянула ее в рот.

В женском пьянстве есть что-то глубинное в своей отвратительности. Мне стало неприятно. Я снова поморщился и ушел на танцпол.

Через полчаса я окончательно впал в скуку, вышел на улицу и неспешно потопал к гостинице. Алкоголь выветрился совсем. Я машинально проделал путь до машины Эдика, распахнул заднюю дверь и ввалился в салон.

- Здарова! – выдал я, заметив, что впереди на пассажирском сидении сидит какая-то дама. Эдик протянул мне руку, я ее пожал, глянул вправо и онемел – та самая алкоголичка из клуба. Естественно, она меня не помнила. Я удивленно посмотрел на Эдика.

- А мы вот... сидим... общаемся... - расплылся в масляной улыбке тот.

Тетка глупо захихикала.

Ситуация была яснее ясного. Я попросил Эдика отвезти меня, и через полчаса был уже дома. При следующей встрече студент похвастался мне итогом встречи с той теткой.

- Я тебя отвез... – расплылся он в довольной улыбке – А потом мы обратно поехали по окружной, а там фонарей нет... Я остановился на обочине у лесочка... ну и...

- Ясно, - кивнул я, растянув лицо в резиновой формальной улыбке.

Эпизод с Эдиком дал пищу моему мозгу на весь день. Я не понимал его поведения. Даже если отбросить сантименты и забыть, что у Эдика есть девушка, выходила все равно дрянь – неразборчивость парня для меня была схожа с обшариванием мусорных бачков в поисках еды. Я представил, как Эдик и эта опустившаяся женщина занимаются сексом – рвотный позыв возник тут же, мне стало физически плохо. «Странно, - подумал я, - люди с таким удовольствием находят грязь и барахтаются в ней. Зачем? Еще и гордятся этим».

ГЛАВА 15

Отдел в торговом центре мы закрыли в пятницу 29 октября. Он все так же торговал на уровне рентабельности, но продавщицы сообщили нам о своем уходе, и мы решили не искать новых. В субботу вывезли на склад товар, в воскресенье – торговое оборудование. Злые и нервные, натаскались мы вволю. Вечер воскресенья я просидел за компьютером, возвращая по учету товар на склад. Жутко нудное занятие. «Антипригар», - подошел я к очередной строке и тяжело вздохнул. Странное дело, этот товар, всученные мне Сергеем в «Саше», никак не выходил из головы. Мое интровертное сознание придирчиво искало и не находило логического объяснения такому поступку. Никто и никогда из партнеров за все время бартерных операций так не делал. Поступок ставил меня в тупик. «Зачем он откровенно втюхал мне всяк!? Я же в любой момент могу его вернуть.» Товар и вправду почти не продавался – из 48 штук на остатках нашего склада числилось 40. «Надо будет вернуть этот «Антипригар».

В складе стало тесно. Торговое оборудование полностью заняло левый ближний ко входу угол. Отец недовольно косился на шкафы и витрины, но молчал. Все, что он думал, я легко читал в его глазах. С ноября мы оказались в исходной точке – оптовая торговля без развития и два неказистых, но прибыльных киоска на рынке. Я едва перевел дух, как в

начале месяца сменщица Надежды Петровны заявила мне во время снятия выручки, что дорабатывает месяц и уходит.

- Куда уходит? – узнав новость лежа на диване, удивленно уставился на меня отец.

- Понятия не имею, - пожал я плечами, кладя деньги на стол. – Да какая разница!

Что делать будем? Искать замену или Надежда Петровна так поработает?

- Искать надо, - отец сел на диване, стал массировать лицо руками и моргать часто, разгоняя дрему. – Как же это... Она одна не сможет. Без выходных работать что ли?

- С выходными, естественно, - уточнил я. – И то, если сама захочет.

Согласившись с отцом, я предложил все же узнать мнение старушки. Та почти без раздумий согласилась, сказала, что одна заработает больше денег. Вопрос вроде решился сам собой, отец явно с облегчением воспринял слова продавщицы, хлопнул ладонью по витрине киоска, пожелал Надежде Петровне хороших заработков и засобирался к машине. Но едва мы оказались в «газели», как я насел на него:

- Что решим с Надеждой Петровной? Одна пусть работает или поищем сменщицу?

- А разве мы не решили? – удивился отец. – Надежда Петровна сказала – буду одна работать. Что еще надо!?

- Это не мы решили, это она так решила! – начал заводиться я. – По-моему, киоск наш и нам выгоднее, чтоб он торговал каждый день, а не как второй – в субботу до обеда, а в воскресенье вообще закрыт!

- Ну, и что ты предлагаешь!?

- Я предлагаю подумать, может быть, все-таки напрячься и самим поискать второго продавца, чтоб киоск работал полноценно? Это ведь лучшая точка из двух. Ладно Полина, торгует как попало, там уже не исправить. Но этот киоск хорошо торгует. Четыре полных дня и четыре дня по половине, итого – шесть дней простоя. Зачем терять прибыль? Можно же напрячься и поискать продавца.

- Ищи, кто тебе мешает? – равнодушно уставился на меня отец.

- Ну, вот всегда так, - сказал я кисло, внутренне негодуя и кипя.

- Да что – всегда так!? – всплеснул руками отец и хлопнул по рулю.

- Да, ничего, - отмахнулся я и отвернулся к окну.

- Что-то не нравится – иди, делай! Вперед! Никто не держит! – завелся и отец.

- Ладно, ладно, я понял, - не поворачиваясь буркнул я примирительно.

- А, ты хотел, чтоб я начал искать продавца, да!? Побегал, посуетился, а ты будешь сидеть и только раздавать команды, куда и с какой скоростью бежать!?

«Бля, началось», - проползла в голове мысль с мерзким привкусом.

- Да ничего я не думал, - отрешенно произнес я.

Оба умолкли. В тишине возникло напряжение.

- Поехали? – произнес отец.

- Да, - сказал я, оторвавшись взглядом от окна и севши прямо.

- Куда сейчас? – задал отец свой затертый до дыр вопрос.

- По накладным, - бесстрастно сказал я, зная, какой эффект произведет моя фраза.

- Куда едем, я тебя спрашиваю!? – взвился тут же отец, процедив зло сквозь зубы. –

По накладным! Ишь, деловой!

- А че такого!? – с вызовом посмотрел я в ответ, с трудом сдерживая напирющую изнутри злость. – Там в накладных все написано! Грузили вместе! Куда грузили и в каком порядке, ты знаешь! Вот и поехали!

- Послушай, ты! – сцепил зубы отец. – Не умничай мне тут! Я тебя нормально спросил – куда едем? – будь добр отвечать! А не корчить из себя не пойми что!

- А я и не корчу, - неожиданно спокойно парировал я, едва не улыбнувшись. – Мы же вместе работаем? Вместе. Вот и участвуй в работе. Или ты как хотел, чтоб я всем звонил, собирал заказы, пробивал накладные, планировал рабочий день, а ты только рулил и спрашивал каждый раз – куда едем? Так что ли?

Несколько секунд отец сверлил меня жестким взглядом.

- На! Садись! Крути! – отец хлопнул ладонями по рулю, взорвавшись. – Я тебе уже сто раз говорил! Не нравится!? Садись, рули сам!

- И я тебе сто раз говорил, - спокойным голосом продолжил я. – Не нравится? Бери, звони и работай на компьютере сам. Можем поменяться. Я – за! Буду тупо крутить руль, каждый раз спрашивая, куда ж нам ехать, и таскать коробки, какие скажешь.

Отец все сверлил меня взглядом. Я знал, что ответа на такое заявление у него нет. Не в первый раз случалась подобная перебранка. Мы оба все чаще и чаще провоцировали друг друга на скандалы и негатив.

- Куда едем!? – зло с нажимом повторил отец.

- «Арбалет», - непринужденно произнес я, уставив на него ясный и чистый взор.

Побелевшая от сжатия рука отца воткнула с хрустом передачу, машина тронулась, я снова отвернулся к окну. Какой же унылый в наших краях ноябрь. Зима приближается и скалится кровожадно, а в природе все стынет от ее оскала и умирает. Настроение природы передается людям и рождает унылые мысли. В тот год все сошлось в одну депрессивную точку: пара неудач в бизнесе, расход родителей, напряжение между мной и отцом, боли в желудке. И промозглая погода, такая, что хочется послать все подальше и лечь в спячку. А тут нервы, сплошные нервы. Только алкоголь расслаблял меня и гнал тревожные мысли. Я выпивал все больше. Именно в ноябре впервые я ощутил легкую зависимость. Вечером в пятницу, обрабатывая накладные на компьютере, я вдруг почувствовал сильное желание выпить. Не потанцевать и повеселиться, а именно выпить. Я позвонил Вовке, тот слег с температурой. Я пожелал ему скорейшего выздоровления и поехал в «Чистое небо» один. Сходу заказав двойную «отвертку» и вытянув ее минут за пять, я принялся за следующую. Ее пил уже медленнее, потягивая и сигарету. Стало хорошо. После третьей двойной я впал в алкогольную нирвану. «Полдвенадцатого, а мне уже нормально», - проползло в голове. Сходив в туалет, я снова прилип к барной стойке. Полночь. Четвертая двойная и сигарета. Я тянул лицо в пьяной улыбке, понимал, как глупо выгляжу, но мне было плевать и очень хорошо от алкоголя. Заняв в толчее клуба единственно спокойное место в арке грота, к часу ночи я выпил еще две двойных. Во мне плескалось более полулитра водки. Я опьянел и, покачиваясь, стал слоняться по клубу бессмысленными маршрутами. Эйфория перешла в состояние отупления и безразличия. Седьмая двойная меня добила. «Лишняя», - мутно осознал я, глядя в ополовиненный стакан. Без двадцати два. «Скоро закрытие, надо валить сейчас, а то через полчаса народ передуетится у гардероба», - подумал я, встал, кривясь и давясь, сделал два глотка из стакана, отпихнул его в сторону и, придерживаясь стенки, пошел к выходу. Со мной кто-то попрощался перед самым гардеробом, я в ответ что-то буркнул. И у гардероба тоже кто-то попрощался? Сознание пребывало в вязком тумане. Я, скорее всего, тоже попрощался. «Я вежливый, всегда отвечаю, да, да», - шевелил мыслями пьяный мозг. Не сразу найдя рукава куртки, я все же надел ее и, держась за перила, пошел наверх по ступенькам, еле переставляя ватные ноги. Охранники изнутри у выхода. Они

попрощались со мной? Я толкнул дверь, в лицо мне ударил холодный влажный воздух. Я сделал шаг через порог и вдохнул полной грудью. Воздух казался мне необычайно чистым и свежим. Я снова и снова вдыхал его и не мог насытиться. Рядом привычно орала пьяная толпа. Я отошел в сторону. Агрессивный ор меня душил, хотелось тишины. От кислорода голова закружилась сильнее. Наконец, я ощутил уличный холод. Он пробрался под куртку через распахнутый ворот и отрезвил меня. Я закурил, застегнул куртку, поежился и пошел вихляющей походкой к гостинице. Машина Эдика стояла на привычном месте. От жара печки в салоне по пути домой меня развезло. После отъезда Эдика я еще несколько минут стоял подле своего подъезда, нарочно расстегнув куртку и ощущая, как жадно проникший под нее ноябрьский холод возвращает меня в чувство. Дома, едва раздевшись, забравшись в кровать под одеяло и согревшись, я ощутил первый приступ рвоты. Меня начало мотать и крутить в кровати. Я сполз на пол и, шатаясь, добрался до туалета. Через какое-то время, едва не уснув подле унитаза, я вернулся в комнату. Меня кружило и бил озноб. Ужасное состояние. Родители спали в своих комнатах, в квартире стояли тишина и мрак, а я сидел на полу. При одной мысли о кровати меня снова затошнило. Унитаз. Снова пол в комнате. Озноб заколотил с новой силой. «Трезвею», - вяло обрадовался я. Придремав полусидя на полу подле кровати, я взобрался на нее уже в полусонном состоянии и, не успев ощутить головокружения, уснул.

Очередную поставку из Краснодара мы ждали к десятому декабря. Но дряхлый «МАЗ» сломался, на сутки позже к нам отправили другую фуру, и все пошло наперекосяк.

Снег повалил ночью. Несколько минут перед сном в темноте комнаты я смотрел на падающие стеной хлопья снега со смешанным чувством восторга и досады.

«Придется чистить», - обреченно понял я и лег спать.

За ночь город завалило напрочь. Дорожная техника, расчищая улицы, с утра уже урчала во всю. Пять градусов ниже нуля и ни ветерка. Идеальный зимний день. Впереди выходные, отдых. Если бы! За полчаса отрыв на стоянке «газель», мы выехали на склад и по пути купили две снеговые лопаты. Все дороги на нашем пути уже были расчищены, и даже на грунтовке от переезда до ворот завода успел побывать грейдер. Сам завод лежал под нетронутым плотным белым покровом. Мы даже не рискнули проехать на «газели» к складу. Взяли лопаты и, утопая в снегу по колено, стали торить дорожку вниз.

- Да уж! – произнес я, оказавшись у склада и обозревая объем предстоящих трудов.

Работа закипела. Описывать ее бессмысленно. Нудная, тяжелая работа, кажущаяся поначалу невыполнимой. Сначала расчистили место перед воротами. Отвалы снега у стен склада выросли угрожающе быстро. Я разогрелся и даже чуть запыхался. Отец закурил. В следующие полчаса расчистили еще примерно столько же. «Дыра какая-то, угораздило же нас сюда залезть», - злился в мыслях, понимая, что, по сути, напрасно. Никому кроме нас до расчистки территории завода дела не было. Забытое и брошенное место. «До поворота около тридцати и вверх до проходной сто пятьдесят», - содрогнулся я, глядя на дорогу, которую предстояло расчистить от полуметрового снега. Решили чистить только колею. Час и мы у поворота. Время перевалило за два часа дня. Я удивлялся нашему энтузиазму. Два человека на отшибе города на почти безлюдном заводе чистят дорогу от снега, делают работу, которую не должны выполнять ни по каким договорам. Но выполняют. Другие бы на нашем месте оборвали все телефоны арендодателей в напоминаниях о том,

что завод их собственность и что по договору аренды они, собственники, обязаны организовать чистку снега на территории. И это верно. Но мы не звонили. Знали, бессмысленно. Хотите, чтобы дело делалось, делайте сами. Многие бы отложили поставку на время, пока вопрос уборки снега решится бы как-то и кем-то. Мы не отложили. Семейная черта – ответственность, обязательность, исполнительность. Надо, значит надо. Иногда в схожие моменты сам себе я казался дураком. Слишком исполнительным и работоспособным. Появлялось желание стать другим, более разболтанным и беспечным. Меньше думать и делать за других. Я не мог. Злился на свое воспитание, понимая, что чрезмерность плоха и в хороших качествах характера. «Мера, во всем должна быть мера», - думал я, освобождая очередной метр и уныло поглядывая на ровный слой снега в начале дороги. Через час с усталостью пришло и безразличие. Монотонно откидывая снег, я уже не помнил зачем, но знал, что надо.

- Все! Хорош! – сказал я, когда мы закончили с дорогой между зданиями, оставив до проходной около двадцати метров снежного поля.

- И как он сюда доедет? – засомневался отец.

- Доедет! Грузеный, от проходной разгонится, под уклон до колеи пробьет сам.

- Ого! Как же я тут проеду!? – устался в обед следующего дня водитель фуры на нетронутый покров снега.

Я ему объяснил.

- А по-другому никак! – бодро согласился тот и полез в кабину, захлопнул дверь и запустил двигатель. Из-под фуры вырвался сноп черного дыма. Тягач взревел и потянул за собой полуприцеп. Фура прошла ворота и принялась подминать снег колесами. Скорость стала падать. Семь метров. Тягач взревел, удержал скорость и продолжил движение. Снег перед колесами стал толще. Машина снова взревела и, снова потеряв в скорости, натужно продолжила движение. Три метра, два, один. Тягач вырвался в колею, сбросив обороты и перестав реветь, пошел под уклон легче, таща за собой из снега полуприцеп. У поворота фура сбавила скорость, повернув проволокала колеса полуприцепа по снежной целине и остановилась только на площадке перед складом.

Выгрузив шесть тонн за пару часов, уставшие, но довольные, мы поехали домой. Я поужинал, пролежал час в горячей ванне, придремал там, усилием воли выбрался из воды и полусонный плюхнулся в кровать и сразу уснул. Разбудил меня звонок. Вовка криком в ухо напомнил, что на календаре суббота и нам вечером непременно надо быть в «Небе». Я продрал глаза, на часах мигало восемь. Через два часа мы с Вовкой уже заходили в клуб.

Весенне-осенняя кампания с открытием и закрытием двух розничных отделов уже успела позабыться. Рабочей суеты стало в разы меньше. Я так отвык от размеренной и неторопливой работы, что воспринимал ее как праздник. Бизнес перешел в монотонную стадию. Развитием не пахло, стагнацией тоже. Мы застыли в приятной точке равновесия, работа делалась, деньги зарабатывались и копились. В обороте образовалось приличное количество лишних денег, мы их вывели из дела и положили отцу на книжку. Раз в месяц приходила машина из «Люксхима», раз в месяц мы катались за порошками. Приближался Новый год. Вместе с предпраздничным настроением возникло желание чуда. Желая роста бизнеса, я прикидывал даже самые немыслимые варианты развития, но интуиция молчала.

«К весне надо обязательно что-то найти и лето хорошо сработать! Дихлофосы были бы кстати, но где их взять!?» - крутил я задачку в голове во время поездок по городу сидя

в уютной натопленной кабине. Для ее решения надо было либо найти новое производство аэрозолей, незнакомое оптовым компаниям города, либо... впрочем, второй вариант мы явно не тянули – «Арбалет» и «Саша» плотно «сидели» на известных заводах аэрозолей. Этим фирмам мы были не соперники.

Менеджер «Арбалета» Илья, после событий с его розничной точкой, как я ощутил, стал меня избегать. Я все так же регулярно ходил к нему наверх и звонил по телефону, но наше общение стало суше, диалоги короче, взгляд Ильи начал избегать встреч с моим.

Декабрь вышел угрожающе снежным. Снег шел регулярно, через день-два. Не так чтоб сильно, но его отвалы у стен склада доросли до крыши. В середине месяца явилась обратно покинувшая нас продавщица. В тот день к киоскам за выручкой пришел я, застав ее с виноватым видом перетаптывающуюся подле Надежды Петровны. Получив деньги, я пошел домой. Заснеженный город лежал в темноте зимнего вечера, расцвеченный огнями фонарей, реклам, витрин магазинов и окон жилых домов. Погода стояла шикарная. «Если б я был офисным работником, то сейчас бы радовался такой погоде и постоянно идущему мягкому снегу, а так не очень-то и радуюсь, весь этот снег приходится без конца чистить», - думал я, щурясь парящим перед лицом белым хлопьям. Я отчетливо понял, что тяжелая и монотонная работа убивает в человеке все приятие красоты. Вот так идешь машинально и не замечаешь окружающего великолепия. Так же буднично наступил и Новый год. Он случился в семье из трех полужужих друг другу людей. Мы с отцом все также не ладили с матерью, она не пыталась сблизиться, а лишь отдалялась, все больше времени проводя в своей комнате. Ее затворничеству способствовал телевизор, который мать смотрела почти круглосуточно и не вылезая из кровати. Телевизор был куплен осенью по желанию отца, который ворчал, что та днями напролет сидит в его комнате и смотрит «его» телевизор. Мои отношения с отцом столь сильно натянулись, что мы даже ничего не подарили друг другу. Сухо обменялись поздравлениями, выпили по бокалу шампанского, поковырялись в салатах, приготовленных матерью по старой памяти, и разошлись по своим комнатам.

Во второй половине января ударили «Крещенские морозы». Температура резко упала ниже «минус» двадцати пяти, и я отчетливо понял, что зиму уже просто ненавижу. Морозы стояли дней десять, и мы вновь намучились с «газелью». Она категорически не хотела заводиться. Каждый раз после работы, мы снимали аккумулятор и несли домой. Только так был шанс, что утром машина заведется. Двигатель промерзал за ночь насквозь. Только теплый, принесенный из квартиры аккумулятор, с трудом, но проворачивал вал в стылом масле картера. Мы стали выезжать реже. Бедные, бедные наши продавщицы! Я не представлял, как они работали на морозе! Мы им сразу сказали, что можем закрыться и не торговать вовсе. Но нужда толкала продавщиц на работу.

Аккурат к морозам растаяли наши товарные запасы. Мы сделали очередной заказ на начало февраля. Но уже во вторник 25 января раздался телефонный звонок.

- А зачем вы так рано ее отправили!? – удивился отец, выслушал ответ и добавил раздраженно. – Да я понимаю, что вам надо! Но нам-то не надо!

- Машина вышла? – переспросил я, едва разговор был закончен. Оба завтракали на кухне, я пил чай, а отец кофе. Он закинул ногу на ногу и, пытаясь унять раздражение, стал ею дрыгать. Перспектива выгрузки товара в мороз меня тоже не обрадовала.

Водитель не позвонил ни через день, ни через два.

- Сломался где-нибудь, - произнес я утром 28 января, посматривая на термометр за окном. Погода менялась. Температура росла. Термометр показывал «минус» двадцать. «К обеду будут все пятнадцать», - подумал я радостно и глянул на кристально чистое небо, тянувшее на себя одеяло из густых снежных облаков.

Уехав на работу, мы на день забыли про потерявшуюся машину. О ней напомнили вечерние новости. В Ростовской области начался сильнейший снегопад, парализовавший движение на трассе «М4».

- А ведь и их машина тоже где-то в том месте сейчас должна быть!? – предположил я, глянув на отца, внимательно смотревшего новостной репортаж по телевизору. – Может, водитель поэтому и не звонит, что застрял там?

- Может быть, - пожал плечами отец.

Весь следующий день наперебой шли новости об ухудшении ситуации на трассе. «Сплошной затор... многокилометровая пробка... скопилось более ста тридцати фур и их количество продолжает расти... сильнейший снегопад».

И следующий. «Пробка достигла тринадцати километров... фуры стоят на обочинах у придорожных кафе... несколько перевернулось... движение полностью парализовано... МЧС стягивает дорожную технику и разворачивает пункты быстрого питания».

На третий день, 31 января, позвонил Эдик: «Машина перевернулась... да, в ней наш товар, а потом машина должна была ехать в другой город за сырьем... придется, наверное, высылать другую машину, чтоб перевернувшуюся отбуксировать обратно в Краснодар».

1 февраля, новости пестрели тем же. «Сложные метеоусловия, сильные снегопады, дожди при минусовой температуре... движение возобновилось... большое скопление фур... за все время в пункты быстрого питания МЧС обратились более семи тысяч человек... перевернутые фуры поднимают... пострадавших нет».

2 февраля накал в эфире пошел на спад. «Кризис миновал... снег идет постоянно... техника работает круглосуточно... пропускная способность трассы восстановлена».

Через день позвонил сам Асланбек.

- На, тебя, - принес я телефон на кухню завтракавшему отцу.

- Доброе утро Асланбек Ахмедович! – отчеканил отец, торопливо прожевав кусок.

Разговор случился короткий. В «Люксихиме» решили не тащить перевернувшуюся фуру обратно в Краснодар, а везти к нам. Но, требовалось наше согласие. Формально мы могли отказать. Груз наверняка уже потерял товарный вид. И его по договору мы имели право не принимать. Но по-человечески отказывать не хотелось. Я стоял рядом с отцом, слушал диалог и для себя решил, что фуру придется принять и товар перебрать. Именно об этом уговаривал Асланбек отца в телефонном разговоре.

- Ну что, пусть к нам везут товар? – произнес отец, зажав рукой мобильник.

- Пусть везут, - вздохнул я. – Что уж теперь. Посмотрим, что там внутри.

Машина пришла в воскресенье 6 февраля. К этому дню сильно потеплело, «минус» десять после морозов в двадцать пять градусов ощущались почти оттепелью. Приехав к складу, мы увидели тягач «Вольво» с полуприцепом-контейнером. Из кабины в дубленке и кепке вывалился Эдик и приветственно замахал рукой. Показался и водитель.

- Это вы уже перецепили прицеп, да? – после бурных приветствий и рукопожатий, окинув фуру быстрым взглядом, произнес я.

- Да, тот перевернувшийся «МАЗ» на буксире домой отправили, а прицеп вот к вам привезли! – снова замахал руками Эдик, источая пивной запах.

Я стал снимать замок с ворот склада, а отец спрашивать Эдика о случившемся. Петли заскрипели, я распахнул ворота. Склонность отца вести пустопорожние разговоры утомляла все сильнее, потому, не вслушиваясь, в такие моменты я отгораживался от них работой. Мать иногда роняла фразу: «Вот работаешь с отцом и сам становишься таким же занудой!» Я начинал ее понимать. По рассказу Эдика, водитель повел машину на обочину, не рассчитав, колеса полуприцепа сползли по насыпи вниз, фура и перевернулась. Будучи подшофе, Эдик болтал без умолку.

- Мы сейчас, Анатолий Васильевич, посмотрим, постараемся, конечно, побольше товара оставить, чтоб и вам было чем торговать, и нам меньше обратно везти! – суетился он, поглядывая то на отца, то на меня бегающими глазками.

Я уже жалел, что мы ввязались во все это. Я ругал себя мысленно за уступчивость и чрезмерную доброту, понимая, что снова ничего кроме суеты и проблем мы не получим.

- Эдик, посмотрим сначала, что вы нам привезли, а там уж видно будет, - закурив, парировал отец. – Мы можем взять себе только целый, неповрежденный товар.

- Давайте, открывайте уже! – добавил я, махнув на контейнер.

Водитель снял замок, распахнул двери.

- Ого! – вырвалось у меня.

- Да уж... - протянул отец, отнимая ото рта сигарету.

- Винегрет, - добавил я.

- Да тут только сверху попадало и все! Рома, что ты говоришь такое!? – замахал руками Эдик. – Вот, внизу все стоит ровно даже не сдвинулось никуда! Все же целое!

- Эдик! – оборвал того отец. – Мы сейчас сами все посмотрим и разберемся! Что упало, а что целое! Тут все перебирать надо, посмотри, какая каша!

- Ну, хорошо, Анатолий Васильевич, - сдулся тот, сунул руки в карманы дубленки и поежился от холода. – Как скажете, так и сделаем.

Я смотрел вглубь контейнера. Коробки, изначально стоявшие штабелями высотой в пару метров, теперь лежали горой сплошной мешанины.

- Кто из контейнера подавать будет? – улыбнувшись, посмотрел я на Эдика. Тот, кряхтя и упираясь коленями в стылую раму полуприцепа, полез внутрь. Водитель следом.

Долго и нудно дольше четырех часов мы перебирали эту кашу товара. Четверть его совершенно утерьяла потребный вид – разорванные упаковки, мятые полупустые флаконы, рассыпанные по полу чистящие средства. Из контейнера едко несло ацетоном и щелочью.

- Рома, это хорошая упаковка! – раздался вопль, едва я отставил одну в сторону.

- Эдик, да где она хорошая? – удивился я, приподнял упаковку, в которой какие-то флаконы потекли и залили целые. Тот заголосил вновь, что надо перебрать и найти целые. Перебирать я отказался. Эдик засуетился, слез на землю, подошел к куче мятых упаковок и принялся ковыряться в той, с какой начался спор. Возмутился даже отец. Не помогло – коммерческий директор продолжал ковырять флаконы и составлять их в кучку на снегу.

- Эдик! – рявкнул уже отец прямо над моим ухом. – Да прекрати ты, в самом деле!

Мне стало противно от мелочности совладельца «Люксхима».

- Зачем ты начинаешь мне тут впаривать откровенную некондицию!? Ты меня что, за дурака что ли держишь!? – обозлился отец, его желваки заиграли, лицо обострилось.

- Анатолий Васильевич, где, где некондиция!? – состроил невинную изумленность тот. – Я же стою тут нормальный товар отбираю вам же!

«То ли правда дурак, то ли настолько циничен», - остолбенело пытался понять я.

Эдик пошел в склад, нашел пустую коробку и принялся ставить в ту наковырянные флаконы. Отец, скрежетнув зубами и почти насильно вырвал у того коробку из рук.

- Отойди отсюда! Не занимайся ерундой! – выкрикнул отец.

Ситуация накалилась. И тут сработала натура Эдика, он поплыл в своей хитроущей улыбке, и сразу наступила разрядка. Я улыбнулся, отец хмыкнул и полез за сигаретой.

- Дай мне тоже одну, - сказал я.

- И я тогда с вами покурю, - донесся из контейнера голос водителя.

- Анатолий Васильевич, ну, и меня тогда угостите сигареткой! – защерился Эдик.

Все закурили.

Отец долго и пристально смотрел на Эдика и, словно подведя итог своим мыслям, не выдержал, хмыкнул: «Ну, Эдик! Ну, Эдик! Ох, какой ты!»

Я глянул на водителя, тот хмыкнул, улыбнулся и отвернулся. Эдику стало неудобно, он задвигал плечами, словно там что-то мешалось между лопаток.

- Анатолий Васильевич, я же для вас как лучше стараюсь!

- Ой, Эдик, замолчи, а! – прервал я, отмахнувшись.

Водитель вновь хмыкнул.

Тяжелый был день. Мы промерзли до костей. Я сжег щелочью кончики пальцев. Не сразу понял, почему вдруг их начало щипать так резко и остро, словно множество иголок впились в подушечки и стали проникать глубже. Я тут же сунул руки в снег.

- Щиплет то как! – вскрикнул я, стирая с рук снегом желтую пенящуюся жидкость.

Домой приехали затемно, голодные, продрогшие и уставшие. Обратном в Краснодар поехало не более трети товара. Помню, я подумал тогда, что наш поступок будет отмечен и укрепит отношения с «Люксихимом». Глупая мысль, знаю.

Весь февраль мы продавали товар из пострадавшей партии. Пришлось повозиться. Все решилось благодаря хорошим личным отношениям с сотрудниками оптовых баз. Я понимал, что мы лезем в глаза с неудобными просьбами. Мы сами создали себе проблему своей добротой, сами и расхлебывали. Удивительно, но все продалось.

ГЛАВА 16

Март начался вместе с большим завозом синьки. Восемьсот упаковок мы получили разом, забив ими весь склад. Весна пришла, а тепло – нет. Весь месяц температура стояла ниже нуля. Из-за холода синька продавалась вяло. Надежды на раннюю весну не сбылись, и я ходил мрачнее тучи и злее самой злобной собаки. Добавляла гнева еще и лужа у ворот склада, солнце уже припекало даже через холодный воздух, и талый снег днями стекался в низину к воротам и замерзал ночами. Нижние края ворот прихватывались льдом намертво, я и отец брали лом и выдалбливали их. И так каждое утро всю вторую половину марта. В апреле температура резко подскочила до десяти градусов, оставаясь выше нуля и ночами. Переставшая замерзать лужа набухла и потекла через порог. С неделю мы месили ногами грязь в складе, пока солнце совсем не высушило землю. Внутреннее напряжение от затянувшейся зимы и слабых продаж схлынуло, мы с отцом облегченно перевели дух и тут же тринадцатого апреля разругались вдрызг. Все накопленное вышло наружу. Старых вопросов это не решило, лишь добавило новых и усилило раскол.

- Все сидишь играешь? – произнес отец, войдя в мою комнату.

Уловив в его голосе нотки раздражения и недовольства, я напрягся, произнес, сидя в обшарпанном на подлокотниках кресле у компьютера: «Играю, а что еще делать-то?»

- Занялся бы чем-нибудь полезным, а не этими глупыми игрушками! – не снижая тона недовольства, добавил отец. – Сидишь как малолетний, играешься целыми днями!

- Чем это полезным я должен, по-твоему, заняться!? – отвлекся я от монитора и развернулся в полоборота к отцу, который остановился у балконной двери, взявшись за ручку. Он, как обычно, шел на балкон курить и нервно крутил в другой руке сигарету.

- Думал бы лучше о работе! – сказал отец, повернул ручку и распахнул балконную дверь, сунул сигарету в рот.

- А чего о ней думать!? Вроде все нормально у нас или нет!? – поддержал я тон.

- Нормально!? Ну, раз ты считаешь, что открыть и закрыть две розничные точки – нормально, тогда, да, все нормально! – замер в дверном проеме отец, успев перед фразой вынуть сигарету изо рта и начать ее снова мять.

- А причем здесь это!? – дернулся я от неприятного поворота диалога.

- А при том, что сколько сил и времени потратили на них, оборудование торговое заказали и что!? Стоит оно теперь на складе, пылится! Выброшенные на ветер деньги!

- Насколько я знаю, решения об открытии точек мы вместе принимали, или как!? – развел я руками. – Сказал бы, что ты против, и точек бы не было! Я что ли виноват в том, что они не заработали!? И при чем здесь то, что я сижу играюсь в игрушки, я не пойму!? Кому я мешаю!? Я ж не говорю, что ты опять идешь курить на балкон и торчишь там с сигаретой постоянно! Или ты там о работе думаешь!?

- Думаю о работе, да! – сказал отец, вернулся в комнату, сел на краешек дивана.

- И чего ж надумал, расскажи, мне интересно!?

- Ты не умничай, давай, понял!? Я тебе отец, поэтому прикуси язык!

- Ну вот опять, как думать о работе – так мы партнеры, и ко мне претензии, а как узнать, тоже самое у тебя – так ты отец! Ловко у тебя получается!

- Да! Ловко! – зло сцепил зубы отец.

- Да что за предьявы, я не пойму!? – начал злиться и я. – Тебе что-то не нравится!?

- Не нравится то, что ты без конца сидишь в интернете и играешься в игрушки!

- А какая тебе-то разница, чем я занимаюсь в свободное время!?

Несколько секунд в образовавшейся паузе мы смотрели друг на друга враждебно.

- Или лучше, когда я по клубам хожу!? Так ты скажи! Зима кончилась, потеплело, хорошо, буду по клубам ходить. Но ты же сам всегда недоволен, когда я деньги у тебя прошу на клуб, ты же мне постоянно выговариваешь, что я деньги трачу! А что мне тогда делать, сесть и сидеть дома как ты и целыми днями торчать на балконе с сигаретой, чтоб, не дай Бог, не потратить лишнюю копейку!? Так что ли!? Так я и так сижу дома, ну да, играю на компьютере в игрушки, и что с того!? Я не пойму, хожу по клубам – плохо, сижу дома – плохо, а как хорошо-то!?

Отец сверлил меня пристально, желваки его играли.

- Ну, что ты молчишь!? Говори! – развел руками я.

- О чем с тобой говорить!? Так ты... - отец отмахнулся, встал и шагнул к балкону.

- Как всегда! Как возразить нечего, так со мной и говорить не о чем...

Отец задержался в двери, метнул в меня взгляд и, сдержавшись, вышел на балкон. Я повернулся к монитору, но настрой на игру уже пропал, адреналин бегал в крови, мешая расслабиться и подпитывая кипящее внутри меня негодование. Рассеянно кликая мышкой

в напряжении, краем глаза я заметил, что отец докурил. Я напрягся. Продолжать ссору не хотелось, но сдавать свои позиции я не думал. Наоборот, к каждым новым конфликтом, я отвечал отцу все жестче. Он снова сел на диван, цыкнул. Я приготовился к продолжению.

- Ну, так что? – произнес отец.

- Что – что!? – сказал я, не отрываясь от монитора и усиленно кликая мышкой.

- Как дальше будем работать, директор!? – произнес отец с ухмылкой, которую я засёк боковым зрением.

- А причем здесь – директор!? – повернулся я к нему. – Мы вместе работаем, у нас нет директоров.

- Ну, как же нет? Ты постоянно говоришь, что сам все придумываешь, а я здесь так: принеси, подай – пойдешь нахер, не мешай. Так!?

- Нет, не так. Кто тебе такое сказал? Мы работаем вместе и вместе принимаем решения, вот и все. Все просто.

- Но ты же говоришь, что сам все узнал и разобрался, - явно провоцировал отец.

- В чем именно? Давай, разберемся, я не против. Ты, вот, наоборот, мне постоянно сам говоришь, что всему научил. А чему научил!? Как заполнять на коленке накладную и как высчитать налог!? Не спорю, было такое! Давай дальше, чему еще научил!?

Отец молчал, смотрел на меня.

- Вот стоит компьютер! – указал я на монитор. – Ты меня научил на нем работать? Нет. Я сам учился. Ты же вообще не умеешь на нем работать!

- А как я буду на нем работать, если ты за компьютером круглосуточно сидишь!?

- А ты разве изъявлял желание изучить компьютер!? – удивился я.

- Да, конечно! Я говорил тебе, что неплохо было бы и мне изучить компьютер и эту бухгалтерскую программу твою!

- Ничего себе заявление! Я что-то не припомню таких слов от тебя!

- Да ты много чего не припомнишь! – пошел в наступление отец. – Я заметил, у тебя память очень избирательно работает!

- Вот как!?

- Да, вот так! А как ты хотел!? Думал, я вокруг тебя прыгать буду!?

- Зачем вокруг меня прыгать!? – удивился я странной логике. – Хорошо, ты хочешь освоить компьютер, а я тут такой узурпатор, сижу и не даю тебе! Пожалуйста! Можешь хоть сейчас садиться и изучать его, чем смогу помогу, объясню!

- Ты мне эти сказки можешь не рассказывать!

- Какие сказки!? Я тебе предлагаю начать изучать компьютер, о чем ты и просил.

- Да такие сказки, завтра снова усядешься в кресло и тебя из него не выгнать!

- Да что за глупость-то!? – все еще удивляясь, я начал понимать, что отец банально «съезжает с темы». – Я тебя что-то не пойму! Ты собираешься изучать компьютер или ищешь причины, чтоб этого не делать!? Типа, я тебе не даю!? Вот! Я предлагаю! Изучай!

Позади раздался шорох, я обернулся – мать стояла в дверном проеме. Я разозлился, потянулся рукой и толкнул дверь. Мать едва успела отпрянуть, дверь с размаху хлопнула перед ее удивленным лицом. Привычка матери всюду и все подслушивать вывела меня из себя. Ее шаги торопливо затихли в коридоре.

- Ловко, я смотрю, ты устроился! Отец баранку крутит, коробки таскает, а сейчас и бухгалтерию еще будет вести! Вот, красота! А Рома будет только получать свою половину и ничего не делать! – коряво выкрутился отец.

Я понимал, что он не собирался ничего изучать. Но зачем обвинять меня?

- Да почему это, ничего не делать!? Поменяемся! Я буду крутить руль, а ты – вести учет, обзванивать клиентов, планировать работу и бегать с накладными! Согласен!?

- Ты ж водить не умеешь!

- Да почему это не умею!? Ну да, опыта мало, водил только нашу «двойку». Если надо, я подучусь и буду водить нормально.

- Да лаадно! – отмахнулся отец. – Водить он будет! Знаю я тебя!

- А что не так!? – не уловил я суть фразы. Отец опять вывернулся из темы своей же претензии, едва впереди замаячило ее решение.

- Сразу же куда-нибудь въедешь! Не надо! – категорично отмахнулся он, закинул ногу на ногу и откинулся на диване.

- То есть сам будешь водить и дальше?

- Получается так! – хлопнул отец себя по бедрам, собираясь встать, и добавил. – Ладно, бесполезно с тобой разговаривать!

- А чего ты тогда, как деляга, пришел и делиться начал!? – подлил я масла в огонь.

- Ты поосторожнее в выражениях, ты! – сцепил зубы отец, лицо его заострилось, глаза сузились и заблестели чистой злобой. – Попридержи язык, понял, сосунок!

О! Уже – сосунок! Все понятно, - отвернулся я от сверлящего взгляда и уставился в монитор, начав машинально и бесцельно кликать мышкой, качать головой, делая про себя неутешительные выводы. – Тогда нам больше не о чем разговаривать.

- Вот и сиди, играйся в свои игрушки как малолетний дурачок! – бросил отец уже мне в спину, выходя из комнаты. Дверь снова хлопнула.

- И буду играть, - буркнул я спокойно, но внутри меня все кипело.

«Что не так!? Почему он сознательно и явно идет на конфликт!? Зачем давит!? И этот переход на личности, не в первый раз... Чего он добивается!?»

Каша из мыслей крутилась в голове как в центрифуге.

- Старый мудака, - буркнул я, взял телефон и позвонил Вовке.

Следующие два дня мы общались лишь по рабочим вопросам. Отец рулил и курил, пока мы катались по избитым маршрутам, я же, отвернувшись, кисло пялился в свое окно. И под конец пятницы мы снова разругались. И опять вдрызг!

Все шло как обычно. Мы приехали в «Пересвет» полседьмого – последняя точка, разгружаемся и домой. Я выскочил из машины, оформил в офисе накладную, отнес ее на склад, спустился. Отец уже сидел на лавке, закинув ногу на ногу, и курил. «Газель» стояла у рампы. Я нырнул в кузов и за несколько минут выгрузил товар. Со склада пришла Галя, подседа рядом с отцом на лавку, закурила и стала крыжить накладную.

- Все верно, - сказала она, расписалась в накладной, протянула ее мне. – Вы – все?

- Да! Мы – все! – бодро хлопнул отец себя по бедрам и встал с лавочки, расплылся в улыбке. – Теперь домой отдыхать! Рабочая неделя закончена!

- Счастливые люди! – сказала Галя, затянулась сигаретой. – А нам еще два дня...

- Слушай, Галь, а дихлофосы уже начали завозить вам? – сказал я, помня о деле.

- Да, уже появились. Но только «Арбалет» завез свои, а больше никаких пока нет.

- Это хорошо, - буркнул я, закусил губу и глянул на отца, добавил: «Ладно! Я щас на витрину сгоняю, и поедem, подождешь меня пока тут, ладно?»

- Как директор скажет, так и будет! – с деланной исполнительностью произнес отец, глянул на кладовщицу. – Мы пока с Галей тут посидим, о жизни пообщаемся...

- Это кто? – улыбнулась и удивилась та. – Он, что ли у вас директор!?

- Дааа! – задрыгал ногой отец, наблюдая за мной ехидным взглядом. – Директор у меня, знаешь, какой строгий! Ууу!

Галя звонко засмеялась: «Ромка, ты, что ли строгий директор!?»

- Ааа! – отмахнулся я. – Он тебе расскажет, больше слушай! Ладно, я щас, быстро...

По пути в торговый зал базы я обдумывал странно участившееся в речи отца в мой адрес слово «директор». С виду безобидное, оно цепляло меня своим двойным смыслом, тем ехидством, поддевкой и ухмылками, с какими озвучивалось. Изученные до мелочей за несколько лет витрины я просмотрел за минуту. Ничего нового. «Надо ехать в «Сашу» и везти сюда дихлофосы, а то протянем, и кто-нибудь всунет их или еще какие-нибудь!» - возбужденно заскакали в голове мысли уже о работе. Я запомнил цены и пошел назад.

- Все!? Поехали!? – воскликнул отец, все так же сидя на лавке с Галей.

- Да, все, поехали! – торопливо подошел я к машине. – Галь, пока!

- Домой!? – радостно произнес отец уже в кабине, едва я сел рядом.

- Домой, домой, - сказал я отрешенно, думая о деле.

- Что опять не так? – на лицо отца вернулась настороженность.

- Да так, все так, поехали, - тем же тоном торопливо сказал я.

- Тебе не угодить, - недовольно произнес отец, бросив брезгливый взгляд.

Машина тронулась и неспешно покатила на выезд из базы.

- А мне и не надо угождать! – обострил я. Поддетый за чувство справедливости, я полез на рожон, желая выяснения отношений, и мы оба вспыхнули как спички.

- А что тебе надо!? – накрутил тон отец, ожесточившись в лице.

Машина миновала ворота и остановилась перед выездом на дорогу. Я глянул в обе стороны широкой улицы, к вечеру пятницы она была почти пуста.

- А мне ничего не надо! Что бы ты или перестал меня называть директором или дома мне не рассказывал, что я ничего не делаю, а весь бизнес ты придумал и вывел меня в люди, как ты выражаешься!

- Какой ты чувствительный!

- Да, чувствительный! А ты сидишь, Гале рассказываешь, что вот есть директор, типа, вот пусть он и бегаёт, а ты такой всего лишь скромный водитель и, типа, ничего не решаешь и потому сидишь тихонько на лавочке!

В потоке машин образовалась пауза, отец воткнул передачу, мы выехали влево.

- Ну, так тебе ж это хорошо! Ты же тут всем рулишь, так же думаешь!

- Я так не думаю и никогда не думал, не надо врать!! Чего ты врешь тут сидишь!??

- Чего тебе, блять, от меня надо!?!?? – заорал отец, остервенело ткнул передачу.

- Мне надо, чтоб ты тоже думал и предлагал какие-то решения, а не тупо обсасывал только мои!! Предлагай, давай, как нам развивать наш бизнес!?!?? В каком направлении!?! А то ты ловкую позицию избрал! Как что предложить нового, так от тебя не дождешься! А как я предлагаю, так ты со всем соглашаешься, а потом, если не выходит, я же во всем и виноват! Зачем я это предлагал!? Вот, зря потратили деньги!! Так предложи!!! Предложи, раз такой умный!!! Чего молчишь!?!?? Критиковать все горазды! Ты же сам всегда говорил – настало твое время! Так действуй, раз настало! Чё ты вцепился в этот руль!?

Отец до скрежета сцепил зубы, заметался взглядом между мной и дорогой.

- Сука!!! Блять!!! Как ты заебал!!! – сквозь зубы процедил он, побагровел, резко свернул на обочину, заглушил двигатель, выскочил из машины. – Тварь!!! Мразь!!!

Отец со всего маху и силы хлопнул дверью и пошел по обочине прочь, трясясь, закуривая на ходу и матерясь. Растерянный, я остался сидеть в звенящей тишине. На меня накатило стыд. Я залился краской, лицо загорелось жаром.

- И что я такого сказал? – промямлил я, глядя вслед отцу и по сторонам, казалось, что все проходящие мимо видели и слышали нашу брань, а сейчас идут дальше, осуждают меня и разочаровано качают головами. – Да уж...

Минут десять я сидел так. Совесть ела меня со всех сторон, поедая слабые ростки внутренних возражений о том, что сказанное мною отцу, по сути, правда и ничего нового я ему не выдал, возможно, слишком прямолинейно, но тем лучше, и лучше вообще сразу говорить, что думаешь, чем копить в себе годами и дотянуть до таких дрызг.

- Да уж, - повторил я, тяжело выдохнул и немного успокоился возникшей задачей, надо было ехать домой. Я пересел влево и завел «газель». По полупустым улицам доехал я совершенно нормально. Припарковал машину во дворе и поднялся домой.

- А где отец? – удивилась мать, увидев меня одного на пороге.

- Не приехал, наверное, еще, - обыденным тоном произнес я. – Да приедет сейчас.

Я уже помылся, поел и сел курить на балконе, когда хлопнула входная дверь. Я занервничал. Продолжать ссору не хотелось, я понимал, что оба только что прошли новую точку в цепи разрушения. И разрушения чего? Отношений отца и сына? Или отношений партнеров по бизнесу? Или все вместе? Я не хотел заглядывать в такое будущее. Хотел ли я раздела бизнеса? Нет, конечно! Я же не идиот! Мы одна семья, чего нам делить!? Всегда не понимал близких родственников, занимающихся между собой дрызгами и всякого рода дележами. Так глупо! Плохо было то, что наше с отцом взаимное неприятие оголилось. И скрыть его мы уже не могли.

- Знаешь что, дружочек!? – раздался позади голос отца, и тяжелая рука грубо легла мне на плечо. Я замер, внутренне весь сжался в комок, в голове пронеслась дикая мысль о возможной драке. Внешне же я продолжал размеренно курить, и когда рука ушла с плеча, осторожно обернулся. Отец, сверля меня строгим взглядом, произнес:

- Мы с тобой, наверное, не сработаемся!

У меня перехватило дыхание. Самые мрачные картинки замелькали в моем мозгу – раздел бизнеса, делёж денег и разрушение всего, что с трудом по крупичкам было собрано за несколько лет. Я собрал все спокойствие в голос и, тщательно продумав фразу, сказал:

- Ну, не сработаемся, значит, не сработаемся, как скажешь...

Отец задумался. С одной стороны, я дал понять, что уступать не намерен. С другой – переложил всю ответственность дальнейших шагов на отца. Отец растерялся и сдулся. Сработало. Я рассчитывал именно на это.

- Чтоб я такого больше не слышал! – выдал он через паузу раздумья и забарабанил указательным пальцем мне по плечу, жестко и неприятно. – Я не позволю тебе так со мной разговаривать! Я твой отец! Ты слышишь меня!?

- Слышу, - буркнул я и тут же ощутил, как вмиг стал спокоен. Отец потоптался за моей спиной несколько секунд и вышел, я продолжил курить, подумывая о звонке Вовке. Погода стояла шикарная, весна шла полным ходом, давая остатки зимы повсюду. Я закрыл глаза и положил голову на подоконник. Солнце тут же стало щедро греть мое лицо. Даже не верилось, что зима кончилась. За последние месяцы мы намучались, как никогда за все

прошлые зимы. Три месяца постоянных и авральных чисток снега, и промозглый март с долблением льда под воротами склада – брррр, жуть. Я инстинктивно дернулся всем телом и даже на секунду ощутил зимний холод, словно промерз насквозь. «Ненавижу зиму!» - рявкнул я мысленно, и тут за спиной в комнате зазвонил мобильник.

В девять вечера мы с Вовкой уже шли по центру города. Мой желудок начал ныть, и я влил в него алкогольный коктейль, сдобренные никотином. Желудок стих. Внутреннее напряжение толкало слова наружу, мне нужно было выговориться. И я начать ныть почти без умолку, вываливая все скопившееся и давившее душу, на голову друга. Вовка слушал, поддакивал, возражал, в иные моменты озадаченно чесал затылок и бурчал неразборчиво.

- Ну да, Анатолий Васильевич – серьезный очень. Сложно, наверное, тебе с ним.

Я сказал, что сложно очень, что отец нудный и правильный, и что понимаю мать – жить с человеком, у которого самая сильная положительная эмоция – натянутая улыбка, та еще мука. Оказавшись в клубе, я продолжил изливать душу Вовке, тот поддакивал и облизывал взглядом всех проходящих мимо девушек.

- Ну, видишь! – сказал Вовка. – Он хочет тебя научить чему-то, хочет, чтоб ты не нарушал его авторитет, а ты ж такой, ершистый, никак он с тобой справиться не может!

Мы стояли с «отвертками» в арке грота. Алкоголь гасил мою взвинченность. Я был благодарен Вовке, он весь вечер слушал мое нытье, делая вид, будто ему интересно. Меня же как заклинило. Я пытался найти логику и справедливость в словах и поступках отца.

- Сказали, апрель доторгуем и все! – глядя на меня, хлопала своими выпученными глазами сменщица Надежды Петровны. На часах было 19:10, 18 апреля, понедельник.

- Ну, - вздохнул я, забирая выручку. – Раз так сказали, значит доторгуем апрель...

- А дальше-то что!? А как же будет-то!? А что, в мае уже торговать не будем!? – засыпала меня вопросами продавщица.

Выслушав причитания тетки, я снял выручку во втором киоске и уже через полчаса был дома, где сообщил новость отцу, дремавшему на диване. Руководство рынка на месте торговых рядов решило начать стройку, а киоски и павильоны перенести. Новое место не виделось уже столь бойким. Я сказал, что выручка с киосков там наверняка будет ниже, а значит, рентабельность их станет такой же или даже ниже, чем у оптовых продаж.

Мы сидели уже на балконе, греясь в лучах вечернего солнца. Выслушав меня, отец с полминуты молчал, потягивая сигарету, наконец, произнес: «И что ты предлагаешь?»

- Не знаю, пока ничего не предлагаю, посмотрим, как решат хозяева рынка на счет киосков. Но, если у нас и закроется розница, то переживать не буду.

С одной стороны, потеря наработанного доходного места огорчала. С другой – все это время мы жили и работали, будто привязанные к киоскам. В любую погоду набирали и везли очередной заказ на рынок. Так нужная по началу стабильность, со временем стала тяготить и превратила киоски в кандалы. Они стали мешать движению и развитию. К тому же, по факту, с розницей мы опоздали. Киоски уже являлись сущим анахронизмом из 90-х годов. В момент, когда мы их купили, розничная торговля по формату и организации уже ушла вперед. Крупные точки теснили мелкие. Мы не тянули новый формат. Я понимал, едва киоски перестанут приносить доход, их придется просто оставить. На продажу я не надеялся. Кому в здравом уме нужны половинки разных контейнеров? Тупик с киосками так загрузил мне мозг, что через какое-то время я махнул на проблему рукой, предоставив решать ее самой жизни.

«Если закроем киоски, то высвободим около ста двадцати тысяч. А еще на складе запасы под розницу. Там под двести. Итого – три сотни свободных денег. Мы застряли в мелочевке. Нам нужен крупный поставщик. Триста тысяч даже через десять процентов – тридцатка, больше, чем дает розница и на тех же деньгах. Да, от розницы надо избавиться и усилить опт. А то ни там толком, ни там». Так размышлял я следующим утром лежа в полудреме в кровати. Нам требовался кардинальный шаг вперед, рывок. Я силился найти правильное решение, выход, но горизонт интуиции был пуст.

- Блин, дихлофосы! – вырвалось у меня вслух, и сон улетучился вмиг. Я схватил мобильник, набрал номер «Саши». – Алло, Сергей!? Привет, Сереж!

В ухе приятно зазвучал мягкий, но слегка тревожный голос менеджера «Саши».

- Дихлофосы-то есть, но мы закрываемся, - произнес тот упавшим тоном. – Ни с того, ни с сего «Давидыч», вот, решил закрыть «Сашу». Сейчас обзваниваю поставщиков, говорю, чтоб приехали, забрали товар и рассчитались. Хорошо, что позвонил. Надо будет вам тоже приехать и забрать свой товар. Когда сможешь приехать?

- Ну... - взял я паузу. Новость огорошила. Она звучала неожиданно и странно.

Причин для закрытия я не видел. Нормальная фирма, работала стабильно. Хотя, кто знает?

- Смогу на той неделе, - произнес я. – Вы как будете работать, как обычно?

- Да, до конца месяца в обычном режиме.

- Ну, тогда на той неделе в четверг-пятницу приедем мы и на месте рассчитаемся.

- Хорошо, буду ждать.

- А если в субботу?

- Можешь и в субботу приезжать, но только часов до трех, не позже.

- Отлично, тогда если что, может даже и в субботу. Слушай, еще такое дело, у меня этот твой «Антипригар» застрял, я его тогда отобью тебе обратно и привезу, хорошо?

- Хорошо, привози, гы-гы-гы! – вдруг повеселел Сергей, засмеялся в трубку.

- Ну, все, тогда до следующей недели!

- Пока.

Я встал и пошел в душ. К проблеме с киосками добавилась вторая, косвенная.

- «Саша» закрывается! С дихлофосами косяк! – выдал я сходу новость отцу, едва после душа оказался на кухне и тут же полез по кастрюлям.

Тот, чинно жевавший, прекратил работать челюстями и замер, хлопая глазами.

- До конца месяца надо будет забрать свой товар, посмотреть, что из их висяков у нас есть, отбить им обратно и подбить сальдо! – добавил я.

- Да, - закивал отец, предварительно с усилием глотнув. – Надо будет, конечно.

- Дихлофосы надо искать! – плюхнулся я за стол напротив. – Лето впереди!

- Да, - снова закивал отец. – Дихлофосы надо искать.

- Ладно, - отмахнулся я от подкатившего раздражения. – Придумаем что-нибудь.

Последние две недели апреля прошли на рынке как предгрозовые. Слухи бродили разные: то все киоски закрывают; то закрывают часть киосков; то закрывают все, но часть перевезут на другую сторону рынка. От домыслов голова шла кругом. Продавцы и хозяева киосков и павильонов нервничали. Некоторые даже перестали подвозить товар. Другие же решили торговать до последнего, как и мы. Все разрешилось под самый вечер пятницы.

- Рома, привет, это Надежда Петровна! – раздался в мобильнике голос старушки, когда мы загружались на складе. – Сейчас мне сказали, что после обеда к вечеру ближе тут будет кран, и киоски будут перевозить на ту сторону рынка! Ну, это кто хочет только если! Мы будем перевозить киоски!? Как нам быть!?

Голос старушки дрожал. Решили, что товар с киосков соберем в «газель», а там видно будет. В три мы приехали на рынок, уже походивший на растревоженный улей.

Половины соседнего ряда павильонов уже не было – с утра кран переместил их на другую часть рынка. Надежда Петровна и Полина во всю собирали и упаковывали товар. Старушка делала это ловко и быстро. Полина неуклюже и коряво пихала товар в коробки.

- Анатолий Васильевич, так что с нашими киосками!? Переносить будут туда или как?! – завидев нас, почти крикнула Надежда Петровна.

- Да пока неизвестно, - замер отец и заскреб озадаченно мизинцем в затылке. – Узнать бы надо, что здесь и как.

- А что тут говорят, Надежда Петровна? – произнес я.

Старушка снова наговорила то, что сказала во время звонка.

- Надо, наверное, в администрацию сходить, да узнать все, а то от всех этих слухов одна путаница в голове. Ладно! – я повернулся к отцу. – Давай, я пока коробки в машину носить буду, а ты сходи в администрацию, узнай, что там и как!?

- Да, пожалуй, надо сходить, - сказал отец и принялся чесать за воротом рубашки.

Я взял самую большую коробку и понес в машину, едва не зацепив по пути отца.

- Ну, отойди чуть в сторону, не мешай, - буркнул я, видя, как отец все пребывает в растерянности, быстро отнес коробку в «газель» и вернулся за следующей.

Отец помялся и взял в руки коробку у Полины. Я тут же обозлился на него, поняв, смысл движение. Конфликты наши с его притязаниями на лидерство были свежи, которое он сейчас в простой ситуации не принял на себя, а стушевался и взялся за коробку.

- Да зачем ты носить собрался!? – не выдержал я. – Ну иди, сходи! Узнай, что к чему там! Коробки я и сам перетаскаю, тут их немного!

- Да? – замялся отец, поставил коробку обратно.

- Да! Иди! – добавил я с нажимом.

Продавщицы, словно прочитав в моих глазах внутреннее решение на счет киосков, стали и дальше собирать товар, но уже без надежды на дальнейшую работу.

- А вы продавать киоски не собираетесь? – неожиданно спросила старушка.

- Продавать!? – застыл я с коробкой в руках.

- Да тут ходили покупатели с утра, - буркнула Полина. – Вернее покупательница, тетка какая-то, спрашивала, никто киоск продавать тут не собирается? Ну, а мы ж не знаем, будете вы продавать или нет. Сказала, что вечером еще придет.

- О как! Надо же! – удивился я, задумался, возникла мысль, я глянул на соседа, тот освобождал свой киоск. Мы с ним не очень ладили, но попробовать стоило. Я обернулся – отец вразвалочку удалялся в сторону здания рынка. Подойдя к соседу, я сходу предложил обменять его половинку на киоск Полины, так, чтобы у нас поучился единый контейнер. Тот задумался. Я был готов к отказу, знал точно – если не получится ничего выжать из киосков, брошу их с легкостью. Возможно, сосед уловил мой настрой, потому как вместо обычных препирательств произнес простое «да, давай».

Покончив с коробками, я рассчитался с продавщицами.

- Ну, что, Рома, все!? – задорно с горчинкой в голосе, отделяя паузой каждое слово, произнесла старушка, пряча деньги в карман легкой курточки.

- Надежда Петровна! – начал я, прерывисто вздохнув, волнуясь. – Я не знаю, как будет дальше, честно! Может, перенесем это наш большой киоск на ту сторону и будем торговать дальше. Хотя, мне как-то уже не очень хочется, признаться. Может, продадим, если найдутся желающие... - я оглянулся, отец возвращался, цепляясь то и дело ногами за летающий и валяющийся мусор. Рынок был похож на часть города, население которого в спешке бежало от наступающего неприятеля, забирая с собой, что могло унести и увезти. Все сновали кругом. Какая-то женщина металась меж поредевшими торговыми рядами.

- Вон та тетка, - буркнула Полина. – Которая спрашивала про киоски.

Я принял у продавщицы ключи, глянул в сторону приближающихся тетки и отца, поблагодарил Полину за работу, простился с ней, и та поковыляла прочь.

- Все уже погрузили? – подойдя, произнес отец, изображая неуместное благодушие.

- А вы киоск продаете!? – раздалось за спиной.

Все обернулись. Метущаяся тетка стояла рядом.

- Да как вам сказать, можем и продать, если цену хорошую дадите! – все в том же неясном мне игривом настроении выдал отец. Я начал злиться. Явно пришел покупатель, чего перед ним комедию ломать? Договаривайся и продавай!

- А сколько ж вы хотите!? – бойкая тетка дернула плечом, поправляя лямки сумки.

Отец медлил. Я и Надежда Петровна вопросительно смотрели на него.

- А вам какой киоск нужен? – развел руками отец. – Целый или половинка?

- Зачем мне половинка!? – вытаращилась тетка. – Целый, конечно! А ваш какой!?

- А у нас целого нет... - начал было отец.

- Есть целый! – рявкнул я, хлопнул ладонью по киоску. – Вот этот наш полностью!

Отец растерянно заморгал.

- Этот ваш!? – вцепилась взглядом в киоск тетка и тут же оказалась рядом со мной.

– Отлично! То, что надо! Так сколько вы за него хотите!?

Тетка посмотрела на меня, перевела взгляд на отца.

- Вот главный! – повеселел вдруг я от его растерянности. – Все вопросы к нему.

- Так сколько вы хотите за киоск!? – надела тетка на отца.

- Ну... - заскреб тот пальцем в затылке, уперся другой рукой в бок и отставил ногу вперед, приняв любимую позу, обещающую долгую и обстоятельную беседу. – Это надо подумать. Вместе две половинки будут стоить семьдесят тысяч.

- Сколько!? – завопила тетка.

Отец подобрал ногу.

- Семьдесят тысяч, - повторил он. – Мы столько сами заплатили за две половинки. За одну тридцать тысяч, за вторую сорок.

- Не, я могу только тридцать дать, больше не могу! – отрезала тетка.

- Ну, - развел руками отец. – Наш стоит семьдесят, меньше никак.

- Ладно! – произнесла тетка. – Я буду тут рядом, похожу еще по другим киоскам, поспрашиваю. Если надумаете, найдите меня.

- А вам зачем киоск? Где ставить будете? Повезете в другое место? – спросил я.

- Да не, на ту сторону хочу перевезти, я договорилась в администрации, одно место мне оставляют уже, сейчас кран приедет к семи вечера, - отчеканила тетка.

Я глянул на часы – 17:08.

- Хорошо, мы вас найдем, если что, подумаем сейчас, - сказал я, тетка убежала.

- Анатолий Васильевич, ну, я пойду, наверное? – произнесла Надежда Петровна. Минута неловких прощаний и напутствий и старушка с пакетом в руке пошла в противоположную Полине сторону.

- Что там, в офисе, в администрации рынка сказали? – посмотрел я на отца.

- Да я что-то и не застал там никого, походил, посмотрел, люди какие-то суетятся, как эта тетка, бегают кругом. А толком никто ничего сказать не может, - развел руками он.

«Вот такие как эта тетка все уже узнали и место застолбили на той стороне рынка, а ты проходил там полчаса и ничего не узнал, киоск у нас есть, а места нет, - раздражаясь подумал я и тут же пресек мысль другой. – Ничего не исправишь. У каждого тот характер, какой есть. И с ним каждому жить. Так вот все мы и терпим друг друга».

- Понятно, - сказал я, пошел к «газели» и стал закрывать кузов, чтобы занять себя.

- Может, все-таки снизите цену до тридцати!? – объявилась тетка, едва я закончил.

– А то уже через час приедет кран, я бы киоск купила и на новое место поставила!

Я огляделся, отец как испарился. В секунду вдруг ясно увиделось будущее, связанное с киоском – он на новом месте, Надежда Петровна за прилавком, покупателей мало, выручка слабая, деньги в товар вложены, мы с отцом скандалим, вешаем на киоск бумагу о продаже, но покупателей нет и так пару лет. Я вздрогнул. Нет уж, спасибо.

- Да! Давайте, за тридцать я вам его уступлю! – сказал я.

- Правда!?!? – чуть не завопила тетка. – Ой!! Все, беру!!! Ой! Только у меня деньги дома, но я живу здесь недалеко, мне минут десять надо, я мигом туда и обратно, хорошо!?

- Идите, я вас подожду здесь, - произнес я с деланным равнодушием, да так удачно, будто всю жизнь торговал ржавыми киосками. – Только не задерживайтесь.

Последние слова усилили эффект. С воплем «я мигом!» тетка побежала в сторону спящего на закате солнца. Я закурил, преждевременная радость рвалась наружу. «Зачем надо просить за этот сраный киоск семьдесят тысяч, если он столько не стоит?» - подумал я о врожденном неумении отца торговать. «Мы все равно давно уже отбили все вложения и получили прибыль. Да продать его и забыть! Тридцать тыщ – отличная цена.»

Отец как сквозь землю провалился.

Прибежала тетка, сунула мне деньги, и мы нацарапали на тетрадном листе договор. Вне себя от нахлынувшего счастья тетка снова убежала в закат. Едва я сунул деньги в карман джинсов, как дал волю чувствам – расплылся в счастливой улыбке – гора с плеч!

- Ты чего такой радостный!? – подошел отец.

- Киоск продал, - улыбался я сам себе.

- Кому, той тетке!? – отец вытянулся в лице.

- Ага! – я зажмурил один глаз.

- За сколько же!?

- За тридцатку.

- Нда, - замялся отец. – Что ж так дешево-то!?

Я достал пачку денег и шмякнул ее отцу в ладонь: «На! Не жадничай! А то и этого бы не получили! Эта ржавая банка вообще ничего не стоит, я б за нее и рубля не дал!»

Отец уставился на меня как на человека, совершившего непростительное своеволие – принявшего самостоятельное решение.

- Чего ты на меня так смотришь? – ухмыльнулся я.

- Да так, - по заострившемуся лицу отца мелькнуло недовольство. – Шустёр!

- Ну а чего тут тормозить? Была покупательница, я продал. Все дела!

- А товар для розницы теперь куда денем!?

- Да продадим! Куда денем!? Распихаем по клиентам, уйдет за два месяца весь, а то и быстрее. А деньги высвободим и в оборот пустим.

- В какой оборот!?

- Да в любой! Вон, сейчас сезон на дихлофосы начинается! Туда и сунем деньги! А дихлофосы – товар денежный, там деньги нормальные нужны! Как раз они и появятся.

- А, ты уже все решил, да!?

- Слушай, чё ты пристал!? Ты до конца жизни что ли собирался таскать коробки в эти киоски!? Я – нет! Я больше не хочу заниматься розницей, мне она надоела!

Отец, сверля меня взглядом, выдержал паузу, буркнул «ну-ну» и закурил.

Я глянул на экран мобильного – 19:32.

- Поехали домой, тут делать уже нечего. Возврат из «газели» завтра выгрузим, все равно в «Сашу» ехать... - сказал я и направился к машине, отец пошел следом.

Дома, как обычно – душ, ужин, компьютер. Я нырнул в кресло и закликал мышкой.

«Надо Вовке позвонить», - мелькнуло в голове. Я потянулся к телефону. И тот зазвонил.

- Рамзеееее!!! – заорал голос в трубке. – Рамзеееее!!! Блять!! Здарооова, чувааак!!

- Блять, Вов! У меня ухо щас отвалится от твоих воплей! Здарова, балда!

- Блять, Рамзес, прости! Рамзес, ну этааа... Чооо..., идем сегодня в «Небеса»!?

- Идем, конечно, что за вопрос, Владимир? Как обычно в десять у гостиницы.

- Ну всеее! Атличнааа! Давааай! Пакааа!

Я устался на рабочий стол, соображая, что же еще не доделано. Два тетрадных листа, исписанные продавщицами с обеих сторон, лежали перед носом. Нашей розницы уже не было, дела могли и подождать.

- Да пошло оно все нахер! – выпалил я вслух, отмахнулся и выскочил из кресла.